

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

под ред. проф. *Б. Ф. Поршнева*

и доц. *Л. А. Бендриковой*

второе издание

М.: изд-во МГУ. 1949

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf), 2010. Дореформенная орфография сохранена. **Каждая статья подготовлена отдельным файлом.** Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и сообществе.

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А. Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф. Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С. Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_3.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tab_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789–1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>
Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

Содержание сборника

Евгения Акимовна СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Маркс и Энгельс в Париже

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам. Вступление в Кёльнское демократическое общество

Маркс и Готшалк

Маркс и Стефан Борн

Алексей Леонтьевич НАРОЧНИЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ от ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ до ЛЕТА 1848 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции.

Дипломатия Пальмерстона

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ и МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 года

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале-мае 1848 г.

Европейские правительства и Февральская революция

Вторая республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

Ревека Абрамовна АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

Любовь Авксентьевна БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС и РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ

Е. А. СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Еще задолго до начала революционных событий в Европе основоположники марксизма на страницах «Deutsche Brusseler Zeitung» предсказывали их приближение. Так, подводя итоги 1847 года, самого богатого событиями в течение целого ряда лет, Энгельс писал: «1847 год не принес никаких окончательных решений, но он повсюду резко и ясно противопоставил друг другу партии; он не разрешил ни одного вопроса в окончательной форме, но все вопросы оказались поставленными так, что разрешение их сделалось неизбежным»¹.

Вести о революционных событиях в Италии и во Франции подтвердили этот прогноз Энгельса о неизбежности решительной схватки борющихся сил, о приближающейся европейской революции.

Как раз накануне февральской революции во Франции, в Лондоне вышел из печати знаменитый «Манифест Коммунистической партии», эта «песнь песней марксизма» (Сталин). «Манифест» явился блестящим итогом того грандиозного критического и творческого труда, который проделали Маркс и Энгельс в области философии, политической экономии и социализма. «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»².

А изложенное в «Манифесте» в классической, чеканной форме, учение Маркса ознаменовало собой новую эпоху в истории общественной мысли. Учение Маркса — величайшее открытие XIX века. Оно явилось настоящей революцией в философии, в политической экономии, в изучении истории человеческого общества. Маркс и Энгельс не были просто родоначальниками какой-либо философской «школы». Это были «живые вожди живого пролетарского движения» (Сталин). В отличие от всех прежних общественных теорий учение Маркса было обращено к широким массам, являясь идеологией наиболее передового, прогрессивного класса современности — пролетариата. Учение Маркса должно было стать путеводной звездой в великой освободительной борьбе рабочих масс.

В «Манифесте Коммунистической партии», этой теоретической и практической программе основанного в 1847 году «Союза коммунистов», была уже намечена тактика коммунистов в предстоящей европейской революции. «Коммунисты, — говорилось в «Манифесте», — борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»³. Конкретизируя это основное тактическое положение марксизма

применительно к политическим условиям различных стран, Маркс и Энгельс подытожили эти свои тактические указания коммунистам следующим выводом: «Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя»⁴.

С началом революционных событий в Европе основоположники марксизма, видевшие в революции могучий двигатель, локомотив истории, все свои силы посвятили организации масс, вооружению их «истинным лозунгом борьбы». Они приводят в движение все рычаги, которыми они располагали в это время в Брюсселе, все доступные им средства воздействия на массы. Маркс и Энгельс развертывают энергичную деятельность в «Союзе коммунистов» и в Брюссельском немецком рабочем обществе. Широким полем для их деятельности было в это время также Брюссельское демократическое общество, в котором Маркс состоял вице-президентом. Это общество, объединявшее в своих рядах представителей многих национальностей Европы, ставило себе целью установление братского союза и сотрудничества между народами.

Как только началась революционная гроза в Италии и во Франции, Брюссельское демократическое общество развернуло широкую агитационную деятельность путем организации многочисленных митингов и собраний. В то же время оно предприняло ряд шагов для укрепления своих международных связей, для установления единства действий между демократами различных стран.

28 февраля комитет Демократического общества обратился к Временному правительству Франции с адресом, в котором он выражал свое глубочайшее уважение к французскому народу, взявшемуся за решение великой задачи, и благодарность за те огромные услуги, которые революционная Франция оказывает делу всего человечества. В этом обращении высказывалась надежда, что страны, граничащие с Францией, будут первыми, которые последуют по ее пути.

Одновременно комитет Демократического общества обратился с письмом к секретарю общества «Братских демократов», редактору чартистской газеты «Northern Star» Джорджу Джулиану Гарни. В этом письме комитет информировал вождя чартистов о той деятельности, которую развернуло Брюссельское демократическое общество в связи с событиями во Франции, и выражал надежду, что чартисты добьются того, что «народная хартия» станет законом их страны.

В начале марта Маркс получил следующее письмо, подписанное от имени правительства Французской республики его членом Флоконом: «Мужественный и честный Маркс! Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания вас изгнала, свободная Франция открывает вам свои двери, как и всем тем, кто борется за святое дело, за братское дело всех народов...»

Маркс, рвавшийся в самый центр революционной борьбы, вместе с Энгельсом принял решение о немедленном переезде в Париж.

Перед отъездом Марксу пришлось поближе познакомиться с политическими порядками в «образцовом государстве» — Бельгии.

Бельгийское правительство, испуганное успехами республиканской агитации в стране, обрушилось с преследованиями на демократов, в особенности иностранцев, которые якобы намеревались учредить республику в Бельгии вопреки желанию самого бельгийского народа. На основании этой сочиненной им версии бельгийское правительство издало приказ о высылке ряда иностранцев из Бельгии. Во главе списка высылаемых эмигрантов, составленного при ближайшем участии прусского посла, стояло имя Карла Маркса. 3 марта в 5 часов вечера Марксу был вручен приказ о том, что он в течение двадцати четырех часов должен покинуть Бельгию.

Как раз к этому времени Маркс получил постановление лондонского Центрального комитета «Союза коммунистов» о передаче им своих полномочий брюссельскому окружному комитету Союза во главе с Марксом. Но так как руководящие члены этого комитета уже приготовились к переезду в Париж, то новый Центральный комитет, собравшись 3 марта на квартире у Маркса, постановил распустить себя и, передав свои полномочия Марксу, поручил ему сформировать в Париже новый Центральный комитет Союза.

Едва закончилось это заседание, как в комнату ворвались десять полицейских во главе с комиссаром полиции, арестовали Маркса и отправили его в тюрьму. На другой день была арестована жена Маркса и брошена в тюремную камеру, где находились уголовные и проститутки. Ей было предъявлено обвинение... в бродяжничестве.

Многочисленные голоса протеста, раздавшиеся против этого вопиющего произвола, вынудили бельгийскую полицию освободить

Маркса и его жену. Так как к моменту их освобождения двадцатичетырехчасовой срок высылки уже кончился, они были вынуждены покинуть Бельгию, не забрав самого необходимого.

Маркс и Энгельс в Париже

По приезде в Париж Маркс приступил к созданию нового Центрального комитета «Союза коммунистов». Как раз к этому времени приехала из Лондона делегация «Братских демократов» к Временному правительству Франции. В состав этой делегации, наряду с чартистами Э.Джонсом, Дж.Гарни и др., входили представители Лондонского немецкого рабочего просветительного союза и члены бывшего Центрального комитета «Союза коммунистов» Карл Шаппер, Генрих Бауэр и Иосиф Молль. Приезд этих людей облегчил Марксу задачу конституирования нового Центрального комитета «Союза коммунистов». Около 10 марта Маркс сообщил остававшемуся еще в Бельгии Энгельсу, что новый Центральный комитет уже конституирован, причем он — Маркс — избран председателем, Шаппер — секретарем, а членами комитета — Валлау, В.Вольф, Молль, Бауэр и Энгельс. Сообщая об этом своему другу, Маркс торопил его с приездом в Париж.

Перед новым Центральным комитетом Союза сразу же встали большие и сложные задачи. Вести о событиях в Германии, приходившие в Париж, красноречиво говорили о том, что революционное брожение и в

этой стране нарастает с каждым днем, что скоро и здесь дело дойдет до решительной схватки, что революционная волна подкатывается уже к столицам Габсбургов и Гогенцоллернов.

Определить характер и конкретные задачи надвигающейся германской революции, наметить тактику пролетариата в этой резолюции, внести ясность во взбудораженные событиями умы немецких рабочих, в первую очередь членов «Союза коммунистов» — вот в чем видел свою главную задачу новый Центральный комитет Союза.

«В Париже господствовало тогда, — вспоминал позже Энгельс, — увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы итти освобождать свое отечество»⁵. Организованное в Париже Немецкое демократическое общество, возглавляемое поэтом Георгом Гервегом, призвало немецких эмигрантов «взять в свои руки оружие, чтобы добиться торжества республиканского дела по ту сторону Рейна»⁶. Временное правительство Франции было не прочь воспользоваться этим планом создания легионов, чтобы избавиться от иностранных рабочих, многие из которых не имели работы и являлись опасным для французской буржуазии горючим материалом. Правительство согласилось предоставить легионерам различные путевые льготы, чтобы они могли добраться до немецкой границы.

Но французское правительство вовсе не склонно было снабжать легионеров оружием. Чтобы вооружить легионеров, Георг Гервег выступил с воззванием к парижским клубам и к «храбрым гражданам мобильной гвардии». Ссылаясь на то, что парижане уже одержали победу и сложили свое оружие, он просил их одолжить это оружие немецким легионерам, которые горят желанием провозгласить дружественную революционной Франции германскую республику⁷. Однако это обращение не имело успеха. Французские рабочие правильно полагали, что им еще рано расставаться с оружием, что оно может еще понадобится им для борьбы с готовящейся к наступлению контрреволюцией. Несмотря на такое «маленькое» препятствие, как отсутствие оружия, Гервег продолжал свою шумную деятельность по организации немецких легионов.

Тотчас же после своего приезда в Париж Маркс самым решительным образом выступил против этой авантюристической затеи Гервега, против заведомо обреченной на неудачу попытки «импортировать» в Германию республику. Так как агитация Гервега среди немецких эмигрантов, жаждавших революционного дела и рвавшихся на родину, имела значительный успех, Марксу и его сторонникам пришлось выдержать натиск. В противовес Немецкому демократическому обществу был учрежден Немецкий рабочий клуб, комитет которого возглавлялся Марксом⁸. На собраниях этого клуба, происходивших на улице Сен-Дени, Маркс и его сторонники убеждали немецких рабочих не итти в легион, а поодиночке возвращаться на родину и действовать там в интересах движения. В докладах и выступлениях в этом клубе Маркс и другие члены Центрального комитета «Союза коммунистов» разъясняли рабочим

тактику немецких коммунистов в германской революции, знакомили их с ходом борьбы и с перспективами революции и в других странах Европы. Так, на одном из публичных собраний в этом клубе Маркс в большом докладе доказывал рабочим, что февральскую революцию во Франции надо рассматривать лишь как начала движения, что скоро в Париже развернется открытая борьба между пролетариатом и буржуазией. От исхода этой борьбы будет зависеть победа или поражение европейской революции. Он убеждал тех немецких рабочих, которые оставались в Париже, подготовиться к участию в этой предстоящей вооруженной борьбе французских рабочих⁹.

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Одновременно с этой деятельностью среди немецких эмигрантов Маркс и Энгельс вместе с другими членами «Союза коммунистов» были заняты разработкой программного документа, политической платформы «Союза коммунистов» в начавшейся германской революции.

Общие теоретические основы этой платформы были заложены уже в «Манифесте Коммунистической партии».

«На Германию, — писали Маркс и Энгельс в этом историческом документе, — коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции»¹⁰.

Эта общая оценка характера германской революции послужила отправным пунктом при разработке конкретной политической платформы — «Требований Коммунистической партии в Германии», сформулированных в 17 пунктах.

Во главе этих требований стоял основной лозунг коммунистов в германской буржуазной революции — требование единой, нераздельной германской республики. Создание единой демократической республики основоположники марксизма рассматривали как необходимое предварительное условие для будущей пролетарской революции, как меру, расчищающую пролетариату путь к борьбе за социализм.

Чтобы создать на развалинах германского союза подлинно демократическое государство, Коммунистическая партия выдвигала требования всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21 года, вознаграждения народным представителям в парламенте, всеобщего вооружения народа, бесплатности судопроизводства, полного отделения церкви от государства, всеобщего и бесплатного народного образования.

Чтобы уничтожить все пережитки феодализма в Германии и с корнем вырвать экономическую основу политического господства помещиков, в первую очередь реакционного прусского юнкерства, выдвигалось требование уничтожения без выкупа всех феодальных

повинностей, всех оброков, барщин, десятин и т.д., еще тяготевших на немецком крестьянстве.

Рассматривая германскую буржуазную революцию как пролог к будущей пролетарской революции, основоположники марксизма наметили в «Требованиях» ряд переходных мероприятий, таких мероприятий, о которых в «Манифесте Коммунистической партии» говорилось, что они «в ходе движения перерастают самих себя» и становятся средством для переворота во всем способе производства. К числу этих переходных мероприятий относились требования погашения в государственную собственность княжеских и прочих феодальных имений, всех рудников, копей и т.д. организации на этих землях крупного современного сельского хозяйства; объявление крестьянских ипотек и земельной ренты государственной собственностью; замена всех частных банков государственным банком, национализация всех средств транспорта, железных дорог, пароходов, гужевых дорог, почты и т.д.; ограничение права наследования; введение усиленного прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления; устройство национальных мастерских, обеспечение государством работы всем рабочим и попечение о неспособных к труду.

В заключение члены Центрального комитета «Союза коммунистов», подписавшие эти «Требования», призывали германский пролетариат, мелкую буржуазию и крестьянство со всей энергией способствовать проведению в жизнь всех этих мероприятий. «Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постарались и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им как производителям всех богатств»¹¹.

«Требования Коммунистической партии в Германии» были опубликованы отдельной листовкой, а также напечатаны в ряде немецких газет. Этот важный политический документ вручался как напутствие каждому немецкому рабочему, уезжавшему в Германию. Член Временного правительства Франции Флокон, с которым, как и с рядом других деятелей революционной Франции, Маркс и Энгельс встречались во время своего пребывания в Париже, добился для отправляемых Немецким рабочим клубом эмигрантов таких же путевых льгот, какие были обещаны легионерам Гервега. Таким образом удалось отправить 300—400 рабочих, среди которых члены «Союза коммунистов» составляли огромное большинство. И если легионы Гервега, о формировании которых с шумом и треском возвещалось на весь мир, по переходе границы сразу же натолкнулись на поджидавшие их немецкие войска, то посланцы Маркса и Энгельса, переехав французскую границу и рассеявшись по территории Германии, заняли свои позиции в первых рядах революционных борцов.

Маркс и Энгельс, в свою очередь, торопились закончить всю подготовительную работу, чтобы отправиться в охваченную революцией Германию. Они намеревались создать там большую ежедневную газету, через которую они могли бы воздействовать на народные массы. В

первых числах апреля Маркс вместе с Энгельсом, В.Вольфом, Дронке и другими членами «Союза коммунистов» покинул Париж и отправился в Германию, чтобы там со всей присущей ему революционной энергией отдаться борьбе за торжество германской и европейской революции.

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Местом своего пребывания, штаб-квартирой «Союза коммунистов» Маркс и Энгельс избрали г.Кёльн. Кёльн был центром передовой в то время части Германии — Рейнской провинции. В этой провинции, испытавшей воздействие французской буржуазной революции, была уже развита крупная промышленность и образовались первые кадры пролетариата. Здесь действовал Кодекс Наполеона, предоставлявший относительно больший простор для печати, чем это было в старопруссских провинциях. Все это создавало более благоприятные условия для осуществления плана Маркса и Энгельса — создания большой ежедневной газеты.

Еще до приезда Маркса и Энгельса в Кёльн у ряда местных демократов и коммунистов (Даниэльса, Бюргерса, Д'Эстера, Гесса) возник проект создания газеты, которой они намеревались придать узко местный, кёльнский характер. 7 апреля в «Kolnische Zeitung» появилось извещение о предстоящем выходе «Rheinische Zeitung», подписанное М.Гессом и Ф.Аннеке.

Некоторые из инициаторов проекта издания «Рейнской газеты» усиленно уговаривали Маркса и Энгельса отправиться в Берлин, мотивируя это тем, что там имеются более благоприятные условия для создания общегерманской газеты. В это же время Кампгаузен через одного из своих кёльнских друзей обратился к Марксу с «многообещающим» предложением приехать к нему в Берлин. Эту попытку воздействия со стороны Кампгаузена, так же как и советы некоторых «друзей» из демократического лагеря, Маркс и Энгельс оставили без внимания. Избрав Кёльн в качестве своей штаб-квартиры, они приступили к трудному делу создания газеты. Чтобы подчеркнуть преемственность ее с выходявшей в 1842—1843 годах под редакцией Маркса «Рейнской газетой», память о которой сохранилась не только в Рейнской провинции, но и далеко за ее пределами, они решили назвать свой новый революционный орган печати «Новой Рейнской газетой».

Основоположники марксизма развернули одновременно энергичную деятельность и по созданию газеты и по организации общин «Союза коммунистов» и рабочих обществ. Посланные ими в разные города Германии эмиссары, наряду со сбором акций на газету, приступили к созданию на местах организаций «Союза коммунистов» и более широких, открытых рабочих обществ.

Однако при организации общин «Союза коммунистов» им пришлось столкнуться с огромными трудностями. В тогдашней Германии «нужно было выискивать отдельных рабочих, которые являли свое положение как рабочих и свою историко-экономическую противоположность

капиталу, потому что самая эта противоположность тогда только возникала»¹².

В экономически отсталой и политически раздробленной Германии еще не существовало условий для организации массовой пролетарской партии. Несколько сот разбросанных по всей стране членов «Союза коммунистов» были незаметны в огромной, приведенной внезапно в движение, народной массе.

При отсталости рабочего класса Германии, при отсутствии условий для организации массовой рабочей партии, передовым представителям пролетариата приходилось выступать на политической арене сперва в виде крайней демократической партии. Надо было примкнуть к существующему уже в Германии демократическому движению и занять позиции на его левом, передовом, фактически пролетарском фланге.

В этих условиях знаменем «Новой Рейнской газеты» могло быть только «знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер...»¹³

Наметив эту тактику, Маркс рекомендовал членам «Союза коммунистов» и руководимым ими рабочим организациям вступать в демократические общества, которые начали в это время повсюду создаваться в Германии.

Так как условия деятельности, членов «Союза коммунистов» были различны в каждом отдельном немецком государстве, в каждой провинции, даже в каждом городе, то руководство Союза могло давать лишь самые общие директивы. Маркс и Энгельс полагали, что эти общие директивы лучше всего и легче всего распространять через прессу. Ту роль, которую раньше выполнял Центральный комитет «Союза коммунистов», могла теперь выполнять редактируемая Марксом газета. С 1 июня 1848 года начала свою жизнь «Новая Рейнская газета» — «орган демократии», как гласил ее подзаголовок. Редакционный комитет газеты состоял из К.Маркса (главного редактора), Г.Бюргерса, Э.Дронке, Ф.Энгельса, Г.Веерта, Ф.Вольфа и В.Вольфа.

Отныне Маркс и Энгельс отдавали львиную долю своих сил «Новой Рейнской газете». Они видели в ней могучий инструмент воздействия на народные массы, орудие организации их на борьбу за решение тех исторических задач, которые стояли в это время перед германским народом.

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

В критический период истории Германии, когда в кровавых схватках решались судьбы всего дальнейшего развития этой страны, руководимая Марксом «Новая Рейнская газета» последовательно, упорно и страстно вела борьбу за победу буржуазно-демократической революции в Германии, за радикальное выкорчевывание всех пережитков феодализма в стране, за создание наиболее благоприятных условий для последующей борьбы пролетариата за социализм.

Решительно отвергая реакционные проекты объединения Германии «сверху» вокруг Пруссии или Австрии, так же как и защищавшуюся рядом мелкобуржуазных демократов идею создания федеративной германской республики по образцу Швейцарии, «Новая Рейнская газета» боролась за воссоединение Германии снизу, революционным путем, за создание единой нераздельной германской демократической республики. «Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее расщепления на множество мелких государств»¹⁴.

В острых, блестящих по форме, и поразительных по глубине анализа статьях «Новая Рейнская газета» мобилизовала массы на борьбу против гогенцоллерновской монархии и габсбургской империи, а также против десятков других немецких династий, грабивших и угнетавших страну. Особенно бичевала газета реакционное юнкерство, господствовавшее в Пруссии и претендовавшее на господство во всей Германии.

Разложение прусского государства и развал австрийского, действительное объединение Германии как демократической республики — такова была политическая программа «Новой Рейнской газеты» в германской революции.

«Новая Рейнская газета» намечала программу действий не только для германской, но и для европейской демократии. Она призывала демократов всей Европы встать на защиту угнетенных народов и объединиться для революционной борьбы против трех самых контрреволюционных сил Европы — царской России, Англии и Пруссии. Доказывая, что демократическая Европа может родиться лишь в огне революционной и военной бури, «Новая Рейнская газета» призывала народы Европы к революционной войне против царской России как главной опоры реакции. Революционная война против царской России была для основоположников марксизма не только вопросом обороны европейской революции, но и условием перехода ее на новую, более высокую ступень. Война с царской Россией, обострив обстановку в Германии и в Европе, способствовала бы, по мнению Маркса и Энгельса, тому, чтобы во главе революции встали более решительные, способные на энергичную революционную борьбу классы, а эта борьба поставила бы в конце концов у власти пролетариат.

Исходя из этих политических задач, Маркс и Энгельс строили всю свою тактику в революции 1848 года.

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

В мещанской Германии на другой день после революции ярко обнаружилось иллюзии мелкобуржуазной демократии. Это были иллюзии, что после мартовской революции окончательно одержали победу идеи «свободы, равенства и братства», что весь народ един в своем стремлении утвердить республику, что силы реакции сломлены окончательно, что в Германии невозможен уже возврат вспять.

Против этих иллюзий, усыплявших бдительность народных масс и

расслаблявших их волю к борьбе, «Новая Рейнская газета» повела беспощадную борьбу с первого же дня, как она появилась на свет.

«Ты думаешь, что ты сделал революцию? — обращалась газета к своему читателю. — Заблуждение! Ты думаешь, что ты покончил с полицейским государством? Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие высокие слова, которые летели к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!»¹⁵

«Новая Рейнская газета» доказывала народу, что после мартовской революции в Германии в сущности все осталось по-старому, что монархия, юнкерство, бюрократия и находящаяся в их распоряжении армия сумели и после революции удержать свои основные позиции. Печатаемая корреспонденция, стекавшая к ней со всей страны, газета указывала народу на господство сабли в Майнце, Трире, Аахене, Маннгейме, Ульме, Праге, на аресты и политические процессы в Берлине, Кёльне, Дюссельдорфе, Бреславле, на закрытие клубов в Штутгарте и Гейдельберге и на другие многочисленные факты, которые свидетельствовали о том, что контрреволюция, растерявшаяся после мартовских дней, вновь мобилизует свои силы и «ставит в порядок дня штык».

«Бастилия еще не взята», — писал Маркс, доказывая народу, что не время еще почивать на лаврах, что решающие битвы еще впереди,

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Свой главный удар «Новая Рейнская газета» направляла против немецкой буржуазии, которая была поднята волной революции на вершину власти. Немецкая буржуазия, боясь, что рабочие воспользуются свободой против нее самой, стремилась остановить революцию на полпути, сузить ее размах, ограничить ее задачи. «Новая Рейнская газета» доказывала, что из страха перед революционным народом трусливая немецкая буржуазия пошла на сделку со старой властью, с помещиками, жертвуя национальными интересами своей страны во имя своих эгоистических классовых интересов. «Новая Рейнская газета» предсказывала, что буржуазия своей политикой подготавливает самой себе жалкую участь, что она не сможет удержаться у власти, что ее представители будут с позором изгнаны из правительства, как только контрреволюция почувствует, что она вновь крепко сидит в седле.

С едким сарказмом разоблачала «Новая Рейнская газета» «великие деяния» правительства Кампгаузена и Ганземана, доказывая, что политика этих кумиров прусской буржуазии, взявших на себя роль «щита династии», представляет собой сплошную цепь измен и предательств.

Особенно ярко сказалась измена буржуазии в ее политике по отношению к ее естественному союзнику — крестьянству. Вместо того чтобы радикально уничтожить все феодальные повинности в деревне и тем самым подорвать экономическую основу господства юнкерства, немецкая буржуазия своим законодательством лишь закрепляла барщину, феодальные повинности, прямой грабеж крестьян. Аграрное

законодательство немецкой буржуазии ярко показывало, писала «Новая Рейнская газета», что «...германская революция 1848 г. есть лишь жалкая пародия французской революции 1789 г.

4 августа 1789 г., спустя три недели после штурма Бастилии, французский народ в один день покончил с феодальными повинностями.

11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности покончили с германским народом, teste Gierke cum Hansemanno (свидетели тому — Гирке с Ганземаном).

Французская буржуазия 1789 г. ни на один момент не покидала своих союзников — крестьян. Она знала, что основой ее господства было разрушение феодализма в деревне, восстановление свободного, владеющего землею класса крестьян.

Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников — крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства.

Продление, санкция феодальных прав в форме их (иллюзорной) отмены за выкуп, — таков, стало быть, результат германской революции 1848 г. Вот уже подлинно — много шума и мало толку!»¹⁶

Так как буржуазия отказалась от борьбы с феодализмом, что являлось ее исторической задачей, партии пролетариата пришлось взять эту борьбу на себя. «Новая Рейнская газета» встала на защиту крестьян и открыла кампанию против феодалов, которая достигла своего апогея в серии статей Вильгельма Вольфа «Силезский миллиард». От этих статей, проникнутых пламенной ненавистью к феодальным угнетателям, буржуазия пришла в такой же ужас, как и сами феодальные господа и правительство.

Борьбе против реакционного прусского юнкерства была посвящена и серия политических фельетонов Георга Веерта «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнапганского», напечатанная в «Новой Рейнской газете». Памятуя, что «смешное убивает», «Новая Рейнская газета» блестяще пользовалась оружием иронии, сарказма насмешки, чтобы уничтожить противника. В своей беспощадной разоблачительной сатире Веерт нарисовал карикатурный образ прусского юнкера-феодала. В этой карикатуре читатели «Новой Рейнской газеты» без труда узнали князя Лихновского, типичнейшего отпрыска вырождающегося прусского юнкерства. Скандальную хронику своей жизни этот витязь прусских помещиков завершил вступлением на политическое поприще. Будучи депутатом франкфуртского парламента, князь Лихновский снискал себе славу яркого защитника реакции, феодальных привилегий, человека, смертельно ненавидевшего народ, к которому он относился с высокомерным, вызывающим презрением. В своей сатире Веерт показал, какой подлой, злой и ничтожной фигурой является этот «Дон-Кихот» прусского юнкерства.

Так, ведя упорную, страстную и многообразную по форме кампанию против немецких помещиков-юнкеров, «Новая Рейнская газета» выступала пламенным защитником многочисленного угнетенного класса Германии — немецкого крестьянства.

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Не менее страстную и упорную борьбу вела «Новая Рейнская газета» против национального гнета, который и после мартовской революции продолжал царить в Германии. Выступая в защиту поляков в Познани, итальянцев в Северной Италии, чехов в Богемии, «Новая Рейнская газета» разоблачала предательство немецкой буржуазии, которая продолжала угнетательскую политику Гогенцоллернов в отношении других народов. Газета разъясняла своим читателям, что вина за эти преступления падает не только на немецкие правительства, но и на германский народ. «Не будь его ослепления, его рабского духа, его пригодности и готовности играть роль ландскнехтов, «благодарных» палачей и послушных орудий господ «божьей милостью», — немецкое имя не было бы так ненавистно, проклинаемо и презираемо за границей, а поработанные Германией народы давно пришли бы к нормальному состоянию свободного развития»¹⁷.

Революционная Германия, доказывала газета, должна была бы искупить это позорное, кровавое прошлое немецкого народа, служившего на протяжении веков орудием подавления и порабощения других народов. «А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины»¹⁸. В радикальном уничтожении национального гнета «Новая Рейнская газета» видела не только средство искупить позорное прошлое немецкого народа, но и неперемное условие для обеспечения его будущего, как свободной, демократической нации. Чтобы обеспечить победу германской революции, доказывала газета, немцы должны в корне изменить внешнюю политику своей страны. «Иначе мы задушим свою собственную юную, еще только почти чаемую свободу в тех самых цепях, которыми мы опутываем чужие народы. Германия станет свободной в той же мере, в какой даст свободу соседним народам»¹⁹.

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Беспощадно разоблачая угнетательскую и изменническую политику немецкой буржуазии, «Новая Рейнская газета» подвергала также суровой критике деятельность Франкфуртского и Берлинского национальных собраний, которые, оставив в руках старых властителей реальную власть, армию, полицию, сохранили за собой лишь одну функцию — бесплодную парламентскую болтовню. Особенно язвительно критиковала «Новая Рейнская газета» знаменитую «франкфуртскую говорильню», это «собрание старых баб», которое занималось бесконечными дебатами о наилучшем порядке дня и наилучшей конституции, в то время как контрреволюция накапливала силы и переходила в наступление. «Новая Рейнская газета» бичевала «парламентский кретинизм» депутатов Франкфуртского и Берлинского национальных собраний, которые не понимали что время революции есть время действия и что наступила

пора, когда необходимо было сменить оружие критики на критику оружием.

Контрреволюционности крупной буржуазии, соглашательству и колебаниям мелкой буржуазии «Новая Рейнская газета» противопоставляла беспощадную расправу революционного народа со старыми порядками. «...Существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и локализовать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный террор»²⁰.

Важнейшим условием действительной победы революции Маркс и Энгельс считали установление революционной диктатуры народа: «Всякое временное состояние государства, создающееся после революции, требует диктатуры — и диктатуры энергичной».

Через посредство «Новой Рейнской газеты» основоположники марксизма стремились сплотить народные массы, организовать их на решительную революционную борьбу против помещичьей и буржуазной контрреволюции.

Не только в политических статьях, но и в фельетонах и в стихах «Новая Рейнская газета» обращалась к народу, призывая его к плебейской расправе с врагами революции и вселяя в него веру свои силы. Поэт «Новой Рейнской газеты» Фрейлиграт писал в стихотворении «Вопреки всему»:

Корм из железа и свинца
Задайте пушкам. Ко всему
Готовы мы и до конца
Не дрогнем, вопреки всему!
Да, вопреки всему, всему,
Хотя б прибегли вы к тому,
На что в Неаполе дерзнул
Мерзавец, вопреки всему!
Вы — то, что гибнет и падет.
Вы — касты, вопреки всему.
Мы — человечество, народ!
Мы — вечны вопреки всему!

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам.

Вступление в Кёльнское демократическое общество

Стремясь сплотить все живые, способные к революционному действию силы нации, основоположники марксизма считали необходимым поддерживать мелкобуржуазных демократов, поскольку они ведут борьбу против существующего строя, увлекать их вперед на решительные действия против помещичьей и буржуазной контрреволюции. Исходя из этой тактики, Маркс и Энгельс примкнули к демократическому движению и заняли место на его левом, самом передовом, фактически пролетарском фланге. Эта тактика позволяла Марксу и Энгельсу не только воздействовать «а широкие круги демократов, толкать их вперед, но и давала им возможность привлечь к

себе внимание немецких рабочих, которые еще плелись в хвосте мелкобуржуазной демократии.

Уже вскоре после мартовской революции в Германии стали возникать демократические общества, которые объединяли в своих рядах весьма разнородные элементы, по преимуществу мелкую буржуазию, интеллигенцию, рабочих, ремесленников. В соответствии с разношерстным составом этих обществ политическая программа их не отличалась ясностью. Как правило, в ней фигурировали требования свободы личности, печати, слова, союзов, собрания, свободы совести и т.д. Однако даже в вопросе о будущей форме политического устройства Германии — конституционная монархия или республика — в программах не было ясности. Так как в до-мартовской Германии народ не обладал опытом политической борьбы и там еще не сложились политические партии, созданные повсюду демократические и другие общества должны были послужить основой для будущей кристаллизации партий.

Исходя из своей общей тактической линии, рассчитанной на союз с мелкобуржуазными демократами в борьбе за победу буржуазно-демократической революции, Маркс и Энгельс вместе со своими соратниками и единомышленниками вступили в Демократическое общество, которое сформировалось в Кёльне в апреле 1848 года.

Основоположники марксизма приложили немало усилий к тому, чтобы расширить базу этого общества, привлечь в него пролетарские элементы, — в первую очередь, возникший в Кёльне наряду с Демократическим обществом Кёльнский рабочий союз. Комитет Демократического общества в конце июня 1848 года поручил своему председателю Шнейдеру и доктору Карлу Марксу повести переговоры с Кёльнским рабочим союзом об объединении сил. В результате предварительных переговоров с Кёльнским рабочим союзом, а также с образовавшимся в Кёльне Союзом рабочих и работодателей, решено было образовать общий комитет, в который должны были войти по два представителя от каждой из этих организаций. В качестве представителей от Кёльского демократического общества в этот комитет были избраны адвокат Шнейдер и доктор Карл Маркс. Комитет поставил себе задачей — объединить под своим руководством все демократические и рабочие общества Рейнской области и Вестфалии и приступил к подготовке намеченного на август окружного конгресса рейнских и вестфальских демократов.

Наряду с Марксом большую политическую деятельность в Демократическом обществе развернули и другие члены редакции «Новой Рейнской газеты» — Ф.Энгельс, В.Вольф, Г.Бюргере. Своими выступлениями они помогали Демократическому обществу занять правильную политическую позицию в важнейших вопросах германской революции. Ряд внесенных ими и принятых Кёльнским демократическим обществом предложений был направлен на разоблачение предательской роли правительства Кампгаузена и Ганземана, а также колеблющейся, соглашательской политики Берлинского и Франкфуртского национальных собраний. Начиная с 1 июля 1848 года Вильгельм Вольф делал в

Демократическом обществе еженедельные доклады о политическом положении в Германии и в Европе. В этих докладах он отстаивал политическую платформу «Новой Рейнской газеты» по всем важнейшим вопросам германской и европейской революции.

«Новая Рейнская газета» оказывала огромное влияние не только на Кёльнское демократическое общество, но и на другие подобные же общества, возникшие по всей Германии. Руководимая Марксом «Новая Рейнская газета» диктовала программу всей передовой демократии.

Маркс и Готшальк

Сплачивая все силы, способные к борьбе за победу буржуазно-демократической революции, основоположники марксизма главные свои надежды возлагали на пролетариат, как наиболее решительное и последовательное крыло демократии. Через «Новую Рейнскую Газету» они стремились просветить еще отсталых, политически неопытных немецких рабочих, мобилизовать их на решение стоящих перед германским народом исторических задач. Редакция «Новой Рейнской газеты», заменившая на деле прежний ЦК «Союза коммунистов», через посредство газеты направляла также деятельность членов «Союза коммунистов», которые, рассеявшись по всей стране, возглавили многие из организовавшихся в Германии рабочих обществ. Эту политическую деятельность коммунистов в рабочих массах Маркс и Энгельс рассматривали не только как необходимое условие для победоносного исхода буржуазно-демократической революции, но и как предпосылку для создания массовой пролетарской партии, которая могла бы возглавить пролетариат в его последующей борьбе за власть. Однако, как показала жизнь, не все члены «Союза коммунистов» оказались в состоянии понять гибкую и дальновидную тактику Маркса, не все оказались способными следовать той политической линии, которую диктовала «Новая Рейнская газета».

Одним из коммунистов, который отказался солидаризироваться с политической линией Маркса и выступил с обоснованием своей собственной тактики, был доктор Андреас Готшальк, руководитель Кёльнского рабочего союза.

Доктор Готшальк был очень популярен среди кёльнской бедноты благодаря своей восьмилетней врачебной деятельности в Кёльне, а также благодаря своему участию в происшедших там 3 марта 1848 года революционных событиях, за что он был подвергнут аресту. Будучи освобожден вскоре после мартовской революции, Готшальк приступил к созданию демократическо-социалистического клуба. На первом собрании этого клуба 13 апреля, на котором присутствовало около 300 человек, по преимуществу рабочих; и ремесленников, было решено назвать новую организацию «Рабочим союзом». В своей речи на этом собрании Готшальк выдвинул перед новой организацией задачу борьбы за устранение существующих общественных неурядиц (Misstände), за обеспечение работой всех рабочих, следовательно, — за создание необходимых условий жизни для них и для всего человечества.

Уже с самого начала деятельности Готшалька в Рабочем союзе обнаружились расхождения его со стратегией и тактикой основоположников марксизма. Готшальк не соглашался с тем, что в Германии объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая; революция и что этому объективно-историческому положению вещей соответствовала та политическая программа, которую от имени всей передовой демократии отстаивала «Новая Рейнская газета». Готшальк выдвинул перед Кёльнским рабочим союзом задачу борьбы за непосредственно социалистические цели, за «рабочую республику», в которой невозможно будет жить за счет чужого труда.

Возражения Маркса, что для кардинального разрешения социального вопроса время еще не наступило, что необходимо разрешить прежде исторические задачи буржуазно-демократической революции, Готшальк рассматривал как плод «учености» и результат холодного равнодушия к судьбам рабочих, которым голод не позволяет ждать и откладывать задачу своего освобождения на будущие времена. Исходя из своей установки на немедленное осуществление «рабочей республики», Готшальк отвергал тактику Маркса, его политическую линию на объединение всех демократических сил в борьбе с готовящейся к наступлению контрреволюцией.

Игнорируя общеполитические задачи, стоявшие перед германским народом, Готшальк направлял внимание Рабочего союза на такие вопросы, разрешение которых, как ему представлялось, должно было непосредственно и немедленно улучшить материальное положение руководимых им рабочих и ремесленников. Деятельность Союза на первых порах выразилась в ряде петиций к правительству и местным властям, в которых содержались просьбы об отмене налогов на съестные продукты, об уничтожении в арестных домах и в воинских частях такого рода производств, которые своей конкуренцией разоряют ремесленников, о предоставлении денежной помощи со стороны государства нуждающимся рабочим и ремесленникам, о создании единого типа начальных школ для богатых и бедных, об улучшении порядков в местном госпитале и инвалидном доме, об организации третейских судов и т.д. и т.п. Уже этот перечень требований показывает пестроту состава Рабочего союза и стремление Готшалька направить деятельность Союза на удовлетворение нужд различных слоев городской бедноты, которые Готшальк объединял понятием «рабочего сословия».

Что касается путей и способов достижения «рабочей республики», то в этом вопросе у Готшалька не было ясности. В уставе Кёльнского рабочего союза было сказано, что целью его является решительное и всестороннее представительство интересов рабочего сословия и применение в этих целях всех тех средств, которые согласно закону находятся в его распоряжении. В своих речах Готшальк неоднократно предупреждал членов Рабочего союза против эксцессов и стремился доказать им, что рабочие законным и мирным путем добьются своей цели — не только улучшения своего положения, но и окончательной победы труда. Так как рабочее сословие, рассуждал Готшальк, представляет

собой огромную массу населения, то через посланных им в законодательные органы представителей оно сможет оказывать решающее влияние на выработку законов страны. Чтобы добиться осуществления своих интересов, рабочие должны лишь быть верными лозунгу «свобода, братство и труд», выдвинутому Кёльнским рабочим союзом.

Таким образом, весьма радикальная с виду, «левая» позиция Готшалька в отношении целей борьбы сочеталась с весьма умеренными средствами, которые он рекомендовал рабочим для достижения этих целей. Готшальк был в плену тех самых парламентских иллюзий, которые были так характерны для мелкобуржуазной демократии и которые так беспощадно и язвительно разоблачала «Новая Рейнская газета».

Введение непрямого избирательного права при выборах в Берлинское национальное собрание и Франкфуртский парламент принесло жестокое разочарование Готшальку и его последователям из Кёльнского рабочего союза. Столь близкая, казалось, возможность послать в законодательные органы страны представителей угнетенного большинства и воплотить волю этого большинства в законах оказывалась теперь явно иллюзорной.

В ряде своих речей и выступлений Готшальк доказывал членам Рабочего союза, что при не прямых выборах народ лишается возможности выставить своих кандидатов, послать своих доверенных людей как в общегерманский парламент во Франкфурте, так и в берлинское Учредительное собрание. Отсюда Готшальк делал вывод, что народ должен отказаться от участия в не прямых выборах.

В соответствии с этой тактикой Готшальк предложил комитету принять специальное обращение к членам Кёльнского рабочего союза. В этом обращении заявлялся протест против того, чтобы кандидаты, не избранные большинством голосов на свободных открытых собраниях, присваивали себе честь быть народными представителями, а также и против того, чтобы какое-либо представительное собрание, избранное не путем прямых выборов, объявляло себя законодательным народным собранием.

Это предложение Готшалька и рекомендуемая им ошибочная тактика в развертывавшейся в это время в стране избирательной кампании встретила возражения со стороны части членов Союза. Во главе противников тактики Готшалька стояли Шаппер и Молль, бывшие члены лондонского ЦК «Союза коммунистов», которые по своему приезду в Кёльн приняли активное участие в деятельности Рабочего союза. Несмотря на эти голоса протеста, большинство членов Союза, увлеченное Готшальком, приняло решение отказаться от участия в избирательной кампании.

В связи с этими разногласиями усиливаются нападки Готшалька на Демократический союз и на «Новую Рейнскую газету», которая, последовательно проводя свою линию на объединение всех Демократических сил, выступала за поддержку демократических кандидатов на выборах.

Если Готшальк, не умея оценить конкретно-историческую обстановку, сложившуюся в Германии, отдавался во власть революционной фразы, то иную, уже открыто оппортунистическую позицию занял другой деятель рабочего движения — Стефан Борн.

Наборщик Борн, познакомившись в 1846 году в Париже с Энгельсом, стал членом «Союза коммунистов». Когда началась германская революция, Борн по поручению Маркса отправился в Берлин, чтобы развернуть там деятельность среди рабочих.

В дошедшем до нас письме, poslanном 11 мая 1848 года в Кёльн, Борн подробно информировал Маркса об издающихся в Берлине газетах и о начавшейся там кристаллизации политических партий. О своей деятельности Борн сообщал, что он намеревается издавать газету «Das Volk», а также, что он является председателем quasi-рабочего парламента, состоящего из делегатов многих предприятий и фабрик. Борн писал, что буржуа доверяют его «таланту посредника» и что даже сам министр торговли вступил в сношения с руководимой им организацией. На запрос Маркса о состоянии общины «Союза коммунистов» в Берлине Борн небрежно отвечал, что еще ни у кого не нашлось времени организовать ее в прежнем виде; тем не менее «каждый выполняет свой долг»²¹.

Встав во главе образовавшегося в апреле 1848 года берлинского «Центрального комитета для рабочих», Борн решил действовать на свой собственный страх и риск. О его позиции и о тех задачах, которые он выдвигал перед берлинскими рабочими, можно судить по воззванию, с которым обратился Центральный комитет к собранию рабочих 20 мая 1848 года. Призывая рабочих не ожидать помощи сверху, а самим выдвигать свои требования и добиваться их осуществления, Центральный комитет заканчивал воззвание словами: «Это так легко многого желать, труднее, однако, чего-либо достигнуть. Немецкие рабочие! Будьте практичными в ваших начинаниях»²².

Печать этого «практицизма» лежит на всей деятельности Борна сперва в «Центральном комитете для рабочих», а затем в организованном им в августе 1848. года «Братстве рабочих». Типичны в этом отношении предложения, разработанные Центральным комитетом для внесения их в Берлинское и Франкфуртское национальные собрания²³. Эти предложения делились на три рубрики: 1) для фабрикантов или мастеров, 2) для мелких хозяев или ремесленников, 3) для рабочих. Для фабрикантов или мастеров выдвигались требования расширения вывоза немецких товаров, установления вывозных премии, свободного ввоза сырья для провинности, регулирования кредита путем расширения государственных банков и т.д. Для мелких мастеров или ремесленников выдвигались требования организации корпорации для совместного ведения дел каждого ремесла, предоставления государственных Указов главным образом мелким ремесленникам, беспроцентной ссуды под выполняемую ими готовую работу и т.д. Для рабочих выдвигались требования: установление минимума заработной платы и рабочего

времени (!) комиссиями, составленными из рабочих и работодателей, объединение рабочих для поддержания установленной заработной платы, регулирование числа учеников, которых может иметь мастер, предоставление безработным работы в государственных учреждениях, обеспечение государством работы инвалидам и т.д.

Уже этот неполный перечень требований доказывает правильность характеристики, данной Энгельсом официальным документам рабочих организаций, возглавлявшихся Борном: «...путаница и смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т.д., — одним словом, эти люди хотели всем угодить»²⁴.

Стремясь направить внимание рабочих и ремесленников на целую серию мелких «практических» дел, Борн внушал им иллюзии, что путем разрешения этих задач они смогут как-то «поудобнее» устроиться в рамках капиталистического общества. Своей крохоборческой, «хвостистой» политикой Борн отвлекал внимание рабочих от общеполитических задач, стоявших перед германским народом, мешал политическому воспитанию немецких рабочих, росту их классового сознания и таким образом удерживал их «в стороне от великого политического движения пролетариата» (Энгельс). Характеризуя разногласия между Марксом и Борном, Ленин писал «о двух тенденциях в рабочем движении 48-го года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим экономистам) и тенденции марксистской»²⁵.

Таким образом, подобно Готшалку, Стефан Борн оказался не на высоте тех задач, которые выдвигала история перед германским народом и перед наиболее прогрессивным его классом — германским пролетариатом. Но такого рода случаи были в «Союзе коммунистов» лишь редким исключением. Как писал впоследствии Энгельс, жизнь показала, что «Союз был превосходной школой революционной деятельности». Направляемые «Новой Рейнской газетой» члены «Союза коммунистов», стоя повсюду во главе крайнего демократического движения, выполняли свой высокий долг пролетарских революционеров.

Как подчеркивал Ленин, тактика Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 годов была единственно правильной тактикой, «только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату». И если эта тактика не привела к победе революции, то это произошло «в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма»²⁶.

Сто лет прошло со времени революции 1848—1849 годов. В свете истории этих ста лет, в особенности в свете истории первой и второй мировых войн, особенно ярко выступает всемирно-историческое значение борьбы Маркса и Энгельса за уничтожение реакционной Пруссии — этого очага реакции и милитаризма в Европе, за создание единой демократической Германии.

2 В.И.Ленин. Соч., изд. 3-е, т XVIII, 1936, стр.6.

3 К. Маркс. Избранные произведения, т.I, 1940 г., стр.166.

4 Там же, стр.167.

5 К.Маркс. Избранные произведения, т.II, 1941 г., стр.15.

6 «La Reforme» от 18 марта 1848 г.

7 «Deutsche Londoner Zeitung» № 156 от 24/III-1848. т.3.

8 «La Reforme» от 13 марта 1848 г.

9 S.Seller. «Das Complot vom 13 Juni 1849», Hamburg, 1850.

10 К.Маркс. Избранные произведения, т.I, 1940 г., стр.167.

11 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.V, М.—Л., 1929, стр.586.

12 Маркс. Избранные произведения, т. II, 1941 г., стр. 20.

13 Там же, стр.24.

14 К.Маркс. Избранные произведения, М.—Л., 1933, т.II, стр.25.

15 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., М.—Л., 1930 г., т.VI, стр.127.

16 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., М.—Л., 1930 г., т.VI, стр.339—340.

17 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., М.—Л., 1930 г., т.VI, стр.238.

18 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., М.—Л., 1930 г., т.VI, стр.185.

19 Там же, стр.238.

20 Там же, стр.497.

21 Архив ИМЭЛ. Впервые опубликовано Мерингом в «Neue Zeit». Jahrgang, Bd.I. S.739.

22 Цитировано по книге: M.Quarck, «Die erste deutsche Arbeiterbewegung 1848/1849», 1924, S.61.

23 «Das Volk» № 5 от 10 июня 1848 г.

24 К.Маркс. Избранные произведения, 1941 г., т.II, стр.16.

25 В.И.Ленин. Соч., т.VIII, стр.126.

26 В.И.Ленин. Сочинения, т.XV, изд. 4-е, стр.32.

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

под ред. проф. *Б. Ф. Поршнева*

и доц. *Л. А. Бендриковой*

второе издание

М.: изд-во МГУ. 1949

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf), 2010. Дореформенная орфография сохранена. **Каждая статья подготовлена отдельным файлом.** Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и сообществе.

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А. Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф. Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С. Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль–июнь)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_3.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tab_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789–1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>
Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

Содержание сборника

Евгения Акимовна СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Маркс и Энгельс в Париже

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам. Вступление в Кёльнское демократическое общество

Маркс и Готшалк

Маркс и Стефан Борн

Алексей Леонтьевич НАРОЧНИЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ от ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ до ЛЕТА 1848 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции.

Дипломатия Пальмерстона

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ и МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 года

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале-мае 1848 г.

Европейские правительства и Февральская революция

Вторая республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

Ревека Абрамовна АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

Любовь Авксентьевна БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС и РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ

А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ЛЕТА 1848 г.***

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ
ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Картина революции и контрреволюции 1848—1849 годов останется далеко неполной и даже неверной, если ограничиться освещением борьбы против реакции внутри отдельных стран Западной Европы и оставить в стороне внешнюю политику. Огромное влияние на события 1848—1849 годов оказало то обстоятельство, что революции вспыхнули не только против внутренней реакции, но и грозили в корне подорвать европейскую систему международных отношений, которая была установлена решениями Венского конгресса 1815 года.

Революция 1848 года во Франции поставила у власти вместо-финансовой аристократии весь класс французской буржуазии, широкие круги которой желали расширения границ Франции, что рано или поздно должно было привести к международным столкновениям. Еще очевиднее международное значение событий 1848 года в Центральной

Европе, где главной задачей итальянских и германских буржуазных революций было уничтожение феодальной раздробленности и создание объединенной Италии и объединенной Германии как сильных национальных государств. Итальянская и венгерская революции вели к распадению Австрийской империи, а поляки стремились к восстановлению независимой Польши. Очевидно, что успех этих движений означал бы полный переворот а международном положении Европы и окончательное крушение системы договоров 1815 года, как оплота феодализма и абсолютизма. Торжество революций принесло бы коренную перемену в соотношении сил европейских государств и означало бы подрыв дворянско-династической внешней политики итальянских и немецких монархий, и австрийских Габсбургов. Оно подорвало бы реакционное влияние самодержавно-крепостнического царизма на Западную Европу и оттеснило бы его на второй план в делах международной

* Настоящая статья представляет собой отрывок из работы автора «Европейская дипломатия и революция 1848 года».

политики. Такое направление революционных движений дает нам лишнее доказательство того, что революции 1848—1849 годов были крупнейшим потрясением не только в жизни отдельных наций, но событием общеевропейским и всемирно-историческим, имевшим огромное влияние на международные отношения.

Центральным в международных отношениях 1848—1849 годов был вопрос о том, уцелеет ли система 1815 года или же она рухнет и совершится объединение Германии и Италии в самостоятельные государства.

Объединение Германии и объединение Италии в национальные государства, как указывали Маркс и Энгельс, могло произойти двумя путями — революционным путем «снизу», или же «сверху», т. е. под гегемонией Пруссии и Пьемонта. Последовательно революционный демократический путь объединения Германии «снизу» означал бы превращение ее в единую, нераздельную республику¹ и полное уничтожение мелких немецких государств и австро-прусского соперничества, сохранение которых долгое время было выгодно крупным соседним странам. Такой путь объединения Германии дал бы мощный толчок революционно-демократическому движению в соседних государствах.

Отсталость и раздробленность Германии со времени Вестфальского мира 1648 года и даже еще ранее служили одним из условий мощи и влияния Франции в Европе и содействовали усилению России и Англии. После установления в Англии и Франции буржуазного строя раздробленность Германии и австро-прусский антагонизм долгое время продолжали быть выгодными для английской и французской буржуазии как с точки зрения положения на Балтийском и Северном морях, так и с точки зрения безопасности французских границ. Раздробленность Германии и австро-прусское соперничество еще с XVIII века не раз содействовали влиянию Англии, Франции и России в европейских делах².

К 40-м годам XIX столетия капиталистическое развитие сделало проблему национального объединения главной задачей буржуазной революции в Германии и предпосылкой развития немецкого революционного пролетариата. В интересах рабочего класса и пролетарской революции Маркс и Энгельс призывали в 1848 году к созданию немецкой единой демократической республики. Для них было очевидно, что в случае победы революционного пути объединения Германии царизм и другие реакционные силы попытаются помешать такому исходу событий. Борьба Николая I против революционного объединения Германии «снизу»

¹ «Требования коммунистической партии Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. V, М.—Л. 1929, стр. 585.

² Но в период наполеоновских войн слабость и раздробленность Германии облегчала французской армии доступ в Россию. После Крымской войны царская Россия благоприятствовала объединению Германии под властью Пруссии в противовес Франции, Австрии и Англии.

была тесно связана с защитой реакционного самодержавно-крепостнического строя и гнета царизма над Польшей. Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» справедливо указывали, что в случае успеха революции главной задачей германской революционной демократии стала бы война с царской Россией. Если в 1848 г. до этой войны дело не дошло, то лишь потому, что революционные силы в самой Германии оказались настолько слабыми, что прусская и австрийская контрреволюция расправилась с ними самостоятельно.

Другим возможным путем объединения Германии было ее подчинение прусскому господству. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс резко отрицательно относились к такому объединению Германии «сверху» под гегемонией Пруссии. Они указывали, что если интересам пролетариата противоречила феодальная раздробленность Германии, то «...было также недопустимо, чтобы во главе стала Пруссия: Прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить... Разложение Прусского государства, развал Австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время»¹. Маркс и Энгельс особенно отрицательно относились к реакционным попыткам Пруссии установить свое господство в Германии и не считали эти попытки прогрессивными.

Попытки объединения Германии «сверху», под гегемонией Пруссии, отнюдь не были делом революционным, но они, хотя и в меньшей степени чем революционное движение, вызывали в той или иной мере тревогу и противодействие как со стороны феодально-крепостнической России, так и со стороны буржуазных государств — Англии и Франции. Правящие классы Англии в своем большинстве опасались усиления Пруссии за счет Дании, а французская буржуазия видела для себя потенциальную угрозу в возможности поглощения Пруссией не только Дании, но и малых немецких государств. Несравненно более враждебно относились царизм, французская и английская буржуазия и правительства к революционно-демократическому пути объединения Германии. Между буржуазной Францией и Англией, с одной стороны, и феодально-дворянскими государствами — Россией и Австрией — с другой стороны существовала некоторая общность интересов в германских делах, которая не могла не повлиять на международные отношения 1848—1849 годов и не создать предпосылок для сотрудничества между дипломатией Второй Французской республики и Англии, с одной стороны, и дипломатией царской России — с другой, в особенности в вопросе об объединении Германии. К тому же

компромиссу между политикой этих держав побуждала буржуазию боязнь рабочего класса и его революционного движения.

Революции 1848—1849 годов отличались особыми чертами, которые отразились на дипломатических отношениях этих лет. Особенностью революции 1848 года во Франции и в германских государствах было то, что они совершались при наличии в этих странах гораздо более развитого рабочего класса, чем во Франции в 1789 году. В начале 1848 года Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» уже выдвинули великую идею социалистической революции и диктатуры пролетариата. Перед растущим движением рабочего класса буржуазия быстро утрачивала свою революционность.

В 1848—1849 годах революционное движение рабочего класса и демократические требования мелкой буржуазии вызвали сопротивление не только дворянско-абсолютистской, но и буржуазной контрреволюции. Французская буржуазия уже с мая 1848 года перешла в наступление на рабочий класс и потопила в крови восстание пролетариата в июне 1848 года. Либеральная буржуазия Англии отличалась консерватизмом и резкой враждебностью к рабочему и вообще ко всякому революционно-демократическому движению. Германская буржуазия трусливо искала союза и компромисса с дворянством и абсолютизмом. Следствием этих особенностей революции 1848 года было то, что в европейской дипломатии стал намечаться союз буржуазной и феодально-дворянской контрреволюции, замалчиваемый либеральной буржуазной историографией. Разоблачение контрреволюционной роли либеральной буржуазии во внешней политике в 1848 г. является важнейшей задачей настоящей статьи.

Половинчатость, непоследовательность и конечное поражение революции 1848 года привели к тому, что власть, а следовательно и внешняя политика, почти всюду оставалась либо в руках буржуазии, боявшейся напора пролетарских и революционно-демократических движений и переходившей на путь контрреволюции, либо в руках дворянских правительств с участием или без участия буржуазии. В условиях раздробленности и поражения революционного движения в 1848—1849 годах европейскую дипломатию более всего занимали задачи, связанные с контрреволюцией, но основные вопросы, с которыми имела дело официальная дипломатия, выдвинутые революционным напором «снизу», были вопросы о республике Франции, революции в Венгрии и т. д. Хотя в данной статье и не будет изложен ход массовых революционных боев и национальных движений, но будет учтено, что международные отношения 1848—1849 годов в огромной степени зависели от характера и силы выступлений народных масс против реакции и контрреволюции.

Классовая основа реакции и контрреволюции во внешней политике в различных странах была не одинакова: во Франции она

буржуазный характер. Сильнейшей опорой контрреволюции в Западной Европе была Англия с ее реакционной буржуазией и реакцией. В германских и в итальянских государствах и в реакции и контрреволюция осуществлялись дворянством и мелкой буржуазией, предавшей дело революции. В царской России опорой реакции были крепостники-помещики. За Россией особенно укреплен была слава международного жандарма» и «жандармский мир» и «жандармский социалистический пролетариат, начиная с 1848 года, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире»¹.

В России тогда еще не было буржуазного и рабочего класса, способных к самостоятельному мощному революционному движению, а разрозненные и неорганизованные восстания крестьян не могли сломить силы царской бюрократии и армии². Более слабое влияние с Западной Европой развитие внутренних противоречий революционного движения в России обеспечивали царской бюрократии и армии сравнительно большую свободу рук для контрреволюционного вмешательства в дела других стран, а многочисленность войск и выгодное географическое положение особенно облегчили эту возможность по отношению к Австрийской империи. Разумеется, не значит, что революция 1848 г. не коснулась России. Кризис крепостнической системы, рост крестьянских волнений, отклики в пограничных губерниях России на революцию в Западной Европе и движение «петрашевцев» свидетельствуют о том, что Россия была одним из очагов передового революционного движения. Голос передовых русских революционно-демократов, и прежде всего Герцена, громко звучал как требование обличения феодально-абсолютистской и буржуазной реакции во всей Европе. Следует отметить, что финансовая слабость и слабое положение внутри Царства Польского действовали на польское правительство умеряющим образом и удерживали его в выжидательном положении до 1849 года, пока не возникла реальная угроза распада Австрийской империи.

В связи с национально-освободительного и объединительных движений и распада своей империи, австрийское правительство и правительств Западной Европы было накануне 1848 года более консервативным и последовательным защитником феодально-абсолютистской реакции, но оно оказалось не в состоянии справиться с венгерской революцией в 1849 году без непосредственной вооруженной помощи царизма.

Как было уже отмечено, «единственным серьезным внутренним оплотом революции в Германии»³ было Прусское государство, с его реакционным юнкерством, чиновничеством, армией и трусливо-ли-

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 112.

² «История дипломатии» под ред. В. П. Потемкина. М. 1940, т. I, стр. 30.

³ К. Маркс Избранные произведения, т. II, изд. 1941 г., стр. 26

беральной буржуазией. Особенности внешней политики Пруссии 1848—1849 годах определялись тем, что более высокое развитие капитализма, возглавляемый ею таможенный союз и выгодное географическое положение ее владений, которые как бы охватывали германские государства с Запада и Востока, давали ей надежду добиться гегемонии в Германии, тем более, что и в военном отношении прусский абсолютизм был сильнее малых немецких государств. Королевская власть в Пруссии в отличие от австрийской монархии имела возможность прикрывать свои реакционные и агрессивные цели мнимой защитой дела немецкого национального единства и лавировать, делая призрачные или крайне половинчатые уступки либеральной буржуазии, которая видела в прусском правительстве и армии главного защитника от революционной демократии, и военную силу, способную не только объединить немецкие области, но и вести решительную агрессивную внешнюю политику в отношении славянских народов и соседних государств. Подобное же положение занимало в Италии Сардинское королевство и его династия, готовая, впрочем, на более существенные либеральные уступки в пользу буржуазии, чем Пруссия. Значительные силы дворянско-абсолютистской реакции существовали в малых германских и итальянских государствах, в Испании и Португалии.

После разгрома Наполеона в 1815 г. дворянско-абсолютистские государства объединились в «Священный союз» и обнаружили солидарность интересов в деле поддержания «системы 1815 г.», но их солидарность оказалась недолговечной, а «система 1815 г.» противоречивой и непрочной. Хотя с 1815 по 1848 год карта Европы мало изменилась, но на деле внутренний кризис «системы 1815 года» был весьма глубоким, и уже накануне 1848 года она была серьезно расшатана. Франция стала буржуазной монархией. Буржуазные национальные движения, которые в 1815 году еще находились в периоде становления, стали значительной силой, выросшей на почве развития капитализма.

Важным оплотом договоров 1815 года было тесное сотрудничество и солидарность их главных участников — пяти «великих держав»: Англии, России, Австрии, Пруссии и Франции. Но на протяжении трех десятилетий, истекших с 1815 по 1848 год, их интересы все более расходились. «Четверной» союз, подписанный в ноябре 1815 года между Англией, Россией, Австрией и Пруссией с целью гарантировать невозможность возобновления во Франции бонапартистской диктатуры, просуществовал всего несколько лет. «Священный союз», подписанный осенью того же 1815 года, фактически распался в 20-х годах XIX века. Июльская революция во Франции привела к обострению отношений Франции с тремя «северными дворами» — русским, австрийским и прусским. В 1833 году было заключено соглашение трех монархов — Николая I, австрийского императора и короля прусского, но цель его была гораздо ограниченнее, чем задачи «Священного союза», и своди-

лась к гарантии польских владений трех государей и к взаимной помощи в борьбе с революциями, если о том будет просить заинтересованное правительство. Но и это соглашение оказалось недолговечным, так как в 40-х годах XIX века произошло резкое ухудшение отношений России с Пруссией¹.

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

В 1848—1849 годах Николай I оказал поддержку Австрийской империи, но враждебно относился к притязаниям Пруссии на гегемонию в Германии и к юнкерско-буржуазному прусскому пути ее объединения. Между тем до 40-х годов XIX века царь являлся более благоволившим к Пруссии и находился с берлинским двором в самых интимных отношениях. Между Пруссией и Россией не возникало споров о политике на Балканах и в Турции, которые приводили к острым разногласиям и взаимному недоверию между Николаем I и князем Меттернихом. До 40-х годов XIX века прусский абсолютизм казался Николаю I незыблемым. В Пруссии в то время еще не было значительного либерального движения. Но зато положение изменилось. Как указывал Энгельс, именно с 1840 года центр буржуазно-либерального движения в Германии переместился из южно-германских государств в Пруссию. Среди прусской буржуазии усиливалось стремление к гегемонии в Германии и к объединению ее под властью Пруссии. Эти новые факторы вызывали тем большее беспокойство царя, что в 1848 году прусский король Фридрих-Вильгельм IV при всем своем отвращении к парламентскому правлению намеревался использовать идею немецкого национального единства и сделал некоторые уступки буржуазии в интересах укрепления юнкерской Пруссии и установления ее гегемонии среди немецких государств. Меттерних и царь еще до 1848 года не раз советовали королю не делать никаких либеральных уступок. В 1845 году, на свидании с Фридрихом-Вильгельмом IV в Штольценфельде, Меттерних сказал: «Королю не следует открыто высказать свое намерение, что он ни в каком случае не согласится на введение общего представительства»². Царь крайне боялся неодобрения царя в случае созыва в Пруссии объединенного ландтага и, чтобы оправдаться перед Николаем, написал к нему накануне 1846 года генерала Рауха с письмом. В письме это последовал самый суровый ответ с предостережением, что «везде огонь революции тлеет под наружным спокойствием Европы; везде революционная пропаганда делает новые завоевания, и с ужасающей скоростью увеличивается число беспорядков общественного порядка»³. В личных письмах царь давал королю советы неуклонно поддерживать все устои юнкерско-абсо-

¹ См. Записку Николая I о положении дел в Европе, составленную в январе 1848 г. (Красный Архив 1938 г., № 4—5, стр. 161).

² С. В. Император Николай I и европейские революции «Русская старина», г., апрель, стр. 40.

³ Там же, стр. 42, Мартенс, том VIII.

лютистской реакции, но финансовый кризис сделал в конце концов неизбежным созыв в Пруссии Соединенного ландтага. Шаг этот крайне озлобил Николая против Фридриха-Вильгельма IV, которого царь осыпал резкими упреками.

Оба монарха совершенно не понимали друг друга. Король тщетно пытался убедить Николая I в призрачности и действительной незначительности своих уступок либеральным требованиям. Но упрямый и непреклонный царь стоял на своем: он видел в колебаниях Фридриха-Вильгельма IV полное потрясение всех устоев «старой» Пруссии и боялся «полонофильства» прусских либералов, хотя «симпатии» немецких либералов к полякам были чистейшим лицемерием. На уверения короля в единении его с Россией царь в письме от 3/15 октября 1847 года резко ответил: «Разумеется, я полагаю заодно с Вами, что возможность спасения лежит единственно в нашем тесном единении, я имею в виду единение наших стран. Но Вы слишком хорошо знаете мою прямоту, чтобы я мог скрыть от Вас мое убеждение: этого тесного единения наших стран больше не существует! Его больше не существует, ибо наши страны не остались тем, чем они были во дни нашего общего славы, когда один и тот же принцип лежал в основе их правительств»¹.

Причина такого отношения к колебаниям прусского короля заключалась для Николая в боязни за неприкосновенность феодально-абсолютистского строя и в нежелании допустить создание сильной юнкерско-буржуазной Германии под главенством Пруссии. Царь был на стороне «старо-прусской» политики, которая ревностно охраняла трактаты 1815 г. Царь опасался, что Фридрих-Вильгельм IV сделает уступки буржуазии, поставит Пруссию во главе объединения Германии и превратит ее в сильную и опасную державу. Как было выше отмечено, царская дипломатия видела в феодальной раздробленности Германии и в соперничестве между Австрией и Пруссией в рамках договоров 1815 года необходимые предпосылки своей безопасности и условия сохранения могущественного влияния самодержавно-крепостнической России на Западную Европу. Англии, Франции и Николаю I было выгодно видеть Германию раздробленной, чтобы в ней существовала система двух противовесов, взаимно нейтрализующих друг друга и позволяющих ему играть роль арбитра в немецких делах. Объединение Германии вокруг Пруссии или расширение владений последней царь считал опасными для своей самодержавно-крепостнической империи и решил им противодействовать.

В 1848 году между Пруссией и Россией обострились и торговые отношения. Еще со времени Венского конгресса прусская буржуазия и юнкерство претендовали на то, чтобы губернии России, которые входили в состав Царства Польского, были открыты для ввоза немецких товаров беспошлинно или на особо льготных

условиях. Когда образовался Прусский таможенный союз, германская буржуазия в лице своих публицистов и экономистов заявила о том, чтобы в него были включены западные губернии России. В 1818 году Пруссия получила важные привилегии своей торговли в западных губерниях России, но вскоре это правительство стало принимать меры к ограждению этих земель от прусских товаров и к более тесному слиянию их с общим рынком. В 20-х годах XIX века были отменены некоторые таможенные льготы, а в 40-х годах русский министр финансов граф Канкрин выдвинул проект полной отмены всяких таможенных преимуществ для Пруссии в западных губерниях Российской империи. Этот проект должен был благоприятствовать развитию промышленности в Царстве Польском и сбыту ее продуктов на русском рынке, но вызвал недовольство германской буржуазии и прусского правительства¹.

Германский буржуазный экономист Лист, выступивший с защитой протекторатных пошлин для немецкой промышленности, уже в 40-х годах прошлого века старался доказать, что вся Центральная Европа, включая некоторые соседние с Германией земли, должна составить единую хозяйственную область под главенством немецкого капитала. Сочинения Листа показывают, что, еще не добившись политических прав и национального объединения и не выйдя из рабской зависимости от юнкерства и абсолютизма, немецкая буржуазия уже помышляла о подчинении себе соседних стран.

Вопрос о русских таможенных тарифах служил предметом долгих и досадных переговоров с Пруссией в 40-х годах XIX века, но соглашение не было достигнуто. В 1842 году Николай I отменил большую часть льгот для германских прусских товаров и, не имея возможности заключить с Пруссией конвенцию по взаимному снижению, односторонним актом сохранил за Пруссией лишь некоторые второстепенные преимущества. В 1850 году предполагалось на всей западной границе империи ввести единый таможенный тариф, а внутри России снять таможенную черту между внутренними областями и теми, которые ранее входили в Царство Польское. Это намерение еще больше обострило недовольство германской буржуазии политикой царизма. Прусская буржуазия была далека от неистовства и злобы по поводу поддержки царем раздробленности Германии и таможенной политики России. Немецкие либеральные публицисты изображали Россию единственным источником всех бед и единственным оплотом реакции в Европе, но о юнкерско-абсолютистской реакции в самой Пруссии они предпочитали писать поменьше и выражались о ней с величайшей осторожностью в отличие от Маркса и Энгельса, беспощадно бичевавших не только царизм, но и реакционное прусса-чество.

¹ Савин А. Н. Николай I и Фридрих Вильгельм IV, 1840—1848 гг. I Сб «Россия и Запад», Петроград 1923, стр 125—126.

Многие немецкие либералы и радикалы мечтали о создании федеративной Германии со включением в нее соседних земель или о таком расширении таможенного союза, чтобы он охватил не только немецкие области, но и Эльзас, Лотарингию, Швейцарию, Люксембург, Лимбург, Бельгию¹, Голландию, Шлезвиг, Чехию и прибалтийские губернии России². Уничтожение мощного препятствия на пути создания в центре Европы могущественной и огромной немецкой державы, было основной частью этих планов и надежд. Важнейшим средством для достижения этой цели либералы и радикалы считали сближение с западными державами и с польскими эмигрантами с целью «восстановления Польши, простирающейся до Днепра и на словах «независимой» а на деле являющейся вассалом буржуазной Германии и служащей для нее оплотом против России³. Получит ли при этом Польша прусскую Познань и Данциг, как думал Гервинус или же уступит их Германии в благодарность за ее помощь в расширении своих границ на востоке Европы за счет западных губерний России, — вопрос этот оставался открытым и порождал различные мнения. Несомненно лишь то, что многие немецкие либералы и радикалы желали использовать в своих целях польское движение и направить его против России. Сторонники этих взглядов находились главным образом в Южной и Западной Германии, вдалеке от польских земель. Крупный аахенский купец и умеренно-либеральный политический деятель Давид Ганзема, доктор Вирт из Пфальца, Гервинус и другие были представителями этого образа мыслей. Но чем ближе к востоку Германии, к Силезии, Познани, Пюмерании и Восточной Пруссии, тем слабее были «симпатии» к полякам и тем более выступала ненависть к польскому движению, связанная с заинтересованностью прусского Junkерства в обладании исконными польскими землями⁴. Правительственные круги Пруссии, Junkерство, чиновничество и армия были открытыми врагами поляков. Они были далеки от желания использовать польское движение в целях объединения Германии, которое временно охватило немецких либералов и вызывало в Петербурге такую острую тревогу, что русский посланник в Берлине Мейендорф обращал внимание прусского правительства на каждую выходку поляков в Берлине.

Двор, армия, чиновничество и Junkерство Пруссии стояли за сближение с царской Россией и относились к полякам с резкой враждебностью, тогда как немецкие либералы и радикалы держа-

лись «западной ориентации» и верили в скорое осуществление союза объединенной Германии с Францией, Англией, освобожденной Италией и Венгрией. Распадение Австрийской империи и союз с Венгрией против славян были составной частью этих внешнеполитических стремлений немецких либералов и радикалов, которые совершенно не понимали всей непримиримости интересов немецкой, французской и английской буржуазии. Примером этого рода иллюзий был радикал Руге, который в 1848 году проявил, по словам Маркса, «идеологическую наивность думать, что нации, которым общи некоторые политические представления, уже по одному этому должны вступать в союз»¹. Как будет восстановлена Польша и достигнут союз Германии с западными державами — мирным путем или в результате войны с Россией, — по этому вопросу также не было единства мнений.

Прусский двор, министры и советники короля были враждебны либерализму. Они ограничивались лишь скромными попытками провести реформу Германского Союза с целью увеличить в нем влияние Пруссии и усилить его военное значение, но так, чтобы сохранить мир и с Россией и с Австрией. Один из ближайших друзей и советников Фридриха-Вильгельма IV генерал фон-Радовиц еще с 1840 года мечтал о расширении и укреплении Германского Союза с включением в него Эльзаса, Лотарингии, Нидерландов, создания для него сильной союзной военной организации и единого уголовного и гражданского правопорядка. Подъем либеральной оппозиции и революционного движения вынудил Фридриха-Вильгельма IV сделать попытку осуществить реорганизацию Германского Союза. Радовиц в ноябре 1847 года был послан в Вену для переговоров с Меттернихом, но швейцарские дела отвлекли внимание обоих правительств, а Меттерних встретил проекты Радовица с большим неудовольствием², усмотрев в них попытку подорвать австрийскую гегемонию в Германии.

Можно сказать, что к 1848 году единение трех монархов: прусского короля, царя и австрийского императора — было серьезно поколеблено. В Вене и Петербурге росли недоверие и подозрительность по отношению к Пруссии. Для противодействия объединению Германии под главенством Пруссии и с точки зрения защиты самодержавно-крепостнического строя Николай все теснее сближался с Австрией, видя в ней противовес либеральным и национально-объединительным стремлениям германской буржуазии. По составу своего населения и по своему географическому положению Австрийская империя не могла претендовать на положение главы единой Германии, и австрийское правительство желало сохранения ее раздробленности. В этом смысле правящие классы

¹ Guichen. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la Seconde Republique française. Paris. 1925. I, p. 10.
² Гервинус в «Deutsche Zeitung», № 86 от 26 марта 1848 г. призывал к восстановлению Польши с тем, чтобы Германия получила русскую Прибалтику. Hallgarten W. Studien über die deutsche Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution. München und Berlin 1928. Ss. 77—78.
³ См. ниже о познанском восстании.
⁴ Hallgarten, op. cit., ss. 10—12.

¹ К. Маркс. Прения по польскому вопросу во Франкфурте. Соч., М.—Л., 1930, т. VI, стр. 413.
² Meinecke F. Radowitz und die deutsche Revolution, Berlin, 1913, 50—51.

Австрия вела «самую консервативную политику, необходимо вытекающую из положения и состава австрийского государства, положения чисто австрийского, ибо национальной ее назвать нельзя»¹. Что же касается национально-освободительных движений австрийских славян, то царизм относился к ним враждебно и стоял за полное сохранение над этими славянами власти и гнета Габсбургов. В особенности опасался царь нового подъема освободительного движения поляков. Николай I оказал полную поддержку Австрии в деле ликвидации Краковской республики и подавления в ней восстания 1846 года. Восстание было разгромлено австрийскими войсками, и австрийское правительство настаивало на присоединении Кракова к своим владениям. Царь велел объявить Венскому двору, что «Австрия может положиться на силы России, подобно тому как государь император желал бы рассчитывать на силы Австрии»². Идея присоединения Кракова к Австрии была крайне недоброжелательно встречена в Берлине и вызвала сильный испуг короля и его министра иностранных дел Каница³. Во избежание обострения отношений с Россией и в интересах борьбы с польским движением Прусский двор в конце концов присоединился к этому решению, но все же не рассеял подозрений и недоверия, которые возбуждала в Петербурге и Вене прусская политика.

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Накануне Февральской революции внешняя политика кабинета Гизо была всецело обусловлена положением той финансовой аристократии, которая во главе с Луи-Филиппом правила Францией. Финансовая аристократия всеми силами противилась расширению избирательного права и другим реформам внутри страны и нуждалась в мире для своих финансовых операций и борьбы с политической оппозицией. Острая борьба с оппозицией сковала действия кабинета Гизо в области внешней политики и придала этой политике ярко выраженное клерикальное и реакционное направление. Принцип верховенства нации и невмешательства во внутренние дела других народов, который в 1789—1794 годах был направлен против контрреволюционной интервенции, Гизо использовал только для того, чтобы оправдать свою полную пассивность и отказ от какой бы то ни было помощи либеральным и революционным движениям. Мир и, следовательно, полное примирение с договорами 1815 года, которые лишили Францию ее завоеваний, сделанных на левом берегу Рейна, был одной из основ внешней политики июльской монархии — этого «царства банкиров». «Rien pour la

¹ Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движения 1848—1849 гг. «Русск. старина», 1877 г., том XX, стр. 407—426.

² С. 3 Император Николай I и Февральская революция. «Русск. старина», 1904 г., апрель, стр. 47.

³ Мартенс. Том VIII. Спб. 1888, стр. 369—370.

gloire! (Ни гроша для славы!). Слава не приносит никакой прибыли. La paix partout et toujours! (Мир во что бы то ни стало!). Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг!» — в таких словах Маркс характеризовал «миролюбие» Гизо и Луи-Филиппа.

Накануне Февральской революции внешняя политика июльской монархии имела успех только в Испании и в деле завоевания Алжира, которое в основном завершилось в 1847 году взятием Константины и уничтожением арабского государства Абд-эль-Кадера. В Испании Луи-Филипп стремился утвердить свое влияние при помощи крайних консерваторов и притом чисто средневековым способом — династическими браками. Он повел сложную интригу против выдвинутых британской дипломатией претендентов на руку юной королевы Изабеллы и инфанты Луизы. В 1846 году французская дипломатия добилась одновременного заключения брака Изабеллы с герцогом Кадикским, от которого, по его щедрости и хилости, нельзя было ждать потомства, и брака инфанты Луизы с младшим сыном Луи-Филиппа герцогом Монпансье.

От обреченной на бездетность королевы Изабеллы испанский престол должен был перейти к инфанте Луизе и к ее детям от герцога Монпансье. Луи-Филипп рассчитывал, что таким путем его потомки приобретут право на испанский престол и будут проводить в Испании французскую политику.

Подстроенные Луи-Филиппом и Гизо «испанские браки» вызвали взрыв негодования и бешенства в правящих кругах Англии. В Лондоне считали, что эти браки ставят под угрозу английское влияние в Испании и нарушают Утрехтский договор 1713 года, завершивший войну за испанское наследство и запрещающий соединение Франции и Испании под одной короной. «Испанские браки» вконец подорвали англо-французское «сердечное соглашение» (entente cordiale), еще ранее расшатанное недовольством английской буржуазии значительными пошлинами на ввоз во Францию английских товаров и колониальной политикой июльской монархии. Накануне 1848 года распалась та самая англо-французская «антанта», которая с 1830 года с недолгими перерывами противостояла трем «северным дворам», т. е. Австрии, России и Пруссии. Результатом ее распада была изоляция Франции, которая еще более усилила старания Гизо скрепить свои связи с Австрией.

Сближение с Австрией вполне отвечало реакционному курсу политики Гизо. 18 мая 1847 года он писал Меттерниху, что Франция с Австрией проводят отныне охранительную политику и что «в этом заключается наш союз». В Австрии Гизо видел также полезный противовес прусским стремлениям к гегемонии в Германии. Он писал в Вену о том, что две опасные идеи Пруссии — «немецкое единство и либеральный дух» — могут послужить ей средством лишить независимости малые германские государства. Следует при

¹ К Маркс. Классовая борьба во Франции. Избранные произведения, т. II, 1933 г., стр. 156.

этом вспомнить, что поддержка малых государств Южной и Западной Германии была традицией французской внешней политики, которая всегда видела в них оплот своего влияния¹ в Центральной Европе.

Разрыв «сердечного согласия» с Англией и сближение с Австрией завели политику Гизо в тупик: они не могли принести французской буржуазии никаких дальнейших выгод, так как изоляция Франции ослабила ее международное влияние, а Австрия была ее соперницей в Италии. Старания Гизо угодить Австрии явно обнаружились, когда в 1846 году австрийские войска разгромили польское восстание, вспыхнувшее в Краковской республике, и с согласия России и Пруссии Австрия присоединила Краков к своим владениям. Чтобы спасти свое лицо перед оппозицией, которая выражала сочувствие полякам, Гизо вынужден был сложить протестовать против лишения Кракова независимости, но сказал австрийскому послу, что французское правительство «не даст увлечь себя порывами общественного мнения» и не сделает никаких серьезных затруднений из-за краковского вопроса. В начале декабря 1846 года Гизо самолично прочел русскому поверенному в делах Киселеву ноту протеста против мероприятий трех северных держав. Но французский «протест» был изложен в столь любезных выражениях, что как Киселев, так и государственный канцлер Нессельроде по прочтении его поспешили выразить Гизо свои «чувства удовольствия и благодарности»².

В итальянских государствах французская дипломатия стала действовать заодно с австрийской. Когда папа Пий IX задумал провести умеренно-либеральные реформы, Гизо через французского представителя в Риме России выразил свои опасения относительно преждевременности этих планов. России всячески старался удерживать папу от проведения реформ и запугивал его возможностью революции³. В августе 1847 года австрийцы начали репрессии против папы и заняли Феррару, выгнав из этого города папский гарнизон. Пий IX протестовал, но Гизо остался глух и нем, а России заявил, что «Франция вовсе не капрал к услугам Италии»⁴. Было очевидно, что прислужничество Гизо перед австрийской реакцией грозило полным падением французского влияния в Италии. Пресмыкательство Гизо перед Австрией дошло до того, что французский посланник в Турине принял участие в протестах против печатания в Генуе песен, в которых говорилось об австрийцах оскорбительно⁵.

Гизо готов был отступать от принципа «невмешательства» только ради поддержки реакции в других странах. В Португалии Гизо оказывал помощь реакционному правительству королевы Марии. В апреле 1846 года в Португалии началось затяжное восстание против министерства Кабрала. Луи-Филипп и Гизо стали бояться, что победа восстания даст опасный пример Испании и пошатнет там положение расположенных к Франции реакционных министров. Гизо нисколько не смущался тем обстоятельством, что португальское правительство, которому он решил оказать поддержку, находилось под английским влиянием. В 1847 году Гизо и Луи-Филипп решились на контрреволюционное вмешательство в португальские дела совместно с Англией. В мае — июне 1847 года условия интервенции были согласованы с лондонским кабинетом, чем Гизо хотел смягчить озлобление, вызванное в Англии «испанскими браками». Главную роль взяло на себя британское правительство. При дипломатической поддержке Франции, английская эскадра вынудила повстанческую хунту в Оporto прекратить сопротивление¹.

Реальные выгоды от этого вмешательства получил только Пальмерстон, лишний раз убедивший португальцев в мощи английского флота, но Гизо достались только нападки со стороны либеральной оппозиции. Не сбылись и надежды Гизо на то, что подавление португальского восстания укрепит влияние крайних реакционеров и в Испании. Вскоре в Испании было отстранено от власти то реакционное правительство, которое содействовало «испанским бракам». В октябре 1847 года на пост главы испанского правительства был возвращен враг французского влияния генерал Нарваэс, который начал вести независимую от Франции политику.

Если в Португалии Гизо оказался жалким приспешником Пальмерстона, то в Швейцарии он готов был помогать реакции в угоду Меттерниху, французским клерикалам и папскому престолу. Летом 1847 года европейские кабинеты были озабочены приготовлениями к гражданской войне в Швейцарии, производимыми «Зондербундом», или сепаратным союзом семи реакционных католических кантонов, и федеральным правительством, которое держалось радикального направления и опиралось на передовые кантоны. В июле 1847 года федеральное правительство потребовало роспуска «Зондербунда» и изгнания иезуитов. Но Меттерних предложил державам вооруженное вмешательство в швейцарские дела для поддержания реакции в Швейцарии, которую он считал опасным пристанищем революционной эмиграции. Посредством произвольных толкований договоров 1815 года Меттерних пытался обосновать «право» держав на вмешательство: он утверждал, что установленная в 1815 году международная гарантия нейтралитета

¹ Charléty, S. La monarchie de Juillet В книге: «Contemporaines», P. 1921, т. V, p. 368 (под ред. E. Lavisse).

² Маргенс, том XV, Спб. 1909, стр. 221.

³ Инструкции, посланные России и переписка с ним Гизо см. у Guizot М. Mémoires 1867, т. VIII, ch. XLVI, стр. 382—415.

⁴ S. Charléty. Op. cit., p. 372.

⁵ Этот поступок посланника вызвал негодующее изумление Герцена тогда бывшего за границей. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. «С того берега» М—Л, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 129.

¹ D'Haussonville, M. Histoire de la politique extérieure du gouvernement français. 1830—1848. T. II, Paris 1850, p. 281—285.

Швейцарии будто бы неразрывно связана с неприкосновенностью конституции Швейцарского союза и с полным сохранением суверенитета отдельных кантонов, который радикалы намеревались ограничить в пользу федеральной власти.

При полном одобрении царя и Пруссии Меттерних предложил военные меры по наблюдению за швейцарской границей. Император Фердинанд предоставил «Зондербунду» секретную субсидию в 250 тысяч франков для создания общей военной кассы семи кантонов. Австрийские арсеналы снабжали их ружьями, пушками и амундией. «Зондербунду» были направлены австрийские военные инструкторы, а когда начались военные действия, австрийские войска были стянуты к границам Швейцарии¹. Носились слухи о том, что правительство Гизо втайне снабжало «Зондербунд» ружьями и пушками.

Но открытое военное выступление Гизо отклонил из боязни нападок оппозиции и чрезмерного усиления австрийского влияния на кантоны. В случае вмешательства одной Австрии Гизо хотел оказать «Зондербунду» дипломатическую поддержку, но он плохо знал положение дел в Швейцарии и не понимал того, что, несмотря на присылку австрийских денег и оружия, «Зондербунд» был слишком слаб по сравнению с федеральным правительством. Не ожидая быстрого разгрома «Зондербунда»², Гизо отклонил план действий Меттерниха и выдвинул проект дипломатического вмешательства, которое он надеялся возглавить сам, чтобы поднять французский престиж в Швейцарии. Гизо хотел предложить воюющим сторонам перемирие и передачу религиозных вопросов на арбитраж папы. По делам политическим он настаивал на посредничестве пяти великих держав.

Но в дело вмешался Пальмерстон: с целью создать новые проволочки и сорвать вмешательство, он предложил свой проект посредничества между воюющими странами и созыва в Лондоне конференции держав с участием представителей федерального правительства и «Зондербунда». Пальмерстон настаивал на удалении иезуитов взамен за обязательство со стороны федерального правительства не нападать на католические кантоны. Втайне Пальмерстон передал главе федерального правительства Оксенбейну совет разгромить «Зондербунд» ранее чем состоится вмешательство держав. 23 ноября 1847 года в сражении с федеральными войсками у Гислика отряды «Зондербунда» были разбиты. Каниц сказал, что Пальмерстон «разыграл» Гизо («avait joué Guizot»)³. План Гизо полностью провалился, но Гизо успел еще раз скомпрометировать себя в глазах оппозиции своей готов-

ностью сотрудничать с Меттернихом для защиты иезуитов и реакции в Швейцарии.

Острая и едкая оценка внешней политики Гизо была дана Герценом: «Все влияние на Европу,—писал Герцен,—было утрачено из-за мелких династических интересов; все симпатии народа были пожертвованы для того, чтобы простили испанские браки¹. Франция не могла держаться даже на той высоте, на которой была за десять лет,—она сделалась второстепенным государством. Правительства перестали ее бояться, народы начинали ненавидеть. Узкая, эгоистическая и буржуазная политика, ставившая мир выше всего и невозможную теорию de la nonintervention ключом свода, не мешали Гизо запятнать Францию явным вмешательством в дела Португалии и тайным — в дела Швейцарии. В обоих случаях Франция играла ту самую роль, которую реставрация, столько проклинаемая, принимала на себя в 1822 году относительно Испании, — роль военной экзекуции, полицейского усмирения. Португалия была задавлена из учтивости к королеве Виктории Пальмерстоном и из учтивости к Пальмерстону — Францией. Оксенбейн отвечал резкой нотой на вмешательство французского посланника и велел выставить на площади в Люцерне пушки французской артиллерии, потихоньку присланные Зондербунду»².

Министерство Гизо ревностно преследовало иностранных революционеров-эмигрантов. Было выслано множество лиц, в том числе и Бакунин, и начались притеснения польской эмиграции. Улучшение отношений с Петербургским двором в 1847 году выразилось в возведении царского поверенного в делах в Париже графа Киселева в ранг посланника. Накануне Февральской революции Маркс писал в «Манифесте Коммунистической партии»: «...папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские» — все эти силы старой Европы объединились для травли коммунизма.

Республиканская оппозиция во Франции подвергала резкой критике не только внутреннюю, но и внешнюю политику Гизо и двигала свои внешнеполитические требования. При этом «трехлетние» республиканцы «National'a» и «социальные» республиканцы, группировавшиеся вокруг газеты «Reforme», резко расходились между собою.

В начале 1848 года Ламартин выступил в палате по поводу речи короля и «покрыл позором» внешнюю политику Гизо. Француз,—сказал Ламартин,—вопреки своему характеру, вопреки вековой политике и своим традициям делалась папской в Риме, клерикальной в Берне, австрийской в Пьемонте, французской на не была никогда, контрреволюционной — везде»³. Политика

¹ Guichen. Les grandes questions européennes sous la Seconde République française. T. I, p. 3—10.

² Guizot. T. VIII. P. 1867, p. 517.

³ Op. cit., стр. 10—20.

¹ Т. е. чтобы задобрить Австрию и Англию.

² Герцен А. И. Ук. соч., 128—129.

³ Выступление это произвело сильное впечатление на Герцена. См. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. «С того берега». М.—Л. Соцэкгиз, 1931, стр. 136.

Гизо вызвала осуждение со стороны республиканцев как политика реакционная и династическая. Буржуазные республиканцы считали, что Гизо запятнал себя рабским подчинением «системе 1815 года», в которой французская буржуазия находила главное препятствие для осуществления своих мечтаний о возрождении французской гегемонии в Европе. В противовес политике Гизо республиканцы выдвигали «национальную» политику, которая отвечала бы интересам класса буржуазии в целом.

Маркс указывал, что республиканская оппозиция во Франции — «это был кружок из буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников республиканского образа мыслей, влияние которых опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканскую веру известного количества мечтателей, а главное — на французский национализм, ненависти которого к венским договорам и к союзу с Англией он никогда не давал остыть. Этим скрытым империализмом объясняется значительная доля влияния, которым «Националь» пользовался в царствование Луи-Филиппа и который впоследствии, при республике, мог выступить в лице Луи-Бонапарта как всемогущий соперник»¹. Газета «Националь» заслужила симпатии промышленной буржуазии защитой покровительственных таможенных тарифов и активной, энергичной внешней политики, направленной против Австрии и Италии и против венских договоров.

Эти настроения республиканской оппозиции и преклонение значительной части французской буржуазии перед внешней политикой Первой империи были известны европейским правительствам и вызывали у них боязнь того, что свержение министерства Гизо и победа оппозиции послужат отправной точкой для перехода Франции к открытому выступлению против договоров 1815 года ради завоеваний и вооруженной помощи революционным движениям в других странах. Но на деле бескорыстная помощь иностранным революционерам вовсе не входила в расчеты буржуазных «трехцветных» республиканцев.

Страстное и проникнутое пылкой революционной романтикой желание оказать вооруженную помощь освободительным движениям в Польше, Италии и Германии было присуще главным образом мелкобуржуазным демократам — «якобинцам 1848 года» и сторонникам «социальной республики», которые группировались во круг газеты «Реформа» во главе с Ледрю-Ролленом. Они клеймили позором принцип «невмешательства» в дела других народов, в его реакционном применении в политике Гизо. Демократическая и социальная республика во Франции должна была, по их мнению, стать защитницей всех революционных движений в Европе и взаимно найти себе опору и гарантию безопасности в их успехе. Того же взгляда держались Бланки и Барбес, но самое крайнее выра-

жение этой точки зрения придавали иностранные революционеры-эмигранты. Незирая на ограниченность сил и на своекорыстие французской буржуазии, они питали надежду использовать Францию как орудие освобождения своих отечеств — Польши, Савойи, итальянских и немецких государств.

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции. Дипломатия Пальмерстона

Во время революций 1848 года во главе британской внешней политики стоял министр иностранных дел в кабинете Джона Росселя — лорд Пальмерстон, крупнейший английский дипломат середины XIX века. Он был выходцем из старинного аристократического рода, владевшего крупными поместьями в Ирландии. Аристократ по происхождению, Пальмерстон стал слугою британского капитализма XIX века. Он был учеником и продолжателем Каннинга и типичным представителем внешней политики воинствующей британской буржуазии в пору расцвета ее морского владычества и ее морской, промышленной и колониальной монополии.

Сначала Пальмерстон принадлежал к партии тори, но затем примкнул к вигам, понимая, что интересы британской промышленности и торговли не могут не стать основой британской политики. Личные черты Пальмерстона делали его как нельзя более подходящим для роли вождя быстро растущей, алчной и агрессивной буржуазии Англии, символом веры которой были свобода торговли, прогресс промышленности и неограниченное господство на море и в колониях. Его ненавистными врагами были те дипломаты и политики, которых ему не удавалось провести, и он совершенно искренне считал их отъявленными негодяями. В политике Пальмерстон был беззастенчивым карьеристом, способным на любое вероломство, не стеснявшимся в средствах. Но в качестве основы своей политики Пальмерстон признавал только выгоды британской буржуазии. Он обладал громадной трудоспособностью, ясным умом, энергией и обширной памятью. Его знали как опасного и неутомимого полемиста и оратора и, когда Пальмерстон начинал в парламенте свою речь, его противники приходили в бешенство, бичуемые его нападками и язвительной иронией. Пальмерстон прослыл мастером дипломатической и парламентской интриги, и умел искусно играть на чувстве высокомерия и национальной гордости британцев. Грубый утилитаризм и самые прозаические коммерческие расчеты он прикрывал либеральными идеями и фразеологией. Это не мешало ему быть защитником самой кровавой колониальной политики в Китае и в Индии и экспансии британского капитала на Среднем и Ближнем Востоке.

Политические воззрения вигов и Пальмерстона отличались типичным для британской буржуазии сочетанием политического либерализма с социальным консерватизмом и враждебностью к демо-

¹ К. Маркс. 18-е брюмера Луи-Бонапарта Избранные произведения, т. II, М. 1933 г., стр. 254—255.

кратии и к революционному движению. Пальмерстон полагал, что после парламентской реформы 1832 года британская конституция стала верховом совершенства. Он говорил, что даже сам бог не мог бы придумать лучшего политического устройства, чем эта конституция, и был противником дальнейших внутренних реформ. Все его внимание привлекала внешняя политика. В этой области Пальмерстон разыгрывал роль противника традиций «Священного союза», но на деле не раз отступал от своего показного либерализма и был одним из злейших врагов революционно-демократических движений.

Современники по-разному оценивали политику Пальмерстона. Его либерализм был чужд и враждебен придворным кругам. В глазах королевы и придворных он был почти революционером. С королевой Викторией и в особенности с ее супругом Альбертом Пальмерстон почти не считался. Дерзко и вызываясь он подчеркивал независимость британского кабинета от короны в делах внешней политики. Если тори и двор смотрели на Пальмерстона как чуть ли не на «красного», то виги находили в нем истинного глашатая интересов британского капитализма.

Основоположники марксизма считали Пальмерстона лицемерным реакционером, ловко скрывающимся под личиной либерализма. Маркс беспощадно разоблачил лицемерие и лживость Пальмерстона и его сотрудничество с реакцией. «Будучи торием по происхождению, — писал Маркс о Пальмерстоне, — он все же сумел внести в управление иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинтэссенцию вигизма... Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями. умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен»¹.

Британский либерализм покоился на угнетении трехсот миллионов населения Индии и других колоний и на угнетении Ирландии. В Азии Пальмерстон проводил политику агрессии, а в Европе поддерживал гнет турок над народами Балканского полуострова. В Западной Европе он стоял за целостность Австрийской империи и за сохранение ее гнета над итальянцами (в Венеции), над венграми и над славянами. Турция и Австрия были главными оплотами английской политики на Ближнем Востоке.

Ни в 1831, ни в 1846 году Пальмерстон не оказал реальной поддержки польскому движению. Желая угодить Австрии, английское правительство воздержалось от каких бы то ни было резких заявлений по поводу присоединения к ней Кракова, что весьма обрадовало Нессельроде². В Португалии Пальмерстон помогал реакцион-

ному правительству королевы Марии, потому что супруг королевы происходил из Саксен-Кобургского дома, тесно связанного узами родства с английским двором. Пальмерстон надеялся использовать эти династические отношения для поддержания английского влияния в Португалии. В этом случае он готов был угодить королеве Виктории, которая настаивала на интервенции. Помимо того, Пальмерстон боялся, что в защиту португальской реакции выступят Испания и Франция, и в этом случае Англия останется на заднем плане и потеряет свой престиж на Пиренейском полуострове¹. Вражда Пальмерстона к царскому правительству проявлялась только в его восточной политике, но он никогда не мешал тому же царизму подавлять революционные движения. Маркс писал о Пальмерстоне: «Притеснители всегда могли рассчитывать на его помощь, притесненных же он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Он всегда был готов к услугам, когда дело шло об угнетении поляков, итальянцев, венгров, немцев, и все-таки их притеснители подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они зарезали с его разрешения»². Даже в тех случаях, когда Пальмерстон в 1847—1848 годах давал другим правительствам советы провести либеральные реформы, он делал это из боязни того, что слишком упорная консервативная политика может вызвать революцию и создать угрозу общеевропейской войны и революции. Другим мотивом, по которому Пальмерстон желал установления умеренно либерального порядка в некоторых германских и итальянских государствах и в Испании, заключалась в том, что либеральные реформы могли бы содействовать в этих странах развитию английской торговли и политических симпатий к Англии.

В ходе событий 1848—1850 годов Пальмерстон желал помешать победе революционно-демократических движений и хотел избежать всеобщей войны в Европе, которая могла принести невыгодные для Англии последствия. Пальмерстон боялся подъема революционного движения в Ирландии и чартистского движения в Англии в случае победы в Европе революционной демократии или всеобщей войны.

У Англии не было союзников на материке Европы, и для войны она располагала только своими денежными ресурсами и флотом. Когда «испанские браки» до крайности обострили отношения с Францией, изоляция стала особенно ощутимой и в числе других причин побуждала Пальмерстона желать мира. В 1848 году сохранение договоров 1815 года было еще выгодно британской буржуазии. «Система 1815 года» исключала возможность опасного для Англии господства на материке какой-либо одной державы и предоставляла ей возможность оказывать значительное влияние на европейские дела путем вмешательства в борьбу России, Австрии,

¹ К. Маркс Лорд Пальмерстон. Соч., т. IX, М. 1932, стр. 489.

² Нессельроде—Мейендорфу. 5 января 1847 г. Nesselrode Ch., Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1856. T. IX, p. 5.

¹ К. Маркс. Лорд Пальмерстон. Соч., т. IX, М. 1933, стр. 488—489.

² Греер, D. M. L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848. P. 1925, p. 82, 120.

Франции и Пруссии. Мир и сохранение status quo в Европе был выгоден для британской торговли и позволял Англии сосредоточить все свои силы на развитии своей промышленности и торговли, на колониальных завоеваниях в Азии. В 1848 году Англия использовала свои деньги, флот и дипломатию для того, чтобы помешать успеху революционно-демократических движений, сохранить мир и свести к минимуму перемены в европейском международном положении. В этом смысле буржуазная Англия оказалась, наряду с царской Россией, одним из оплотов европейской контрреволюции. В конце 1848 года Маркс писал, что «Англия кажется скалою, которую разбиваются революционные волны»¹.

Главными противниками Англии были Россия и Франция. В итальянских государствах, в Швейцарии и в Испании Пальмерстон всячески противился французскому влиянию. Защита неприкосновенности и нейтралитета Бельгии и Швейцарии от посягательств реакции была одной из основ его политики. Пальмерстон старался не допускать вооруженного вмешательства Франции в итальянские дела. Усиление Сардинского королевства на севере Италии, как барьера между Францией и Австрией, укрепление Пруссии в Германии, как противовеса Франции и России, но при условии целостности Дании и сохранения status quo на Балтийском море—таковы были те немногие существенные изменения в системе 1815 года, которые Пальмерстон находил в 1848—1850 годах допустимыми и желательными в интересах традиционной британской политики «европейского равновесия».

Пальмерстон не впадал в панику перед революционными событиями и смотрел на них с холодным расчетом. Потрясение престолов европейских монархов, которое так пугало королеву Викторию, ничуть не смущало Пальмерстона, если только оно не приносило вреда выгодно для Англии «политическому равновесию» в Европе. Задача Пальмерстона и правящих кругов Великобритании заключалась в том, чтобы раздавить чартистское революционное движение и использовать колониальную и промышленную монополию английской буржуазии для получения колоссальных сверхприбылей и сглаживания внутренних противоречий при помощи частичных уступок и компромиссов. Пальмерстон старался в других странах поощрять этот типичный для правящих классов Англии прием предотвращения революций посредством умеренных реформ, но только в тех случаях, когда осуществление их было выгодно и английской буржуазии. Проводя беспощадную политику в Ирландии, в Индии и в других владениях Великобритании, Пальмерстон в особенности щеголял своим «либерализмом» в делах Италии, хотя действительная роль там британской дипломатии заключалась в 1848 г в предотвращении французского вмешательства и в поощрении разгрома революционно-демократических движений.

Еще в 1847 году Пальмерстон с большим сочувствием отнесся к намерению Пия IX провести умеренные либеральные реформы в папской области и видел в этих реформах самое лучшее средство предотвратить революционный взрыв в Италии. Пальмерстон особенно боялся того, что французская либеральная оппозиция может свергнуть министерство Гизо, поддержать революцию в Италии и затеять с Австрией войну для уничтожения ее влияния на итальянские государства. Еще 30 июля 1846 года в письме лорду Росселю о возможности подобного развития событий Пальмерстон отмечал, что «мы не можем иметь никакого желания видеть Австрию повергнутой в прах (broken down), Францию увеличенной, а военное тщеславие и любовь французов к завоеваниям ожившими в результате успеха»¹.

После занятия Феррары австрийскими войсками Пий IX в 1847 году весьма нуждался в дипломатической поддержке Англии. Пальмерстон хотел использовать затруднения папы и получить от него одобрение подавления ирландского движения рипилей и осуждение политической деятельности ирландских католических священников. Со своей стороны, Пий IX готов был угождать Пальмерстону и надеялся добиться от него установления в Англии вильной иерархии для католического духовенства.

Внимание Пальмерстона привлекала не только папская область, и Пьемонт, в котором поднималось национально-объединительное либеральное и революционное движение. Пальмерстон сочувствовал умеренно-либеральным преобразованиям в Пьемонте как средству предупреждения войны и революции и желал усиления Пьемонта как буржуазного государства, способного служить противовесом Франции в Северной Италии. Не менее важное значение Пальмерстон придавал тому, чтобы помешать нарушению нейтралитета и неприкосновенности Швейцарии как буфера между Францией и Австрией. Выше уже было упомянуто, что самым лучшим способом предупредить австро-французскую интервенцию в Швейцарии Пальмерстон считал скорейший разгром «Зондербунда» федеральным правительством. Для осуществления своей политической линии в Швейцарии и в итальянских государствах Пальмерстон задумал послать в Берн, Турин, Флоренцию, Рим и Неаполь с особою конфиденциальной миссией лорда Минто, который приходился тестем главе британского кабинета лорду Росселю и британскому посланнику в Турине—Аберкромби. При составлении инструкции для лорда Минто Пальмерстону пришлось преодолеть сопротивление королевы Виктории и принца-супруга Альберта, которые считали поддержку либеральной политики в Риме «самым враждебным шагом в отношении старого и естественного союзника» — Австрии, и сочувствовали реакции².

Лорд Минто начал свою поездку с посещения Швейцарии.

¹ Цит по книге Bell H. Lord Palmerston, L 1936, vol I, p 412—413.

² Bell, op cit, p 411—414

Именно он передал главе федерального правительства Оксенбейну совет поскорее уничтожить вооруженные силы «Зондербунда». Тот же совет Пальмерстон высказал в частном письме секретарю британской миссии в Берне — Пилю (Peel)¹. В Италии Минто ободрял сторонников умеренных либеральных реформ и поощрял выдвинутую туринским кабинетом идею сплочения таких итальянских государств, как Тоскана, Модена и Рим, вокруг Пьемонта в таможенную лигу. Проект депеши английскому посланнику в Турине, составленный в октябре 1847 года, указывает, что эта лига послужит для «образования союза, который сможет положить солидное и прочное основание для политической независимости Италии»². В палате Пальмерстон указывал на то, как либеральные порядки и постройка железных дорог благоприятно отразятся на британской торговле в Италии. Быстрое экономическое развитие Пьемонта в 40-х годах XIX века привлекло к себе внимание английской буржуазии. Еще в 30-х годах туринский кабинет строил планы проведения железной дороги от Генуи к Лаго Маджиоре с тем, чтобы в будущем она была соединена с железнодорожными линиями Центральной Европы, идущими к берегам Ла-Манша и Северного моря. Такое направление железных дорог могло бы содействовать английской торговле в Северной Италии и на Средиземном море вообще. Австрийские капиталисты и правительство желали сооружения железнодорожных линий по совершенно другому направлению — от Ливорно на Флоренцию, Болонью и Триест, чтобы изолировать Геную и Пьемонт и связать итальянские государства с Австрией. Было разработано много вариантов этих планов. Экономические отношения Пьемонта с Австрией к 1848 году крайне обострились. Особенное раздражение вызвал в Турине претительный тариф на пьемонтские вина, введенный в Австрии в 1848 году. Между Австрией и Пьемонтом шла таможенная война, в которой симпатии британской буржуазии были на стороне Пьемонта. Не только торговые, но и политические выгоды определяли эти симпатии: с точки зрения британских интересов было желательно, чтобы Австрия поменьше внимания обращала на свои владения в Италии и была бы готова в любое время обратить все свои силы против России. Лорд Минто поощрял пьемонтских либералов и «либеральные» проекты Пия IX.

В благодарность за поддержку Пальмерстона папа осудил вмешательство ирландского духовенства в политическую борьбу, что, впрочем, не помешало вспыхнуть ирландскому движению весной 1848 года. Британский кабинет предложил парламенту акт установлении нормальных дипломатических отношений с Ватиканом, но палата лордов свела значение этого решения к нулю, внося оговорку, что папским представителем в Лондоне может быть только светское, а не духовное лицо.

¹ Bell, op. cit., p. 406.

² Там же, p. 413—417.

Когда в начале 1848 года вспыхнуло революционное движение в Сицилии, Пальмерстон счел полезным посоветовать неаполитанскому правительству провести умеренные реформы, чтобы в дальнейшем избежать слишком больших уступок¹. Неаполитанские революционеры возлагали надежды на симпатии английского кабинета, и один из главарей восстания в Палермо поместился в доме английского консула², но на деле либеральные советы Пальмерстона имели целью предотвращение революции. Гизо был еще умереннее. Он считал реформы в Неаполе нужными, но продолжал настаивать на необходимости самой крайней осторожности при их осуществлении. Россия, Пруссия и Австрия давали неаполитанскому и папскому правительствам советы сопротивляться до последней крайности и не делать никаких уступок либеральным требованиям. Меттерних даже требовал от Пия IX согласия на пропуск австрийских войск через Папскую область в неаполитанские владения³, но получил отказ: папа боялся уронить свой престиж в Италии таким прислужничеством перед Австрией и надеялся на поддержку Франции. Еще в декабре 1847 года под давлением Франции австрийское правительство дало своим войскам приказ очистить Феррару. Когда австрийские отряды прибыли в Модену и Реджио для поддержания там «порядка», со стороны Франции последовали протесты: Гизо стоял за поддержку реакции, но даже с его стороны чрезмерное засилье австрийского влияния в Италии начинало вызывать противодействие.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ И МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 ГОДА

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале—мае 1848 года

Во время событий 1848 и 1849 годов правительство Французской республики было единственной властью революционного происхождения, которая сохраняла и поддерживала мир и дипломатические сношения с другими государствами и длительное время вела свою внешнюю политику. В отличие от Французской республики, ни венгерское революционное правительство, ни революционные правительства, которые в 1848 и в 1849 годах на короткое время приходили к власти в Ломбардии, Венеции, Риме и Тоскане, не успели в сколько-нибудь значительной степени развернуть свою внешнеполитическую деятельность и были раздавлены, не добившись признания. Внешняя политика Временного правительства представляет выдающийся интерес как выражение в этой области классовых интересов французской буржуазии после февральской революции.

¹ Пальмерстон — Уэстморленду 22 II 1848 г. Temperly and Penson (ed) *Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury*, p. 166.

² Там же, стр. 163.

³ Guichen, t I. p. 45

В кабинете Гизо лежали на столе забытые бумаги и всюду виднелись следы поспешного бегства, когда в нем водворился Ламартин — новый министр иностранных дел¹.

Дипломатия Ламартина была первым этапом внешней политики Второй республики. Она всецело определялась положением Временного правительства и его классовой сущностью. Февральская революция поставила у власти вместо финансовой аристократии весь класс французской буржуазии, но в первый период своего правления, до мая 1848 года, буржуазия еще вынуждена была допустить к участию в правительстве мелкобуржуазных социальных республиканцев и представителей рабочих. Маркс указывал, что Временное правительство было «компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны»². Доли их участия и влияния в компромиссном правительстве были далеко не равными. Огромное большинство его членов были представителями буржуазии, т. е. буржуазными республиканцами или деятелями династической оппозиции. Руководство внешней политикой Временного правительства они удерживали в своих руках в значительно большей степени, чем внутренние дела. Представители рабочих — Альбер и Луи Блан были всецело поглощены Люксембургской комиссией и оказались в хвосте у буржуазии, а наиболее влиятельный из «якобинцев 1848 года» Ледрю-Роллен занял пост министра внутренних дел. Внешняя политика всецело была предоставлена Ламартину, «трехцветному» буржуазному республиканцу. Ламартин был популярен как поэт, публицист и оратор. В духе сентиментальных фраз он в напыщенных и звонких, но бессодержательных фразах проповедывал «примирение» всех классов. В период «всеобщего братания» с февраля до мая 1848 года, когда буржуазия еще вынуждена была делать уступки рабочему классу и мелкобуржуазным республиканцам, Ламартин давал словесное удовлетворение своими излияниями о гуманных началах внешней политики, а на деле разрешал главную внешнеполитическую задачу, которая стояла в то время перед буржуазией: она заключалась в сохранении текущего положения внешнего мира, чтобы избежать дальнейшего революционного подъема и новых уступок мелкой буржуазии и рабочему классу внутри страны. В решении этой задачи сказались та особенность Февральской революции, что она развивалась по нисходящей линии и что буржуазия обнаружила утрату своей прежней революционности перед лицом нарастающего рабочего движения. Прогрессивная задача — спасти республику от опасности иностранной интервенции — с самого начала превратилась у буржуазных республи-

канцев в контрреволюционное намерение использовать внешний мир для того, чтобы остановить революцию внутри страны.

Вся внешняя политика Временного правительства была обусловлена страхом перед возможностью интервенции, боязнью встретить внешнего врага или одно из «тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить национальную энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед Временное правительство или выбросить его за борт»¹. По свидетельству самого Ламартина, он боялся, что всякое открытое выступление Франции против трактатов 1815 года или на помощь революционным движениям в других странах вызовет образование контрреволюционной коалиции и войну с нею, которая потребует чрезвычайных революционных мер, террора² и новых уступок народным массам. Ламартин считал, что война несет с собою и другую опасность: возможность установления военной диктатуры генерала, как то было при Наполеоне Бонапарте. Входящие во Временное правительство буржуазные республиканцы сознавали, что в случае войны их власть может рухнуть, и старались избежать всяких осложнений с реакционными европейскими правительствами. Маркс так и писал об этой политике: «Главную свою заслугу молодая республика полагала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью да беззащитностью отстоять свое существование и обезоружить врагов. Она громко заявила о своем миролюбии привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам «вне»»³.

Главное средство избежать интервенции Ламартин видел в том, чтобы обеспечить мир с Англией⁴. Расчет этот был верен: без английских денег война против Французской республики была бы непосильной для расстроенных финансов Австрии, России и Пруссии. Став министром иностранных дел, Ламартин немедленно написал британскому послу в Париже лорду Норманби и представителям других государств о том, что «республиканская форма нового правительства не меняет ни места Франции в Европе, ни ее лояльных и искренних намерений поддерживать отношения доброго согласия между державами, которые, как и она, хотят независимости наций и всеобщего мира (la paix du monde)». На другой день Норманби посетил Ламартина и заявил, что его функции в качестве посла окончены, но сам он, по личному убеждению, полагает, что Англия будет следовать своему принципу признавать в других государствах любую форму правительства, которая представляет «гарантии устойчивости и безопасно-

¹ К. Маркс Классовая борьба во Франции Избранные сочинения. А.—Л. 1933 г., т. II, стр. 163.

² Lamartine, op cit, p. 21, 23, 24.

³ К. Маркс Классовая борьба во Франции Избранные сочинения, т. II, 1933, стр. 163.

⁴ Lamartine, op cit. t. II, p. 21.

сти внутри и не дает никакого повода для беспокойства соседних стран». Ламартин продолжал расточать лорду Норманбю свои миролюбивые заверения и даже выразил желание союза с Англией¹. Он всячески заботился о том, чтобы рассеять подозрения британского правительства относительно возможности какого бы то ни было вмешательства Франции в итальянские дела. Когда английский флот появился у берегов Сицилии и неаполитанский король обратился к Ламартину с просьбой прислать туда же и французскую эскадру для противовеса английской, то Ламартин отказал, чтобы не вызывать у Пальмерстона никаких опасений². Для европейских правительств Ламартин решил составить особый манифест и постарался написать его в неясных и цветистых выражениях, прикрывавших громкими словами страх Временного правительства перед возможностью внешних осложнений.

4 марта Ламартин циркулярно разослал агентам Французской республики за границей манифест о внешней политике с целью успокоить все иностранные правительства и уверить их в том, что Франция не начнет войны с целью отмены договоров 1815 года. Этот циркуляр был обнародован и своими звонкими фразами должен был дать удовлетворение французскому общественному мнению. Циркуляр объявлял агентам республики при иностранных дворах, что «Французская республика не нуждается в признании для того, чтобы существовать. Она происходит от естественного права, от права национального. Она есть воля великого народа, который дает ей ее титул от себя самого (ne demande son titre qu'à lui même). Но в то же время Французская республика желает войти в семью установленных правительств как правомерная держава (une puissance régulière), а не как феномен, возмущающий европейский порядок, и было бы уместно, чтобы вы немедленно дали знать правительству, при котором вы аккредитованы, о принципах и тенденциях, которые отныне будут направлять внешнюю политику французского правительства».

Провозглашение Французской республики не является актом агрессии против какой-либо формы правления...

Монархия и республика не являются в глазах истинных государственных людей абсолютными принципами, которые ведут смертельную борьбу; это факты, которые противостоят друг другу (se contrastent), но которые могут стать лицом к лицу, понимая и уважая друг друга.

Война, таким образом, не есть принцип Французской республики, хотя она стала фатальной и славной необходимостью в 1792 году...».

Далее в циркуляре высказывалась мысль, что война еще раз привела бы Францию к военной диктатуре генерала и что «Рес-

публика желает, без сомнения, славы, но желает ее ради нее самой, а не для Цезаря или Наполеона».

«Французская республика, таким образом, не замышляет войны против кого бы то ни было. Ей нет нужды заявлять, что она примет ее, если условия войны будут навязаны французскому народу. Мысли людей, которые в настоящий момент управляют Францией, таковы: да будет счастлива Франция, если ей объявят войну, и если таким образом ее вынудят, несмотря на ее умеренность, умножить свою силу и славу! Но, да падет на Францию страшная ответственность, если Республика сама объявит войну, не будучи к тому вызвана. В первом случае ее военный гений, ее нетерпение к действию, ее силы, накопленные в течение стольких лет мира, сделают ее неуязвимой в ее собственных пределах и, быть может, грозной вне ее границ...

Трататы 1815 года не существуют более в глазах Французской республики как право (en droit); однако территориальные постановления этих трактатов есть факт, который она допускает как основу и как исходный пункт в своих отношениях с другими нациями.

Но если трактаты 1815 года отныне существуют лишь как факт, подлежащий изменению с общего согласия, и если Республика громогласно заявляет, что она имеет право и назначение правомерно (régulièrement) и мирно достичь этих изменений, то существуют здравый смысл, умеренность, совесть и благоразумие Республики, и они составляют для Европы гораздо лучшую и более почетную гарантию, чем буква этих трактатов, столь часто нарушавшихся и подвергавшихся изменениям...».

Отвергнув на практике идею революционного вмешательства в дела других стран, циркуляр в теории заявлял, что Республика в некоторых случаях имеет право осуществить это вмешательство.

«Итак, мы громогласно заявляем, что если нам покажется, что в решениях Провидения пробил час преобразования какой-либо угнетенной национальности в Европе или другом месте, если Швейцария, наша верная союзница со времени Франциска I, была бы стеснена или угрожаема в движении роста, которое происходит в ней, чтобы прибавить новые силы к семье (faisceau) демократических правительств, если независимые государства Италии подверглись бы вторжению, если были бы навязаны пределы или поставлены преграды их внутреннему преобразованию, если бы оспаривалось с оружием в руках право их соединяться для консолидации итальянского отечества, Французская республика полагала бы себя вправе самой вооружаться для защиты этих законных движений роста и национальности народов»¹. Пре-

¹ Guichen, t I, p. 52.

² Там же, p. 53.

¹ Цит по Lamartine A. Trois mois au pouvoir, P. 1848 г., p. 69—78. е же идеи Ламартин развивал в большой речи в Национальном собрании мая 1848 г. (op. cit., p. 179—212).

дупредив, таким образом, европейские правительства, что Французская республика будет вооружаться, чтобы защищать от австрийской интервенции Швейцарию и государства Италии, циркуляр заканчивался повторением миролюбивых заверений и возлагал на Орлеанскую династию всю ответственность за обострение англо-французских отношений в предыдущие годы.

Главная идея внешней политики Ламартина была понятна некоторым современникам. «Манифест Ламартина,—писал Герцен,— был уже довольно слаб и водян. Но действия его дипломатии были гораздо слабее. Он говорит в манифесте, что Франции ничего искать прощения за революцию, ни упрашивать о признании республики,— на деле он именно искал, чтобы европейские государства отпустили Франции грех освобождения...» «Временное правительство приняло за главный вопрос — успокоить среднее состояние во Франции и встревоженные правительства в Европе. Оно не верило в свое собственное дело; оно хотело к а к-н и б у д ь уладить республику, к а к-н и б у д ь удержать мир»¹.

Европейские правительства поняли циркуляр Ламартина как отказ Французской республики от войны за отмену договоров 1815 года и как выражение намерения сохранить мир. Пальмерстон угадал, что пышная фразеология циркуляра предназначалась не для иностранных кабинетов, а для парижских клубов. О звонком тексте циркуляра Пальмерстон писал: «Если бы вам пришлось положить все это в плавильник, выпарить газообразные части и удалить шлак, то вы нашли бы главное, а именно то, что должны быть мир и доброе товарищество с другими правительствами»².

После опубликования своего циркуляра Ламартин, которого социалистический историк 1848 года Ренар метко назвал «большой шарманкой революции», продолжал неуклонно твердить о том, что хотя республика и стоит за освобождение и независимость всех наций, но всеобщее братство народов должно быть установлено только мирными путями. 27 марта официальная газета «Moniteur» предвещала скорое образование Священного союза народов и создание в будущем «Соединенных Штатов Европы». Широкие круги коммерсантов и промышленников желали «La Presse» проповедывала всеобщее разоружение. За мир высказывались Консидеран и другие последователи Фурье³, отрицавшие революционную и вообще классовую борьбу. Для 1848 г. характерно, что сторонницей европейского мира, основанного на сокращении ревизионной «системы 1815 г.», была во Франции круп-

ная буржуазия, боявшаяся своего рабочего класса. Идея революционной войны в духе традиций 1793 г. жила среди французских мелкобуржуазных республиканцев и тех социалистов, которые уже тупили на путь революционной политической борьбы.

«Якобинцы 1848 года» и социальные республиканцы не верили в мирное осуществление братства народов и смело настаивали на революционном вмешательстве в дела других стран посредством активной помощи революционным движениям во всей Европе.

Они были уверены, что война с контрреволюционными правительствами не только завершится полной победой восставших народов, но и приведет к необходимости проведения во Франции внутренних чрезвычайных революционных мер, которые были главной целью. В легкости свержения реакционных правительств народными, в том случае, если Франция окажет им помощь, они не сомневались и питали искреннюю и восторженную веру в то, что перевороты во всех странах давно назрели и что реакция нигде уже не имеет серьезной опоры. Они были убеждены, что только победа революции во всей Европе создаст полную гарантию осуществления безопасности и прочности тех революционных порядков, которые они хотели установить во Франции. Их целью во внешней политике была помощь революционным движениям, восстановление Польши в границах 1772 года в качестве оплота и союзника Франции, сближение Франции с освобожденной Италией и Германией. Революционное вмешательство в дела других народов в их глазах было ключом к решению всех вопросов внешней и внутренней политики. В основе такого взгляда лежало сознание недостаточности собственных сил для осуществления своей программы внутри страны, без тех чрезвычайных мер и потрясений, которые вызывала бы революционная война с Европой. В 1792—1793 году война с контрреволюционной коалицией способствовала подъему революционных сил, и этот пример хотели использовать «якобинцы 1848 года» и «социальные республиканцы». Во Временном правительстве их идеи поддерживали Ледрю-Роллен и Луи Блан.

Революционные эмигранты — поляки, ирландцы, немцы, бельгийцы, итальянцы, другие иностранцы, — которых только в одном Париже было до 15 тысяч, мечтали о том, что Временное правительство окажет им помощь для освобождения их отечества. Все они основывали свои клубы, устраивали шествия с национальными флагами, посылали делегации и адреса к Временному правительству, взывая о поддержке. Ответные речи Ламартина были полны звонких фраз, сочувственных комплиментов и восторгов по поводу свободолюбивых стремлений европейских народов, но не содержали никаких обещаний практической помощи. Полякам Ламартин ответил, что Французская республика, несмотря на свои симпатии к Польше, ведет миролюбивую политику, и советовал

¹ Герцен А. И. Письма из Франции и Италии «С того берега» М.—Л. 1931, стр. 172.

² «If you were to put the whole of it into a crucible, and to evaporate the gaseous parts and sum off the dross, you would find the regulus to be peace and good fellowship with other governments», Bell op cit., vol. I, p. 425.

³ Ренар Республика 1848 г. Перев. с фр. СПб. 1907, стр. 16—20.

ам ждать будущего¹. Слащавые речи Ламартина имели целью обнадёжить и успокоить иностранных революционеров-эмигрантов и их сторонников во Франции, но так, чтобы ничем не связывать правительство и уклониться от реальной помощи революционным движениям в других странах. Маркс писал о речах Ламартина: «Подобно тому, как Эол выпускает из своих мехов все ветры, так Ламартин развязывает и гонит по ветру на восток и на запад всех духов воздуха, все фразы буржуазной республики, — ветренные слова о братстве всех народов, освобождении, которое Франция принесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А сделал он что? *ничего!*»².

В марте иностранные революционеры-эмигранты принялись создавать свои «легионы», но военное министерство запретило пропускать за пределы Франции какие бы то ни было вооруженные группы. 18 марта в Париже был составлен «немецкий легион» в 2000 человек под командой немецкого поэта Гервега. Тремя отрядами без оружия они отправились к границе с черно-желто-красными знаменами. Бельгийские республиканцы образовали «бельгийский легион». Иностранные легионы пользовались покровительством министра внутренних дел Ледрю-Роллена, который даже предложил бельгийцам бесплатный проезд на родину по железной дороге. Бельгийцы разделились на две колонны. Одна из них была привезена в Дуэ, после чего ее участники были без сопротивления задержаны бельгийскими властями. Другая колонна с ружьями перешла границу и вступила в стычку с правительственными бельгийскими войсками, причем было убито 7, ранено 26 и 60 человек взято в плен. Остальные снова вернулись на французскую территорию.

Савойские республиканцы требовали присоединения Савойи к Франции. После уклончивых ответов Ламартина вооруженный отряд савойских рабочих и лионских республиканцев перешел границу, занял Шамбери и провозгласил там республику, но на другой день отряд был разогнан окрестными крестьянами под предводительством священников. Это событие вызвало тревогу пьемонтского правительства.

Опасаясь возмущения в Лионе по поводу жестоких наказаний, которые ожидали вторгнувшихся из Франции в Савойю эмигрантов, Ламартин обратился к пьемонтскому правительству с призывами к милосердию³, но с такими неопределенными и слабыми, что они не могли иметь серьезного значения.

Ламартин желал, чтобы многочисленные и беспокойные революционеры-иностранцы поскорее оставили Францию. Он не мешал организации иностранных легионов, но старался успокоить

последние правительства и избежать с ними конфликта. Военное министерство запретило пропускать за границу какие бы то ни было группы людей с оружием в руках. 2 апреля в «Moniteur» Ламартин опубликовал ноту, которая заявляла, что Временное правительство отказало иностранным эмигрантам в помощи оружием и деньгами. Бесплатная доставка по железной дороге бельгийского легиона к границе на деле свелась к фактической выдаче его бельгийским властям. Маркс и Энгельс с негодованием отмечали, что Ламартин «сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его»¹. Поступая как «сладкоречивый предатель»², Ламартин отрекся от бельгийских демократов и заверил бельгийское правительство в намерении Франции строго соблюдать трактаты о нейтралитете и неприкосновенности Бельгии³.

«Иностранные легионы» мало помогали революционному движению в Савойе, Рейнской Германии и Бельгии. Скорее, напротив, они давали возможность немецким реакционным правительствам компрометировать революционное движение, объявляя его делом рук французских агентов. Маркс и Энгельс, находившиеся тогда в Париже, не одобряли деятельности «иностраных легионов». Энгельс писал:

«В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы освободить свои отечества. Германский легион находился под предводительством Гервега, Горнштедта, Бернштейна. Так как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться нападкам в общественных местах, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство видело в легионах средство избавиться от иностранных рабочих и потому предоставляло им l'étape du soldat, т. е. походные квартиры и походные пайки в размере 50 сантимов в день вплоть до границы, где устно тронутого до слез министра иностранных дел красноречивый Ламартин был уже возможность выдать их соответствующим правительствам»⁴.

Дипломатия и военные приготовления Временного правительства вполне соответствовали его главной цели: не вызывать никакой тревоги у реакционных правительств, но сопротивляться дальнейшим требованиям рабочего класса. Побочной задачей дипломатии Временного правительства был обман общественного мнения — либеральных и радикальных газет и парижских клубов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Смертные приговоры в Антверпене. Соч., VI, М.—Л., 1930, стр. 354.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. 23—24 июня в Париже. Соч., т. VI, I.—Л., 1930, стр. 212.

³ Guichet, op. cit., t. I, 55—57.

⁴ Ф. Энгельс. К истории «Союза коммунистов» К. Маркса. Избранные произведения, т. II, 1943, стр. 13.

¹ Lamartine, op. cit.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Англо-французское посредничество в Италии. Соч., т. VI, М.—Л., 1930, стр. 479—480.

³ Guichet, op. cit., t. I, p. 87.

Временное правительство позаботилось о том, чтобы назначить на самые ответственные дипломатические посты новых лиц. За местителем Ламартина по министерству иностранных дел был назначен директор газеты «National», буржуазный республиканец Бастид, человек хладнокровный и решительный¹, крупный лесоторговец, известный своими католическими симпатиями. Все прежние послы Франции за границей были отозваны и заменены неофициальными агентами Республики, но чиновники министерства были в основном оставлены на своих местах. 15 марта в докладе о званиях дипломатических агентов Ламартин заявил, что республика не нуждается в престиже рангов и роскоши для своих агентов «их роскошь, — сказал он, — заключается в их простоте, их ранг — в их звании, их достоинство — в уважении, которое они внушают и которое они выражают правительствам и народам, к которым они посланы»². Ламартин предложил провести единообразное упрощение званий дипломатических агентов и ограничение их жалованья и установить звания чрезвычайного посланца (envoyé) полномочного посланника, поверенного в делах и секретаря миссии, упразднив, таким образом, ранг посла³.

Впрочем, для успокоения реакционных правительств, Ламартин тщательно соблюдал общепринятые формы дипломатической переписки и назначал дипломатических агентов самого умеренного или консервативного образа мыслей. В Берлин он послал профессионального дипломата — легитимиста Сиркура, в Вену — тоже профессионального дипломата Лякура, в Лондон — генерала Опику (Aurick), в Рим — герцога д'Аркура (d'Harcourt)⁴. Как вели себя эти дипломаты при иностранных дворах, показывает пример Сиркура, который во время восстания 16 и 19 марта в Берлине совершенно отказался от всяких сношений с прусскими либералами и революционерами и даже не вывесил на балконе французской миссии трехцветный флаг республики. По этому случаю король выразил ему «признательность столь живую и полную энтузиазма, что я, — пишет Сиркур, — испытывал неловкость». 19 марта Сиркур заверил прусское правительство, что Франция желает установления парламентского либерального режима в Пруссии, но что сохранение в ней монархического строя есть «залог мира», «порядка» и защиты «высших интересов» Германии и Европы⁵.

После февральской революции положение Франции в Европе резко переменялось. Если Гизо и Луи-Филипп сближались с ав-

стрийской реакцией и вызвали своей политикой острую вражду со стороны Англии, то Ламартин немедленно после революции постарался успокоить британское правительство и отдалиться от Австрии. В противоположность Гизо, Ламартин выставил Францию защитницей целостности, нейтралитета и независимости Швейцарии. Он старался сблизиться не с Австрией, а с Пруссией и крайне переоценивал значение либеральных уступок прусского правительства в марте 1848 года. Мечтой Ламартина был союз с Англией, с малыми государствами и с «либеральной» Пруссией. Ламартин, как и многие либералы 1848 года, питал иллюзию, что родство принципов и либеральных буржуазных учреждений сможет само по себе обеспечить солидарность Англии, Франции и Пруссии во внешней политике, несмотря на противоречивость интересов буржуазии этих стран. В «либеральной» Пруссии Ламартин явно видел оплот против революционно-демократического движения в Германии.

По словам Ламартина, Временное правительство старалось «с достоинством внимать Англии, заискивать у Пруссии, наблюдать за Россией, успокаивать Польшу, ласкать Германию, избегать Австрию, улыбаться Италии, не возбуждая ее, ободрять Турцию, предоставить Испании самой себе... действовать с республиканской твердостью, в духе дипломатии, без честолюбия, но и без слабости»¹. В действительности внешняя политика Временного правительства была бездейственной. Даже в Италии, откуда Ламартину хотелось изгнать австрийское влияние, правительство не отваживалось на активные действия, хотя во Франции велись значительные военные приготовления.

Временное правительство создало Комитет национальной обороны под председательством Араго. Решено было привести в состояние готовности четыре армии у Рейна, у Пиренеев, у Альп и на Севере. Смотря по обстоятельствам, эти армии могли бы отражать нападение извне или же оказывать своим присутствием воздействие на политику соседних правительств. Часть обученных солдат была отозвана из Алжира во Францию. По свидетельству Ламартина, создание армии у подножия Альп было нужно Временному правительству, чтобы держать в страхе лионских рабочих и не допустить восстания в Лионе². Та же армия могла ободрять итальянское движение против австрийцев в Пьемонте, Ломбардии и Венеции.

«Якобинцы 1848 года» и «социальные республиканцы», а также савойские эмигранты требовали от Временного правительства вооруженной помощи итальянскому движению. Ламартин желал усиления Сардинского королевства и ослабления австрийского влияния в Италии, но боялся войны, не говоря уже о том, что со стороны правительства и правящих классов Пьемонта и в Ломбар-

¹ Lamartine, Histoire de la Révolution 1848 P. 1849, t. I, p. 7—8.
² Lamartine A Souvenirs d'une Mission à Berlin, t. I, P. 1908, p. 96—97.

³ Там же.

⁴ Sircourt, A. Souvenirs d'une mission à Berlin, t. I, p. 68, 70—80, 88, 185, 195—196.

⁵ Knight, J. Lamartine, ministre des affaires étrangères. Revue d'histoire diplomatique. P. 1908, № 2, p. 280—284.

¹ Lamartine A Histoire de la Révolution de 1848 t. II p. 1849, p. 30

² Там же, стр. 45.

дии мысль о возможности французского вмешательства была встречена крайне недружелюбно. Карл-Альберт питал крайнее недоверие к Французской республике. Савойская экспедиция и попытка провозглашения республики в Шамберии наводила на мысль о том, что Франция может потребовать за свою помощь против Австрии территориальных вознаграждений — Ниццы и Савойи. Большую тревогу вызывала в Пьемонте собранная у Альп французская армия.

Французская республика была единственным государством, с которым Карл-Альберт не имел официальных, а только фактические отношения. Начиная войну с Австрией, Туринский двор даже не послал об этом в Париж официального уведомления. Ламартин держался уклончиво и впоследствии хвастал, что для пьемонтского посланника маркиза Бриньоля он сделал «невозможным почитать — одобряет или не одобряет французское правительство это объявление войны»¹. В апреле Ламартин получил от своего агента в Пьемонте Биксио сведения о том, что вмешательство Франции может быть желательно только в том случае, если итальянцы сами не смогут изгнать австрийцев за Альпы. Если Франция вмешается преждевременно, то по всей Италии раздастся клич. «Франция, в которой мы не нуждаемся, явилась единственно для того, чтобы дать удовлетворение военному духу, который выходит за ее пределы. Она хочет делать не наше дело, а свое. Она заявила в своей программе, что она не хочет завоеваний, но она солгала; она желает австрийского наследства»². Биксио писал, что такое вмешательство вызвало бы лишь ненависть всей Италии. О том же сообщал Ламартину и сардинский посланник.

При Временном правительстве Франция была изолирована и не имела союзников. Но политика Ламартина содействовала сохранению мира, и в этом была реальная выгода, которую она принесла французской буржуазии, желавшей иметь руки свободными для перехода на рабочий класс. Вместо воинственных и энергичной борьбы против трактатов 1815 года и против Англии, которую проповедывали буржуазные республиканцы до Февральской революции, Временное правительство фактически признало трактаты 1815 года и заискивало перед Пальмерстоном, стараясь вернуться к «сердечному согласию» с Англией.

Европейские правительства и Февральская революция

Объявление Второй республики во Франции совершилось при обстоятельствах, совершенно не похожих на 1792 год. В феврале 1848 года не было ни контрреволюционной коалиции, ни войны с Францией. Во время падения Гизо Франция находилась в нормальных дипломатических отношениях со всеми правительствами, а союз царя, прусского короля и австрийского императора, испы-

тывал тяжелый кризис. После Февральской революции иностранные дипломаты не покинули Парижа, и ни одно правительство не рискнуло, не сговорившись с остальными, разорвать дипломатические отношения с Французской республикой.

Несходство было и в другом: если в 1789 году французские события послужили сигналом для революции только в австрийских Нидерландах, то в 1848 году революционное потрясение захватило почти всю Западную Европу. Почти все правительства были встревожены внутренними волнениями в своих странах. Революционные события в Италии, мартовские революции в германских государствах и в Австрийской империи отвлекли внимание от Французской республики в первые недели ее существования и сделали общее выступление против нее совершенно невозможным.

Передавая впечатление, которое революции произвели на правительство, Герцен писал: «Я был в Италии в это время и видел своими глазами действия магических слов *République française*. Пий IX перепугался до смерти и начал снова делать уступку за уступкой; иезуиты были придавлены, кардиналы присмирели. Король неаполитанский укладывал драгоценные вещи и держал наготове пароход. Карл-Альберт, чтобы спасти свою корону, становился во главе итальянской войны. Савойя предлагала республике присоединиться. Правительства были деморализованы, сбиты с толку, народы — за Францию, испуг был так велик, что прусский король и австрийский император согласились на демократические конституции и обещали восстановить Польшу. Чтобы разом выразить слабость консервативной стороны и старой политики 1815 года, стоит вспомнить, что маленький угол Монако и Невшателльский кантон сделали свои революции, и никто не думал им серьезно помешать»¹. Многие в словах Герцена было сильно преувеличено под влиянием тех настроений, которые переживали во время февральских и мартовских событий революционные деятели, но Герцен верно отметил то, что европейские правительства были слишком заняты событиями у себя дома, чтобы иметь возможность соединиться против республики во Франции. Исключали эти возможности и коренные противоречия интересов европейских государств. Царский посол в Лондоне Бруннов безуспешно убеждал Пальмерстона не признавать нового порядка вещей во Франции, но Пальмерстон отказался дать подобное обязательство.

За пять дней до 24 февраля Пальмерстон высказывал мнение, что революция в Париже невозможна, но неожиданность событий не повлияла на его политику по отношению к Франции. Его желание сохранить мир и дипломатические отношения с Францией вовсе не были вызваны «либеральными» симпатиями к февральским событиям. Вряд ли Пальмерстон ненавидел что-либо

¹ Knight Op. cit., p. 277

² Lamartine A. Trois mois au pouvoir P. 1848, p. 234—236.

¹ Герцен А. И. Ук. соч., стр. 171—172.

сильнее, чем революционные движения. Свое отношение к французскому Временному правительству он откровенно высказал, написав, что все его существо возмущается при мысли о «нации в 33 миллиона, деспотически управляемой восемью или девятью людьми, которые являются полностью зависимыми от 40 или 50 000 простых людей из предместий Парижа»¹. Эти полные ненависти слова станут понятны, если учесть страх английской буржуазии перед нарастанием нового подъема чартистского движения, оживившегося под влиянием Февральской революции.

Но Пальмерстон не руководствовался в своих действиях чувствами презрения или злобы, а следовал выгодам британской буржуазии. Он был рад тому, что Февральская революция надолго займет силы Франции внутренними делами и вынудит ее предоставить самой себе Испанию и остановить колониальные завоевания Бруннов настойчиво доказывал Пальмерстону, что рано или поздно последствием Февральской революции будет возвращение Франции к завоевательной политике. То же мнение высказывал и герцог Веллингтон². Но Пальмерстон вскоре успел разглядеть, что в ближайшем будущем нечего серьезно опасаться Французской республики. Циркуляр Ламартина успокоил его; в течение месяца он убедился, что Временное правительство ведет гораздо более удобную для Англии политику, чем Гизо и Луи-Филипп. В довершение всего, Пальмерстону нужно было сохранять мир с Францией перед опасностью новой войны чартизма и повстанческого движения в Ирландии.

Но в отличие от 1830 года, когда Англия немедленно после Июльской революции признала монархию Луи-Филиппа, Пальмерстон не спешил с признанием Второй республики и поддерживал с ней лишь фактические отношения. В Европе первыми признали республику Швейцария, Бельгия, Испания, но Пальмерстон хотел выждать время, чтобы выяснить, насколько устойчивым окажется новое правление во Франции и не начнет ли оно вооруженного вмешательства в дела соседних государств. Когда во Франции был создан «бельгийский легион», Пальмерстон снова встретился и вступил в обмен мнений с голландским правительством об опасности французского революционного вмешательства в бельгийские дела. На этой почве произошло сближение Великобритании, Бельгии и Голландии. Правительство Голландии призвало под ружье 3 тысячи человек. Баварский двор не менее был обеспокоен слухами о предстоящем будто бы вторжении французов в Бельгию. Пальмерстон оказался весьма доволен, когда эта ложная тревога рассеялась и выяснилось подлинное лицо политики Ламартина в отношении «бельгийского легиона»³. После этого единственным темным пятном во внешней по-

литике Французской республики Пальмерстон считал ее двусмысленное поведение в итальянских делах и сосредоточение у подножия Альп французской армии.

Пальмерстон опасался того, что если Франция окажет помощь Пьемонту против Австрии, то на севере Италии восторжествует французское влияние. Прусский посланник в Лондоне Бунзен доносил в Берлин, что лучшим средством помешать Франции Пальмерстон считал общее соглашение европейских правительств о мерах, которые надо будет принять, если она «нападет» на соседние государства. Соглашения этого Пальмерстон надеялся достичь на основе принципа невмешательства всех государств в дела Италии и Швейцарии. В этом вопросе он вполне сходиллся с Пилем и Эбердином. Пальмерстон преувеличивал желание Временного правительства вмешаться в итальянские дела и находился в беспokoйстве. Он старался сдерживать Францию изъявлениями дружбы, угрозами и застрашивал ее силою Австрии. На деле Пальмерстон готов был содействовать созданию сильного буферного государства на севере Италии под английским влиянием, даже если бы Австрия уступила Ломбардию. Но Пальмерстон не допускал никаких компенсаций Франции за счет Пьемонта¹. Королева Виктория была недовольна готовностью Пальмерстона изменить территориальные границы севера Италии, но она без всякого основания подозревала Пальмерстона в сговоре с «подлыми» французскими республиканцами и даже в готовности использовать силу французской армии для того, чтобы лишить Австрию ее владений в Италии. На деле Пальмерстон был весьма далек от подобных намерений. Его более всего радовала трусливость и бездеятельность внешней политики Временного правительства и страх пьемонтских либералов перед возможностью появления в Италии ненавистных французских республиканцев.

Пользуясь пассивностью политики Временного правительства, Пальмерстон намеревался всюду вытеснить французское влияние заменить его английским. Первым делом он решил подчинить эту политику Испании указке из Лондона. 7 апреля 1848 года британский посланник в Мадриде Бульвер предъявил испанским министрам письмо, в котором Пальмерстон поучал испанское правительство, советуя ему извлечь уроки из французских событий, и, во избежание судьбы Луи-Филиппа и Гизо, провести реформы, которые одни лишь смогут предупредить революцию в Испании. Пальмерстон писал Бульверу, что «испанская королева поступила бы мудро, если бы она усилила свое исполнительное правительство посредством расширения основы, на которой покоится управление, и посредством привлечения в свое правительство нескольких из тех лиц, которым доверяет либеральная партия»². Английскому правительству приписывали поддержку революционеров в Испании, но

¹ Из письма Кларендону Bell Op cit p 424.
² Мартенс, т XII СПб, 1898, стр 248—249
³ Guichen, t I, p 55—57

¹ Guichen, t I, p 90, Bell, op cit, 425—429
² Bell, p 439—440, Becker, z Historia de las relaciones exteriores de Espana durante el siglo XIX t II, p. 134

на деле Пальмерстон хотел не революционного переворота, а подчинения Испании английскому влиянию при помощи либералов, чтобы предупредить возможность революции.

Но политика Пальмерстона потерпела полную неудачу. На этот раз коса нашла на камень. Генерал Нарваз, который стоял во главе консервативного правительства, желал избавиться как от французского, так и от английского вмешательства. Он не сочувствовал либеральным реформам и не верил в опасность революции даже в том случае, если реформы не будут проведены. С точки зрения международного права, либеральные советы Бульвера были беспримерной по наглости попыткой нового вмешательства во внутренние дела Испании с целью превращения ее при содействии либералов или «прогрессистов» в простой придаток Англии. Нарваз использовал «дерзкие притязания» Англии, чтобы дискредитировать в Испании и «прогрессистов» и английскую политику 10 апреля письмо Пальмерстона было возвращено Бульверу с категорическим ответом, что любой документ подобного рода будет снова передан обратно без всяких комментариев. Испанская нота содержала язвительные указания на репрессии в Ирландии, которые осуществляло то самое английское правительство, которое вмешивалось в дела Испании под предлогом защиты либеральных принципов. Бульвер продолжал свои настояния, но вскоре ему был вручен приказ в 48 часов покинуть страну, под предлогом того, что он был замешан в заговорах и поддержке революционеров¹. Возбешенный Пальмерстон приказал выдать паспорт испанскому посланнику в Лондоне, и дипломатические отношения обеих стран временно были прерваны. Смелость и решительность Нарваза увеличили его популярность, и объективным результатом бесцеремонности политики Пальмерстона в Испании было усиление там влияния «умеренных», т. е. реакционной партии. Однако Пальмерстон не был смущен своей неудачей в Испании. В особенности бесцеремонной стала его внешняя политика после того, как в Лондоне были мобилизованы все вооруженные силы для сопротивления чартистскому движению. 10 апреля была подавлена попытка устройства грандиозной рабочей демонстрации. Первый удар революции был нанесен в Англии «В Лондоне 10 апреля была сломлена не только революционная мощь чартистов, но и революционизирующее влияние февральской победы»².

В XIX веке Англия не раз служила убежищем для революционной эмиграции из других стран. Но во время февральской и мартовской революций произошло нечто совсем иное: революционеры-эмигранты покидали Англию, чтобы принять участие в борьбе за освобождение своих отечеств, а в Англию под покровительство британской аристократии и буржуазии устремились падшие знаменитости реакционной Европы. В начале марта Луи-Филипп,

переодетый в грубый горохового цвета пиджак, в огромных очках и с выросшей за неделю бородой высадился в Нью-Хэвене, сопровождая плотно закутанную в плащ и вуаль супругу. Из Парижа в Англию прибыл Гизо и его подруга — княгиня Ливен, известная своими реакционными взглядами и связями в лондонском высшем свете. Гизо поселился в Бромптоне, а Луи-Филипп — в Кларемонте, который служил английской резиденцией бельгийского короля Леопольда. В Англии нашли себе убежище «г-н и г-жа Мейер», еще недавно известные под более громким именем князя и княгини Меттерних. Туда же вскоре прибыл прусский наследник принц Вильгельм, или «принц-картечь», который покинул Пруссии в знак протеста против скромных либеральных уступок, вырванных мартовской революцией у короля Фридриха-Вильгельма IV, и вследствие своей крайней непопулярности среди либералов и революционеров.

Пальмерстон не скупился на изъявления своего радушия. Он так пожимал руки Гизо, что один из присутствующих английских чиновников, Чарльз Гревиль, сказал: «Я думал, что Пальмерстон и Гизо оторвут друг другу руки»³. С Меттернихом, который еще недавно именовал его «красным республиканцем», Пальмерстон был сдержаннее.

Поселившись в Англии, бывшие правители реакционной Европы завязали сношения с Эбердином, с королевой Викторией и ее супругом — принцем Альбертом и с дядей королевы — бельгийским королем Леопольдом. Вместе с английскими тори они принялись за реакционные интриги, стараясь отвлечь Пальмерстона даже от поддержки умеренных либеральных движений.

В отличие от Пальмерстона Николай I явно потерял равновесие, узнав о Февральской революции. Лишь спустя несколько дней он пришел в себя и стал соразмерять свои действия с наличными силами.

Известие о Февральской революции прибыло в Петербург с задержанием, 5 марта (22 февраля старого стиля), и вызвало у Николая I прилив ярости.

Николай I страстно желал двинуть на Францию свою армию раздавить революцию. Он желал этого до такой степени, что забывал даже о пустоте своего казначейства и полнейшей финансовой немощи своей отсталой самодержавно-крепостнической империи. Приступы гнева и упорства овладевали им настолько, что наиболее благоразумным и опытным из придворных приходилось его удерживать. Чудовищная авантюра крестового похода против Франции уже рисовалась его воображению².

Николай I называл республику «хаосом» и «вертепом извергов»³. Он решил по крайней мере порвать с нею дипломатические сно-

¹ Becker J. Historia de las relaciones exteriores de Espana durante el Sig'lo XIX, t. II. Madrid. 1924, p. 134, 138.

² К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. VII, М.—Л. 1930, стр. 90—91

¹ Bell, op. cit., p. 422—424.

² См Шильдер Н. К. Император Николай I, т II, стр 621—624 СПб. 1903

³ С. З Николай I и европейские революции «Русск. ст.» 1904, май, стр. 267.

шения и отозвать из Парижа своего посланника графа Киселева. Но разрыв не должен был означать намерения воевать с Францией, пока она сама не нарушит трактаты 1815 года. Нессельроде 15 (3) марта писал Киселеву. «Когда вы покинете Париж, все, не исключая самого Ламартина, вас спросят: чего хочет и сделает Россия? Вы ответите: она желает мира и сохранения территориального строя в Европе в том виде, как он установлен был трактатами Венским и Парижским. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции, она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут ее раздражать; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает себе дать. Она соблюдает в этом отношении самый строгий нейтралитет. Но с той самой минуты, когда Франция выступит за свои пределы, когда она пойдет на одного из союзников государя, когда она будет поддерживать революционное движение за пределами своих границ и народы, восставшие против своих законных суверенов, государь придет на помощь атакованной державе, и в особенности своим наиболее близким союзникам — Австрии и Пруссии, со всеми своими силами. Такова речь, которую вам надлежит держать»¹. В депеше Бруннову, отправленной в Лондон 12 марта, Нессельроде излагал образ действий, которого царь решил придерживаться сам и советовал то же другим правительствам. «Что касается императора, — писал Нессельроде, — его намерение заключается в том, чтобы предоставить французам неизбежным последствиям нового политического эксперимента, который они хотят произвести, и присутствовать в качестве зрителя при этой разрушительной работе (à se travail désorganiser), поскольку она не выйдет за круг намеченных для Франции границ». На случай, если революция переберется за пределы Франции, царь высказывал мнение, «что европейские державы должны принять свои предосторожности, сделать оборонительные приготовления, собрать на своих границах внушительные военные средства и, до того, как они будут атаковать, держаться в наблюдательной, не наступательной, но оборонительной позиции»². Обстоятельства вынудили царя в 1848 году занять в отношении Франции более сдержанную позицию, чем во время июльских событий 1830 года. Французы в России были уведомлены, что если они желают продолжать там свое пребывание, то будут пользоваться всей защитой закона, невзирая на революцию во Франции³. Французским кораблям не был запрещен доступ в Россию. Мартовские революции в германских государствах и в Австрии привели к тому, что даже намерение царя порвать с Французской республикой дипломатические отношения осталось неисполненным.

В короткий период между Февральской революцией в Париже и восстаниями 13 и 18 марта в Вене и Берлине австрийское и прусское правительства были всецело поглощены борьбой с надвигающейся волною революции, и царь мог рассчитывать на их поддержку.

В то время как вспыхнула революция во Франции, австрийское правительство было всецело поглощено подавлением революционного движения в Италии. 7 марта Меттерних сообщил в Петербург, что Австрия не вмешается во внутренние дела Франции и намерена только заставить ее соблюдать договоры 1815 года¹. Основу своей политики Меттерних видел в тесном единении с Россией, но надвигавшаяся революция заставила его попробовать оживить пошатнувшийся союз с Пруссией. 20 февраля он запросил прусского министра иностранных дел Каница о том, что не может ли король снова послать в Вену Радовица для обсуждения создавшегося положения². Этот призыв не остался без ответа. Прусский король готов был оказать Австрии дипломатическую поддержку в итальянских делах за согласие Австрии на расширение Таможенного союза и на такую реформу Германского союза, которая увеличила бы в нем престиж и влияние Пруссии. 4 марта Радович прибыл в Вену, а 10 марта подписал с Меттернихом соглашение о предстоящей реформе Союза и о созыве на 25 марта конгресса германских государей в Дрездене для ее проведения. Созывом конгресса прусский король и Меттерних надеялись предотвратить переход вопроса о будущем устройстве Германии из рук государей в руки общегерманского парламента³. В то же время на границе с Францией Пруссия и малые немецкие государства принимали меры военной предосторожности.

Проект Конгресса встретил сочувствие у государей Южной и Западной Германии, которые испытывали отчаянный страх перед республиканским движением в своих владениях и перед воображаемой «угрозой» французского «нашествия». Во время мартовских революций на юге Германии конституционные государи Гессена, Бадена и Вюртемберга видели главную защиту и опору монархического строя в Пруссии и желали вступить с нею в более тесное сближение, чтобы не допустить решения судеб Германии общегерманским парламентом, предстоящий созыв которого обсуждался на совещании общественных деятелей в Гейдельберге.

Герцог Нассауский послал южногерманским дворам и в Берлин своего легационсрата Макса Гагерна с общей просьбой к прусскому королю о защите от республиканцев и французов и о том, чтобы Пруссия стала во главе движения за создание федеративной Германии. По выражению прусского посланника при

¹ Мартенс, т XV СПб 1909, стр 228—229

² Guichen, t I, p 58—60

³ Там же, p 61

¹ Metternich t VII P 1883, p 598—599.

² Там же, p 497, 535

³ Meinecke F Radowitz und die deutsche Revolution B 1913, S 64, Rachfahl F Österreich und Preussen in Marz 1848 (Hist Vierteljahrsschrift), Leipzig 1903—1904 Bd VI, S 357—377

Франкфуртском Сейме, цель этой миссии заключалась в том, чтобы «передать большие вопросы дня . из рук радикального собрания в Гейдельберге — немецким правительствам»¹ Гагерн не был сторонником абсолютизма но сам с полной откровенностью объяснял цель своей поездки желанием склонить прусского короля к решению стать во главе Германии, сделать конституционные уступки и превратить Пруссию в оплот конституционно-монархического консервативного строя против республиканцев и рабочих. Все взоры германских государей обратились к Пруссии, в особенности после венской революции 13 марта. 15 марта Гагерн беседовал с прусским посланником во Франкфурте. «Не отрицая большой опасности дальнейшего подъема республиканских элементов, которые уже начали давать себя знать, как и насилия пролетариев», Гагерн выразил надежду «видеть упроченным дело конституционных монархий в Южной Германии, если только Пруссия примкнет к этой системе, и как можно скорее если нет, то либо образуется южногерманской Зондербунд и вместе с ним будет взорван Германский союз, либо силой прорвутся республиканские тенденции»².

Ожидая от Пруссии защиты от революционных движений и защиты от Франции, правительства Бадена, Вюртемберга, Гессена и северогерманских государей изъявили согласие на участие в конгрессе и на прусский проект реформы Германского союза. Только Бавария упорно противилась этому плану, отстаивая свой партикуляризм.

После событий 13 марта в Вене прусский король решил созвать конгресс немецких государей в Потсдаме и использовать его для утверждения прусской гегемонии в Германии. Но маневры реакционеров и консерваторов были расстроены напором революционных событий. Революция 18 — 19 марта в Берлине опрокинула все надежды Гагерн прибыл в Берлин и был принят прусским королем уже после баррикадных боев. Король решил пообещать конституцию и объявить о своем намерении возглавить консервативно-конституционное движение за федеративную Германию, но престиж его среди малых германских государей пошатнулся. Теперь они изумлялись тому, как монарх, «почти низложенный у себя дома», может предъявлять подобные претензии³. Перед напором революционной волны невозможно было передать в руки государей вопрос о судьбах Германии и помешать созыву общенемецкого парламента. Идею конгресса пришлось отбросить, и она осталась в 1848 году неосуществленной.

Напряженное положение в германских государствах беспокоило Николая I и отразилось на отношениях между Россией, Австрией и Пруссией. Но до 13 — 18 марта Австрия и Пруссия оставались в

его глазах возможными союзниками, а главным очагом опасности он считал Францию. Но надежды царя на крестовый поход государей против Франции не оправдались.

Сознавая недостаточность своих средств, Николай I, по словам Нессельроде, оказался в состоянии «вынужденного бездействия»¹ в отношении Франции. Он боялся двинуть свои войска и в Италию, вдале от границ своей крепостнической империи. «Если вспыхнет война между Австрией и Пьемонтом, — писал он еще в феврале 1848 года, — нам нечего там делать, по крайней мере до тех пор, пока революционная Франция не нападет на Австрию, что представляется маловероятным и что привело бы к всеобщей войне. Послать же свои войска в столь отдаленную страну, на это я никогда не пойду»².

Но если Италия и Франция были для царя «отдаленными странами», то совершенно иначе обстояло дело с соседними Австрией и Пруссией. Все усилия дипломатии Николая I были направлены на то, чтобы предупредить революции в германских государствах и создать мощный вооруженный заслон против надвигавшейся из Франции угрозы всеобщего переворота. Царь немедленно после получения известия о февральской революции повелел начать обширные военные приготовления и принялся укреплять свои связи с Берлином и Веной. Меттерних возлагал большие надежды на помощь царя и еще 20 января обратился к Нессельроде с просьбой о займе австрийскому правительству в звонкой монете для борьбы с революционным движением в Италии³.

В случае необходимости для Австрии сосредоточить свои войска против Пьемонта, Николай еще в феврале решил предложить австрийскому правительству выставить у границ Галиции русский корпус, чтобы он мог по первому требованию Венского кабинета ступить в эту провинцию и задушить в ней всякую новую попытку польского восстания⁴. Депешой от 9 марта (26 февраля) эти предложения были сообщены русскому посланнику в Вене Меттерму, но революция 12 марта в Вене разрушила все надежды Николая I на союз с Австрией. 22 марта Нессельроде уведомил австрийское правительство, что события в Вене исключают возможность предоставления ему русского займа⁵.

Николай прилагал все усилия, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма IV сосредоточить войска против Франции и оказать твердое сопротивление либеральным требованиям.

7 марта Нессельроде писал Мейендорфу, что «линия поведения должна быть вначале чисто оборонительной и ограничиваться

¹ Nesselrode Ch. Compte-rendu pour l'année 1848. Арх. МИД. К. 1848. л. 5, 234—238.

² Записка Николая I о положении дел в Европе. Красный Архив, 1938, № 4—5 (89—90), стр. 163.

³ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90).

⁴ Записка Нессельроде от 3/15 февраля 1848 г. Арх. МИД, 1848 г. № 56. 52—53.

⁵ Кр. Арх. 1938. № 4—5 (89—90), стр. 171—172, 177.

¹ Rachfahl F. Op. cit. (Hist. Vierteljahrchrift» Leipzig, 1903—1904. Bd VI, S. 385.

² Rachfahl F. Op. cit., Bd VI, s. 514.

³ Ciscourt, I, p. 319.

концентрацией мощных военных сил на границах Франции»¹. Царь настаивал, чтобы король не признавал республику во Франции под страхом потерять всякую надежду на помощь России в случае нападения французов². Через три месяца Николай обещал выставить на подмогу Пруссии 350 000 солдат. В письме королю от 7 марта он писал, что французы либо перейдут Рейн, либо будут вооружаться, выжидая пока революция охватит Германию. «Повторяю, я предпочел бы, — добавлял царь, — первый случай, так как надеюсь, что он пробудил бы национальное чувство и соединил бы, наконец, Германию для общей обороны, предоставив вам всем³ возможность усмирить зловерный дух юга и, быть может, задумшить его. При втором случае опасность представляется огромной... Надо действовать...»⁴. Но и в Пруссии надежды Николая не сбылись. Восстание в Берлине 18 — 19 марта и конституционные уступки короля превратили Пруссию, в глазах царя, из возможного союзника в вероятного врага.

Вторая французская республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

После революции в Вене и Берлине царь оказался в полной изоляции. Он не понимал половинчатости и ограниченности либеральных уступок, сделанных Фридрихом-Вильгельмом IV, и усматривал в событиях 18 — 19 марта полное крушение ее прежних устоев. Методы лавирования и компромиссов, которые применяли в борьбе с революцией прусский король или Пальмерстон, были для Николая I совершенно неприемлемы. Напрасно король пытался разъяснить, что он попросту хочет «вырвать из рук наших демагогов опасное и фатальное оружие немецкой национальности»⁵, то есть использовать для борьбы с революцией идею национального государства. Царь видел в поведении Фридриха-Вильгельма IV только трусость и отзывался о нем в таких нелестных выражениях, как «скотина» (*bête*), «трус» (*lâche*), «Пфластер-король» (*Pflaster-König*), или «король улицы», за то, что он пошел на уступки⁶. Николай сожалел, что революция ослабила устои старой абсолютистской Пруссии⁷, и страшился создания единой Германии. Революция подступала к границам России и грозила переброситься в Познань, Галицию и Царство Польское.

¹ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 169—170.

² Guichen, t I, p. 79, 95

³ Т. е. всем немецким монархам

⁴ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 169—170

⁵ Мартенс, т VIII, СПб, 1888, стр. 372.

⁶ Guichen, t I, стр. 79, 95

⁷ Записки Николая I о прусских делах. «Русск. ст.» 1870, т. I, стр. 553—563

Нессельроде и царь более всего страшились революционно-демократического движения в Германии, угрожавшего самодержавно-репостническому строю, но боялись и объединения Германии «сверху» вокруг Пруссии. Хранящиеся в архивах годовые отчеты Нессельроде¹ говорят о том, что царю и Нессельроде большой страх нушала пропаганда в немецких газетах и в парламенте в пользу объединения Германии в сильную федеративную и враждебную аризмму державу, охваченную стремлением к территориальному аширению и способную подорвать царский самодержавно-крепостнический режим в западных губерниях России.

В своем отчете за 1848 год Нессельроде излагает опасения, которые внушала царскому правительству революция в Германии агрессивные замыслы германской буржуазии. Нессельроде и царь были обеспокоены тем, что в противоречии с договорами Восточная Пруссия включена в территорию Германского союза и Шлезвиг находился под угрозой. В Германии, писал Нессельроде, доходят даже до разговоров о включении Курляндии и Лифляндии в немецкое единство, эти притязания сопровождаются воинственными призывами против России: «Правительствам вменяют в преступление дружбу и союз с нами». Царь и Нессельроде были не на лутку встревожены лицемерными писаниями и речами немецких либералов и радикалов о Польше и тем, что польские эмигранты пользуются моментом, стекаются из Парижа в Берлин и в Познань, чтобы «бросить искры восстания в самой Познани, в русской Гольште и в Галиции». Для царя и крепостников-помещиков стоял вопрос уже не о защите союзных с ним правительств Австрии и Пруссии — эти правительства пошатнулись, а о возможности распространения революции на западные окраины Российской империи. Правители реакционной самодержавно-крепостнической России остро сознавали угрозу своему престижу и своей империи со стороны мартовских революций в Вене и Берлине.

Свирепая ненависть царя к революции, его слепое упорство надменная гордыня получили свое выражение в манифесте, опубликованном 26(14) марта, после революций в Вене и Берлине. Манифест был составлен самим царем и статс-секретарем бароном Корфом и гласил, что «безначалие», возникнув во Франции, распространилось затем по Германии и приближается к пределам России. Корф написал манифест напыщенным и крикливым словом, который весьма понравился царю. Манифест объявлял, что царь готов «встретить врагов», где бы они ни «представляли» и будет защищать «неприкосновенность пределов наших» Манифест оканчивался словами: «С нами бог! да разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами бог!».

Опубликование этого манифеста было актом угрозы, а его вызывающий язык произвел за границей самое невыгодное впечатление.

¹ Nesselrode, Compte-rendu pour l'année 1848 МИД, К 1848, л. 4—8, 19—222

чтление и вызвал новый прилив всеобщего негодования и ненависти прогрессивных общественных течений в Западной Европе к царской России. Он был истолкован как выражение готовности Николая начать контрреволюционную войну со всей Европой. Нессельроде вынужден был поместить в «Journal de Saint-Petersbourg», как называлась официальная газета министерства иностранных дел, статью, которая разъясняла, что манифест вовсе еще не означает намерения России воевать, что Россия занимает оборонительную позицию и пока не вмешивается во внутренние преобразования в Западной Европе. Но в статье было написано, что, охраняя трактаты 1815 года, Россия «не упустит из виду того распределения границ между государствами, тех взаимных прав владения, кои освящены ее ручательством, и решительно не потерпит, чтобы в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей подобное изменение обращалось в ущерб Империи. Дотоле она будет соблюдать строгий нейтралитет»¹.

После революции в Вене и Берлине ближайшую опасность царь стал усматривать в возможности развития революционного движения в Германии и Польше. При таких условиях разрыв с Францией, несмотря на провозглашение республики, становился неизбежен.

Киселев понял перемену обстоятельств еще до получения новых инструкций. Вначале он не исполнил приказа об оставлении Парижа вследствие того, что считал отъезд необязательным. Его удерживало в Париже присутствие там некоторого числа русских подданных и пример всех других дипломатов, не собиравших покидать французскую столицу, пристально наблюдавших за ходом событий². Узнав о революции в Вене и Берлине, Киселев сообразил, что уезжать ему и не следует. Киселев принял на себя всю ответственность за свое смелое решение, а циркуляр и уговоры Ламартина еще более утвердили его в намерении остаться в Париже и не обострять отношений с Временным правительством. В начале апреля Киселев прочел Ламартину письмо Нессельроде от 15(3) марта, но пропустил то место, которое касалось угрозы царя притти на помощь Австрии и Пруссии против французов. Ламартин был доволен и, благодаря Киселеву, заверял его, что со стороны республики не может быть и речи о какой бы то ни было материальной поддержке поляков против России. Ламартин даже заговорил с Киселевым о франко-русском союзе: «Он сказал мне, — доносил Киселев, — что в его дипломатической карьере ему часто приходилось думать и признавать, что самый естественный союз для Франции был бы союз с Россией, и если бы польский вопрос не овладел легковесными симпатиями в этой стране, давшими

пищу враждебным отношениям обоих правительств, то этот союз осуществился бы в пользу обоих народов, между которыми, может быть, больше естественного сродства, нежели с какой-либо другой нацией. Все тут зависит от времени и благоприятных обстоятельств, и он с великим доверием полагается на мудрость и могущество государя». Прощаясь с русским посланником, Ламартин спросил, останется ли он в Париже? Киселев ответил: «Не знаю». Ламартин заметил: «Чем дольше он останется, тем будет лучше».

В депеше от 18(6) апреля Нессельроде сообщал Киселеву, что царь вполне одобрил его смелый поступок и разрешает ему оставаться в Париже, но «не вступая в официальные сношения с Временным правительством». Нессельроде пояснял и причину такой перемены в намерениях царя: «Вся наша система, — писал он Киселеву, — должна измениться, так как в Германии слагается новая держава, единая, демократическая и честолюбивая, имеющая средства и желание создать нам серьезные затруднения». В перспективе Нессельроде ожидал союза революционной Германии с польским восстанием и писал, что «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей». Царь не без основания рассчитывал, что буржуазная Французская республика будет так же энергично противиться объединению Германии и замыслам Пруссии, как и крепостнический самодержавный царизм. Хотя союз с Францией и не входил в виды Николая, но Нессельроде в той же депеше от 18(6) апреля писал Киселеву: «Императорское правительство признает благоразумным напрасно не раздражать Францию, ибо, будучи республикою или монархией, революционной или консервативной, Франция всегда останется державой, с которой нужно считаться и которую нельзя исключить из возможных комбинаций, на которых будет покоиться общественное равновесие»¹. С Французской республикой тем легче было сговориться, что она оказывалась совсем не столь революционной, как вначале думал царь и его министры. Для царизма события в Германии были ближе и опаснее, чем в Париже. В своем отчете за 1848 год Нессельроде писал: «Наиболее близкие опасности приходили к нам не от Франции. Наиболее враждебная нашим интересам демократия уже не заседала больше в Париже. Она гнездилась ближе к нам, в Вене, в Берлине, у наших дверей» (в Польше). Предполагая, что в центре Европы место Германского союза, созданного с чисто оборонительными целями, может занять большое государство, Нессельроде писал, что «в этом случае... нам нужен на юге противовес, и этот противовес мог находиться только во Франции. Будь Франция республиканская или монархическая, на силу вещей будет иметь свою роль в европейском равновесии»².

¹ Шильдер, т II, стр 630—631.

² Донесение Киселева от 14/26 марта 1848 г. Арх. МИД, К Paris 1848 № 119, т 137—138

¹ Мартенс XV, СПб, 1909, стр 230—233

² Там же, XV, стр. 233 и др.

После мартовских революций главный очаг революционной опасности передвинулся в глазах царя в Берлин и Вену и в польские области Австрии, Пруссии и России. В особенности тревожили царя проекты объединения Германии, план отделения от Дании Шлезвига и Голштинии и польское движение, центром которого стала весной 1848 г. прусская провинция Познань.

Март — апрель ознаменовались наибольшим подъемом революции 1848 года в Пруссии. Соответственно и внешняя политика Пруссии испытала в эти месяцы наибольшее уклонение в сторону требований либеральной буржуазии. Если армию и чиновничий аппарат король оставлял всецело во власти реакционеров, как резерв для будущей контрреволюции, то министерство иностранных дел с 21 марта было передано в руки заведомого противника абсолютизма барона Генриха Арнима, который занимал этот пост в кабинете Кампгаузена до 20 июля 1848 года¹. После 18 марта барон Арним был нужен как министр, популярный среди либеральной буржуазии. Это был ярый сторонник главенства консервативно-конституционной прусской монархии в Германии, пылавший ненавистью к революционерам-демократам. Политическое сredo Арнима заключалось в том, чтобы идею национального единства Германии использовать для борьбы со всеобщей революцией путем отделения от революционного движения всех сторонников прусского господства над Германией. Насколько консервативны были взгляды Арнима на избирательное право и представительный образ правления, показывает то, что в записке от 17 марта он рекомендовал превратить прусский ландтаг в общегерманский парламент.

Но Арним сходил с либералами во враждебном отношении к реакционной системе договоров 1815 года и был ярым сторонником включения в Германию Шлезвига. Единственным серьезным препятствием на пути присоединения Шлезвига к Германии, ее объединения и территориального расширения Германии под главенством Пруссии, он считал Россию. Видя в ней главного врага, Арним держался «западной» ориентации и надеялся на возможность союза с Французской республикой и на поддержку Англии. Подобно немецким либералам, Арним видел основное средство ослабления России в «восстановлении» Польши в качестве вассала Германии, для начала хотя бы в масштабе Познани. Что же касается Австрийской империи, то Арним ожидал ее скорого распада и советовал не оказывать ей никакой помощи и укреплять военные силы Германии. В записке от 17 марта Арним так изложил свои взгляды: «Воссоздание немецкой военной мощи, открытое провозглашение полного нейтралитета во всех внешнеполитических вопросах, и в том числе в борьбе Австрии против своих от-

павших немемецких провинций, наконец восстановление королевства Польского при условии его вечного нейтралитета для успокоения Франции и как барьер (Vormauer) против России»¹.

Арним и даже часть польских эмигрантов рассчитывали посадить на польский престол в Познани прусского принца Вольдемара, хотя он и не высказывал ни малейшей склонности стать польским королем².

Всю эту программу Арним хотел использовать против революции. Он воображал, что сможет своей внешней политикой расколоть революционные силы и сплотить немецкие государства вокруг консервативно-конституционной Пруссии.

Россию Арним считал колоссом на глиняных ногах и не верил в то, что война с нею потребует серьезных усилий. Издержки этой войны он надеялся возложить вовсе не на Германию, а полностью взвалить их на поляков и на Францию. Расчет был прост: в марте и в апреле 1848 года Арним был убежден в том, что польское движение, начавшись в Познани, перебросится в Галицию и, главное, в русскую Польшу и что поляки привлекут на себя главные силы России и при поддержке Франции ослабят сопротивление царя объединению Германии под властью Пруссии³. Поляков Арним попросту хотел обмануть и использовать их в прусских интересах, чтобы поляки помешали России воспрепятствовать включению Шлезвига в Германию, возглавляемую Пруссией. Арним не предполагал объявлять России войну, но не хотел мешать переходу отрядов скопившихся польских эмигрантов через русскую границу целью возбудить восстание в русской Польше.

24 марта Сиркур писал из Берлина: «Здесь не сомневаются, что восстание за восстановление независимой Польши вспыхнет на территории, которая принадлежит Российской империи... и что поляки, рассеянные во Франции, Германии и Бельгии, стекутся для того, чтобы участвовать в этой борьбе. В то время, когда эти события могут произойти, прусское правительство предполагает держать свои войска в казармах, предоставить действовать добровольцам и отбросить силу силою, если бы случился, что русские, преследуя своих врагов, перешли бы с оружием границу, которая определена трактатами для прусской Польши»⁴.

Совершенно очевидно, что при подобных планах Арнима в случае поражения в борьбе с царскими войсками поляки не могли бы рассчитывать на серьезную помощь прусских войск. В бумагах Кампгаузена имеется записка от 28 апреля, видимо принадлежащая барону Арниму и гласящая, что за восстановление Польши «не должно быть пролито ни капли немецкой крови». Неудиви-

¹ Не следует смешивать барона Генриха Арнима с графом Арнимом, который до 29 марта возглавлял прусский кабинет и был сторонником «старопруских» юнкерских взглядов

¹ Brandenburg E Untersuchungen und Aktenstücke zur Geschichte der Reichsgründung. Leipzig 1916. S. 59—61; Hallgarten, op. cit., S. 36

² CIRCOURT, I, p. 288 289 и др. Hallgarten, op. cit., 41—43

³ CIRCOURT, I, p. 251—252

⁴ Там же

тельно, что многие польские эмигранты не доверяли Арниму и возлагали главные надежды на Францию¹.

Легко заметить слабые стороны политических планов Арнима. Исполнение их зависело от факторов, находившихся вне его контроля и прежде всего оттого, произойдет ли в русской Польше такое восстание, которое сковало бы силы царской России, и отвлекло бы ее силы от вмешательства в вопросе о Шлезвиге. К тому же Арним вовсе не был полномочным вершителем прусской политики. Его влияние было весьма ограничено и наталкивалось на сопротивление короля и армии, которое могла устранить лишь последовательная демократическая революция, а не бессильные советы либерального министра. Король игнорировал Арнима и непосредственно переписывался с царем, сносясь с ним через своего военного представителя и посланника в Петербурге. Армия, король и остальбские юнкеры не хотели разрыва с Россией и были враждебны всяким заигрываниям с польским движением. Арниму король сказал: «Клянусь богом, что я ни теперь, ни в будущем не обнажу меча против России! Я считал бы тогда Германию погибшей»².

Надежды Арнима на использование поляков против России в интересах прусской гегемонии в Германии и включения в нее Шлезвиг не осуществились. Восстание в русской Польше не вспыхнуло и не могло вспыхнуть потому, что польское движение было оторвано от крестьянской массы, а Царство Польское наводнили царские войска. Удовлетворить поляков землями на Востоке без войны с Россией не представлялось никакой возможности, а немецкая буржуазия и юнкерство вовсе не желали поступиться своими интересами в Познани. Не прошло и полутора месяцев, как война не на жизнь, а на смерть действительно зажглась, но не между Германией и царской Россией, а между немцами и поляками на территории Познани.

Королевским указом от 18 марта было предусмотрено включение Познани и Восточной Пруссии в Германский союз для того, чтобы эти провинции могли послать депутатов в общегерманский парламент. С точки зрения внешней политики, этот указ был нарушением договоров 1815 года, оставлявших прусскую Познань за пределами Германского союза, и означал, что в случае вступления в Познань русских войск весь Германский союз должен был объявить России оборонительную войну. Но познанские поляки не желали включения в Германию. 23 марта польская делегация вынудила у короля обещание провести «национальную реорганизацию» Познани и требовала создания в ней самостоятельной польской администрации и армии. Познанский ландтаг отказался

послать из Познани делегатов в общенемецкий парламент. Чтобы выйти из создавшегося положения, прусское правительство задумало разделить Познань на две части — герцогство Гнезенское с польской администрацией, которое оставалось бы вне Германского союза, и «немецкую» часть Познани, под видом которой предполагалось включить в Германский союз львиную долю всей провинции. Разумеется, суверенитет Пруссии предполагалось сохранить над всем протяжением Познани, как части прусского государства.

Тем временем в Берлин и в Познань из Парижа и со всех концов Европы съезжались вооруженные польские эмигранты с целью создания военных отрядов и борьбы за восстановление Польши. Польские аристократы, как, например, одряхлевший «претендент» на польскую корону князь Адам Чарторижский, питали совершенно несбыточные надежды на соглашение западных держав о восстановлении Польши¹, но многие польские демократы из разорившейся шляхты рассчитывали вооруженными действиями против России с территории Познани втянуть Пруссию, а затем и Францию в войну с царизмом и воспользоваться ее результатами: Мерославский и Либельт стали во главе движения и были сторонниками этой тактики, возлагая главные надежды не на польское крестьянство, а на помощь извне со стороны Франции. Но Мерославский не верил в поддержку Пруссии и отказался от перехода русской границы до тех пор, пока не будут собраны значительные польские войска. Тем временем умеренная познанская шляхта предала общенациональное движение и пошла на компромисс с Пруссией из страха перед крестьянством. Лишь часть польских отрядов не разоружилась и готовилась к борьбе с Пруссией, не доверяя лживым обещаниям ее правительства. Острые восстания, вначале направленное против России, повернулось против Пруссии.

Поворот познанского движения против Пруссии с необычайной быстротой и резкостью изменил отношение к полякам со стороны той части немецкой либеральной и радикальной печати, которая ранее лицемерно заигрывала с поляками. Лицемерные изъявления симпатии к полякам сменились потоком ненависти и вражды, особенно острой в сопредельных с Познанью прусских провинциях. Предпарламент не высказался за оставление Познани за пределами будущей единой Германии и оставил этот вопрос открытым. Прусское правительство ограничило въезд в Познань польских эмигрантов только местными уроженцами. Особенно яростную травлю поляков вели познанские немцы, опасавшиеся потерять свое влияние в случае «национальной реорганизации» этой провинции. Король и генералы опасались разрыва с Россией. Сиркур 1 мая писал: «Самая решительная ненависть увлекла теперь все классы, и крестовый поход против поляков проповедывается во

¹ Circourt, I, p. 307—308, 113. примеч. 3.

² Hallgarten. op. cit., S. 42.

всех клубах. Отряды добровольцев, вооруженные и организованные для армии Шлезвига, желают отправиться теперь в Познань на помощь немцам»¹. Лишь левые радикалы и революционные демократы смело высказывались за оставление Познани вне Германии и войну с Россией. Тем временем военное министерство концентрировало в Познани войска, чтобы подавить движение, и к 5 апреля довело их до 35 000². Либерально настроенный генерал Виллизен, прибывший в Познань для выработки компромисса с поляками, был оттуда отозван, и в начале мая туда в качестве королевского комиссара приехал враждебный полякам генерал Пфюль. Военное командование находилось в руках крайних реакционеров, и когда между вооруженными поляками и прусскими отрядами начались стычки и поднялось восстание, оно было беспощадно раздавлено, а главари его были схвачены. Последние силы поляков капитулировали 9 мая 1848 года³.

Кровавое подавление познанского восстания имело крупное международное значение. Немецкие «либеральные купцы министры»⁴ оказали эту услугу реакции. Либеральная буржуазия предала поляков. Кровавая расправа с поляками была выигрышем прусской реакции, царской России и Австрийской империи, заинтересованных в том, чтобы не допустить восстановления Польши и союза немецкой буржуазии с Венгрией и Францией. Барон Арним и после событий в Познани остался на посту министра иностранных дел, что свидетельствует о лицемерности его польских «симпатий» и о его враждебности к революционно-демократической политике.

Отношение западных держав к возможности войны с Россией за восстановление Польши было неблагоприятным. Английское правительство не желало коренной ломки «системы 1815 года». 6 апреля Пальмерстон писал английскому посланнику в Берлине, Уэстморленду: «Я в особенности поручаю вашему превосходительству воздержаться от всякого поведения, которое могло бы рассматриваться Россией как агрессивное, и избегать, поскольку это возможно, всяких мер, которые могли бы в качестве последствий повлечь нападение на русскую территорию»⁵. Опасаясь вспышки восстания в русской Польше, Пальмерстон через посланника в Петербурге Блумфильда советовал царю дать полякам самоуправление, что «могло бы отвлечь опасность конфликта, результаты которого в любом случае и чем бы они ни кончились были бы плачевны»⁶. Но о вовлечении Англии в столкновение с Россией нечего

было и думать. В мае 1848 года лорд Россель сказал, что «теперь совершенно нечего делать ни в Польше, ни для Польши»¹.

Не лучше обстояло дело с позицией Франции. В марте—апреле 1848 года барон Арним смог убедиться в невозможности втянуть французскую буржуазную республику в столкновение с Россией и получить поддержку Франции в вопросе о Шлезвиге. 31 марта, в момент крайнего обострения отношений Пруссии с Россией, Арним запросил Сиркура о том, что сделает Франция, если польские отряды, собиравшиеся в Познани, перейдут русскую границу, а русская армия, отражая и преследуя их, займет герцогство Познанское. Арним желал, чтобы французское правительство торжественно объявило о союзе с Пруссией². Тут же Арним пояснил, что ожидает от Франции двух кораблей с десантом в Балтийском море для диверсии против России³. Арним надеялся, что декларация Франции о союзе с Пруссией удержит Россию от вторжения в Познань, а французский флот поможет включить в Германию Шлезвиг⁴.

Недоверие к Франции и непопулярность союза с нею среди широких кругов буржуазии и юнкерства, а также страх перед французским республиканизмом были так велики в Германии, что о пропуске французской армии по сухому пути через Германию к границам России не могло быть и речи. 4 апреля Сиркуру было послано извещение из Парижа о том, что Временное правительство не желает никаких формальных союзов и не намерено обещать Пруссии поддержку в вопросе о Шлезвиге и Голштинии. «Было бы неразумно строить на зыбучем песке»,—гласил полученный ответ. Только в конфиденциальном разговоре и ничем себя не связывая, Сиркуру разрешено было сказать, что «если Россия нападет на Пруссию и займет ее территорию, захватит Познань, то Франция поддержит Пруссию вооруженной рукой»⁵.

8 апреля Арним возобновил разговор с Сиркуром о союзе с Францией и заявил, что через месяц Пруссия будет иметь под своим 450 000 человек⁶, но из Парижа снова последовал отказ от каких бы то ни было обязательств, и на этот раз даже без конфиденциальных упоминаний о возможности поддержки со стороны Франции⁷. Временное правительство желало во что бы то ни стало избежать войны. Оно враждебно относилось к попыткам Пруссии возглавить объединение Германии и включить в Германию Шлезвиг.

Эфемерные проекты Арнима относительно союза с Францией уже в апреле—мае 1848 года сменились совершенно противоположными настроениями под влиянием той вражды к польскому движению,

¹ Cirsourt, I, p. 30, 108, 502; Hallgarten, p. 64—65, 79—80.

² Hallgarten, s. 51.

³ Kunz. Die Krieger'schen Ereignisse im Grossherzogtum Posen im April und Mai 1848. Berlin 1899.

⁴ Карл Маркс. Избр. произв., т. II, стр. 71, изд. 1933 г.

⁵ Guichen, t. I, p. 84.

⁶ Temperley and Penson. Foundations. p. 160—161. Bell vol. I. p. 438—439.

¹ Cirsourt, t. II, p. 155.

² Cirsourt, t. I, p. 327—328.

³ Там же, t. II, p. 504.

⁴ Там же, t. I, p. 329—330.

⁵ Там же, t. I, p. 407—408.

⁶ Там же, t. I, p. 428—429.

⁷ Смена этих настроений описана Сиркуром и у Hallgarten's.

которая охватила в это время германскую печать и не затронула только немногих революционеров-демократов южной и западной Германии. Деятельность иностранных легионов во Франции и слухи о возможности вторжения французов в прирейнские области Германии были широко использованы германской реакцией для возбуждения недоверия и вражды к политике Французской республики¹. Прусское юнкерство и буржуазия в мае 1848 года уже не только не помышляли о сближении с Францией, но стали бояться возможности выступления Франции в защиту поляков, которого требовали парижские революционно-демократические клубы и газеты².

Под напором революционеров-демократов и социалистов Ламартин 7 мая поручил Сиркуру добиваться отмены ограничений на въезд польских эмигрантов в Познань, но когда Сиркур получил эту депешу, познанское восстание было уже раздавлено³. Отношение немецкой буржуазии к полякам стало настолько враждебным, что, по мнению Сиркура, любое вооруженное выступление Франции в их защиту означало бы войну с Германией, с Россией и, может быть, даже с Испанией, с которой прусское правительство готово было вступить в переговоры⁴. По словам Сиркура, Германия «никогда не согласится передать польской республике ее территорию 1770 года или предоставить проход французской армии, направляемой против России». Сиркур доносил, что, кроме левых революционеров-демократов, «вся немецкая нация» враждебна Франции и к полякам, и что даже если Пруссия станет республикой, то война с нею будет неизбежна, если только Франция попытается восстановить Польшу, а всеобщая война из-за Польши приведет к истреблению польского дворянства крестьянами и объединит Германию. В этой войне, писал он, «Германия может себя спасти только реорганизацией, но реорганизовать себя она может только путем войны. Дадим ли мы ей эту войну? Вот к чему она приведет: мы потопим в море крови сначала наше богатство, а затем, по всей вероятности, и нашу свободу⁵, чтобы воссоздать на двух берегах Рейна самую грозную в Европе военную державу. Мы объявим войну ради Познани и купим мир, уступив Страсбург»⁶. Сиркур утверждал, что Россия поможет Пруссии и что хотя конституционное министерство против этого союза, но отношения Пруссии с Россией улучшаются, и если Франция атакует Пруссию, то союз с Россией не будет отвергнут. «Что же касается немцев, то если что-нибудь могло бы сделать подлинно национальной их борьбу с Францией, так это

мнение, что Франция солидарна с Польшей». Познанский плацдарм, писал Сиркур, поляки уже потеряли, и прусская Польша не отвлечет от Франции значительное количество прусских войск. Ненависть немцев к полякам позволит предоставить подавление последних национальной гвардии¹.

Донесения Сиркура ярко рисуют страх буржуазных реакционеров во Франции перед последствиями войны с Германией и Россией и показывают, как противоречия интересов немецкой и французской буржуазии мешали разрешению задачи объединения Германии. К тому же французское Учредительное собрание главную свою задачу видело в борьбе против собственного рабочего класса и во что бы то ни стало желало мира с реакционными правительствами Европы. Подавляющее большинство членов Собрания, открывшегося 4 мая, враждебно относилось к идее войны из-за Польши. Когда 11 мая Исполнительная комиссия заменила Временное правительство, министром иностранных дел был назначен Бастид, но эта перемена означала лишь укрепление курса на внешний мир и на подавление рабочего движения внутри страны. Лишь французские революционеры-демократы и социалисты видели в войне из-за Польши главное средство добиться осуществления своих революционных требований. Уже после разгрома поляков в Познани они подняли восстание 15 мая с целью вызвать войну за восстановление Польши, но оно было подавлено, и реакция одержала победу.

Для успокоения общественного мнения посланником в Берлин был назначен республиканец Эмманюэль Араго, наивно веривший в возможность сближения Французской республики с единой буржуазной Германией, но политическая линия французского правительства нисколько не изменилась. Фактически Араго заменил Сиркура только 5 июня и не пользовался никаким влиянием на свое правительство. После горячих дебатов Учредительное собрание предоставило поляков их собственной участи и с 23 мая ими более не занималось. Французское правительство добилося лишь смягчения участи арестованных и взятых в плен пруссаками польских эмигрантов².

Пропаганда в парижских клубах и дебаты в Учредительном собрании по поводу поляков вызвали в германских государствах новый приступ вражды к Франции и военную тревогу. Прусский король считал, что «национальная реорганизация» Познани в таких условиях создает угрозу для Пруссии с тыла, и всячески затягивал ее осуществление³. Подавление восстания 15 мая и провал сторонников войны в Учредительном собрании вызвал бурю восторгов в германской печати, за исключением левых революционно-демократических газет и прежде всего «Новой Рейнской газеты», которая призывала к войне с Россией как главным опло-

¹ Cirsourt. t. I, p. 417.

² Cirsourt. t. I, p. 419.

³ Там же, t. II, p. 159—161, 212.

⁴ Там же, t. II, p. 222—223.

⁵ Повидимому, Сиркур намекает на возможность установления во Франции диктатуры генерала.

⁶ Cirsourt, t. II, p. 202—207.

¹ Cirsourt, t. II, p. 222—227. Депеша от 17 мая и p. 206—207.

² Cirsourt. t. II, p. 145—155, 190, 250—251; 283—284.

³ Hallgarten, 72.

том феодально-абсолютистской реакции в Европе. В Магдебурге был выпущен благодарственный адрес Ламартину за его выступление против войны ради защиты поляков. Барон Арним, еще недавно слывший «другом поляков», от имени короля и от себя благодарил Ламартина за его умеренность в польском вопросе»¹.

После мая вопрос о поляках уже не вызывал в 1848 году крупных международных осложнений. Польское движение не оправдало надежд, которые возлагали на него революционеры-демократы весной 1848 года, и не привело ко всеобщей революционной войне западноевропейской буржуазии с царской Россией. Одной из причин этого была слабость самого польского движения, большинство участников которого не желало аграрной революции и уничтожения помещичьего землевладения и не могло повести за собой крестьянство. Польское движение 1848 года потерпело неудачу еще и потому, что оно не получило никакой реальной поддержки от западноевропейской буржуазии и было беспощадно раздавлено прусской и австрийской реакцией, даже не достигнув пределов русской Польши, занятой огромной царской армией. Отсюда то разочарование в польском и немецком движении 1848 года, которое испытывали впоследствии Маркс и Энгельс.

Весной и летом 1848 года Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» призывали к прогрессивной и революционной войне с царской Россией, как главным оплотом европейской реакции, с тем чтобы вести эту войну на основе последовательного революционно-демократического объединения Германии, уничтожения немецкого гнета над славянами, венграми и итальянцами². В войне с царской Россией Маркс и Энгельс видели наилучшее средство нанести удар общеевропейской и германской реакции. Они выдвигали идею восстановления Польши в границах 1772 года, но «под условием аграрной революции»³. Все это показывает нам полную противоположность революционной внешнеполитической позиции Маркса и Энгельса и реакционной политики немецких «либералов», подобных Арниму и Кампгаузену.

Новый повод ко всеобщей войне легко мог дать вопрос с Шлезвиге и Голштинии. Эти два герцогства входили в состав Датского королевства на правах личной унии; они сохраняли свой порядок престолонаследия только по мужской линии и свою особую конституцию. Голштиния входила в состав Германского союза, но Шлезвиг, в южной своей части населенный немцами, а в северной — датчанами, находился за его пределами. Важное стратегическое положение обоих герцогств на южном побережье Балтийского и Северного морей и первоклассная Кильская гавань задолго до 1848 года привлекали внимание немецкой буржуазии,

которая считала включение Шлезвига в Германию первоочередной задачей национального объединения и территориального расширения страны. Агитация в немецкой печати по поводу Шлезвига особенно усилилась после того, как датский король Христиан VIII объявил о своем намерении ввести в герцогства конституцию и порядок престолонаследия по мужской и по женской линии, так же как и в Дании, и вступил в конфликт с сеймом Германского союза. В новую стадию этот вопрос вступил после 18 марта.

Прусские либералы решили немедленно воспользоваться мартовской революцией в Берлине, чтобы предъявить Дании требования о включении Шлезвига в Германский союз. Увидев из окна, как прусский король со свитой и в черно-красно-зеленых лентах объезжал свою столицу, датский посланник сразу понял, что это значит, и воскликнул: «О, небо! Эти люди хотят объявить Дании войну»⁴.

В Киле 23 марта против датского правительства вспыхнуло восстание, предводители которого немедленно обратились в Берлин за помощью. Со своей стороны, прусское министерство торопилось приобрести популярность и 24 марта приняло решение о занятии герцогств⁵. Войскам был немедленно отдан приказ о выступлении для защиты немецкой национальности, и по приглашению Пруссии то же сделали правительства Ганновера, Брауншвейга, Ольденбурга и Мекленбурга. 6 апреля без объявления Дании войны прусские войска вступили в герцогство. Немецкая буржуазия была охвачена неопишимым энтузиазмом. Повсюду создавались добровольческие отряды из молодежи для похода на Данию.

В 1848 году, если не вообще в истории, датская война была единственным случаем, когда немецкие войска не душили, а поддерживали революцию и повстанческое временное правительство. Э. Энгельс писал, что «война с Данией, это — первая революционная война, которую ведет Германия»⁶. Но на деле прусское правительство вовсе не собиралось вести войну по-революционному. Барон Арним видел в этой войне «дар неба» именно потому, что посредством нее он надеялся отвлечь наиболее революционные круги от внутренней политики и задержать развитие революции. Того же мнения держались король и прусские генералы, — они надеялись этой войной приобрести репутацию борцов за национальное дело и лишить революционеров возможности использовать шлезвиг-голштинский вопрос для «возбуждения умов»⁷. Маркс писал, что датская война должна была «послужить громом отводом для чрезмерного патриотизма немецкой молодежи» и «реабилитировать прусскую военщину»⁸.

¹ Cirsourt, t. II, p. 259—261, 304.

² К. Маркс. Соч., т. VI. Пражское восстание. 1930 г., стр. 185.

³ Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1851 г. Соч., т. XXI. 1929, стр. 211.

⁴ Cirsourt, t. I, p. 205.

⁵ Hallgarten, S. 51.

⁶ Ф. Энгельс. Соч., т. VI, 1930, стр. 427.

⁷ Cirsourt, t. I, p. 274—275; Hallgarten, S. 51.

⁸ К. Маркс. Соч., т. VII, 1930, стр. 50.

12 апреля Франкфуртский сейм обратился к Пруссии с предложением любыми средствами добиться уступок от Дании. Прусское правительство предъявило Дании ультиматум с требованием согласия на включение Шлезвига в Германский союз, организации в герцогствах вооруженных сил, находящихся в распоряжении Союзного сейма, и снижения пошлин в Зунде и Бельтах для немецкой торговли. Только 25 апреля Дания объявила Пруссии войну.

Во время датской войны для Пруссии особенное значение приобрела позиция других держав. Выше, в связи с польским вопросом, было уже отмечено, что барон Арним пытался добиться от Французской республики заверения в том, что с ее стороны не последует нападения на прирейнские немецкие области и не будет противодействия политике Пруссии в Шлезвиге и Голштинии. Но «западная ориентация» барона Арнима потерпела полный провал: Временное правительство сообщило, что оно «не будет связывать себя ничем в отношении герцогств»¹ и с явным беспокойством следило за попытками Пруссии возглавить дело немецкого единства.

Правительство Дании сначала старалось скомпрометировать поднявшееся в Шлезвиге движение в глазах немецких либералов. Датский либеральный деятель Орла Легманн (Orla Lehmann) отправился в Берлин и доказывал журналистам, что датская конституция гораздо либеральнее тех порядков, которые хотело установить в герцогствах новое Временное правительство, и что германским демократам не к лицу поддерживать там «аристократическую» и «полуфеодальную» оппозицию. В действительности Временное правительство в герцогствах выдвинуло буржуазные политические требования, хотя и не столь либеральные, как датская конституция, но более смелые, чем то было в других немецких государствах.

После занятия герцогств пруссаками датское правительство обратилось за посредничеством и помощью к Англии, Швеции и России. Пальмерстон протестовал против оккупации герцогств и принял на себя посредничество с целью мирного разрешения спора в пользу Дании. Английское правительство и буржуазия не желали расчленения Датской монархии и коренной перемены положения на Северном и Балтийском морях в пользу Пруссии или будущей единой Германии². Еще враждебнее было поведение Швеции. Когда прусские войска уже вторглись в Ютландию, шведское правительство 18 мая объявило об отправке вооруженного корпуса на датские острова с целью их обороны и чтобы собственноручно датские войска могли в большем числе высадиться на материке для отпора пруссакам³. Но главную преграду для Пруссии создавала все нараставшая угроза царской интервенции.

¹ Circourt, t. I, p. 281—282.

² Guichen, t. I, p. 82—83.

³ Circourt, t. II, p. 179—180.

Вопреки мартовским надеждам прусских либералов, в русской Польше не смогло вспыхнуть массовое восстание, и руки царя были свободны для того, чтобы помешать и территориальному расширению Германии.

После мартовских революций польский и шлезвиг-голштинский вопросы занимали главное место в отношениях царя с Австрией и Пруссией. Не только в Познани, но и в Галиции Николай I усматривал опасный очаг польского движения, которое могло перебраться оттуда в его владения. 8 апреля Нессельроде лихорадочно писал новому австрийскому министру иностранных дел Фикельмону: «Ради бога, не теряйте из виду Галицию. Она скоро будет охвачена пожаром, если это уже не произошло сейчас»¹.

Русскому посланнику в Вене Медуе было предписано предупредить австрийское правительство, что царь не допустит революционного движения в Галиции². Совершенно открыто и без всяких дипломатических условностей Николай писал о своих намерениях князю Паскевичу: «Однако быть может, что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, за поют что-либо против нас в Галиции, в таком случае, не дав сему развиваться, но именем самого императора Фердинанда займу Край и задую замыслы»³.

Австрийская либеральная буржуазия и мелкая буржуазия враждебно относились к царской России, и венская революционная молодежь устроила кошачий концерт под окнами русского посольства⁴, но трусливое и крайне умеренное министерство в конце марта направило в Петербург графа Туна—заверить царя в том, что Австрия верна России и объяснить вынужденный характер тех уступок, которые были вырваны революцией у австрийского императора⁵. Николай еще раз передал через Туна, что не допустит вновь создания свободного государства из Кракова. «Если помышляют о подобной перемене или если революция вспыхнет в Галиции и там не поступят с должной энергией,—сказал царь,—я не поколеблюсь одного мгновения перейти австрийскую границу и восстановить порядок именем императора Фердинанда». Тун убедился, что царь желал сохранения целостности Австрийской империи и что Петербургский кабинет «рассматривает Австрию как якорь спасения Германии и всей Европы от революции»⁶.

За вопросом о Галиции стоял общий вопрос об угрозе для самодержавно-крепостнического строя России со стороны западноевропейских революций. «То, чего я желал бы от всего сердца,—

¹ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 179.

² Там же, стр. 180—181.

³ Кн. Щербатов. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. Т. VI. СПб. 1899, стр. 200.

⁴ Кр. Арх. 1938, № 4—5 (89—90), стр. 182.

⁵ Там же, стр. 174—176.

⁶ Донесение Туна. Guichen, t. I, p. 78—79.

сказал Туну Николай I, — это иметь возможность возвести настоящую китайскую стену против остальной Европы и совершенно порвать всякие сношения с ней; также я не позволил бы больше приходить к нам ни одному иностранцу, и со стороны суши я достаточно спокоен. К несчастью, мы имеем здесь морскую гавань, вход в которую почти невозможно держать под наблюдением¹. Чем далее развивалось в Австрийской империи национальное движение мадьяр и славян, тем более Николай страшился возможности ее распада и обдумывал предстоящий образ действий. В этом случае, — писал он, — «я непременно вступлю в Галицию и присоединю к России древнее сие достояние»². Но Чехию и другие славянские земли Николай считал опасным и ненужным присоединять к России. Царь и Нессельроде отлично видели, что чешское движение было направлено «столь же против царизма, как и против немцев». Нессельроде находил, что после распада Австрийской империи следует сгруппировать австрийских славян под русским влиянием и противопоставить их Германии и Венгрии, но успокаивал царя уверениями в том, что Австрия еще далека от подобного крушения³.

Еще тревожнее были весной 1848 года отношения с Пруссией. В конце марта посланный в Берлин Мейендорф доносил, что война с Россией может вспыхнуть силою вещей, вследствие переходов через границу скопившихся в Познани польских эмигрантов. Но двинуть русские войска в Познань Мейендорф считал невозможным и писал, что «всякая военная демонстрация с нашей стороны была бы в настоящее время опасна и привела бы к республике. Необходимо объявить, что мы не намерены атаковать и что только желаем обороняться»⁴. 1 апреля Мейендорф вновь сообщал, что хотя намерения прусского правительства и не враждебны, но прусские войска сосредоточиваются в Познани, и это требует серьезного внимания, так как в случае провозглашения в Пруссии республики, впрочем, мало вероятном, начнется война с Россией⁵.

Мейендорф был одним из преданнейших слуг самодержавия. Родом из Эстляндии, он принадлежал к тому прибалтийскому дворянству, которое, наряду со всякими иностранными выходцами, заполняло при Николае I видные посты на царской дипломатической службе и вместе с русскими помещиками сохраняло устойчивую самодержавно-крепостническую систему. Особо реакционный уклад социальных отношений в прибалтийских губерниях превращал их немецкое дворянство в один из оплотов крайней реакции. Мейендорф был, таким образом, типичной фигурой среди царских дипло-

матов и такую же, как и все они, пешкой в руках царя. Этот яркий реакционер зорко следил за событиями в Пруссии и особенно возненавидел главного врага России в кабинете Кампгаузена — барона Арнима. Мейендорф не щадил бранных слов, называл Арнима в своих письмах то «злым дураком», то «сумасшедшим» (verrückten) министром и «чем-то средним между диким кабаном и Тартюфом»¹.

Мейендорф считал, что Арним желал толкнуть поляков на действия против России и требовал, чтобы прусское правительство не делало никаких уступок польскому движению в Познани. «Если у вас, — заявил Мейендорф Арниму, — нет силы препятствовать тому, чтобы там утвердился очаг революции, вы можете это сказать, и тогда мы увидим, что нам делать. Но если вы берете его под ваше покровительство, вы делаете предмет обсуждения и может быть война между Россией и Пруссией». На этой депеше Мейендорфа 2 (14) апреля царь надписал: «Отлично сказано»². Мейендорф, как и царь, крайне преувеличивал значение призрачных уступок, которые прусское правительство обещало дать познанским полякам, и принимал всерьез лживые изъяснения «симпатий» к полякам со стороны немецких «либералов». Однажды в резком объяснении Мейендорф едва сдержал себя, чтобы не ударить прусского министра, и грозил ему войной в случае дальнейших уступок познанским полякам, хотя на деле ни Мейендорф, ни царь не считали для России возможным первыми начать войну из-за событий в Познани³.

Николай находил маловероятным объявление войны со стороны прусского короля, занятого внутренними делами. «При этом положении, — писал царь, — чтобы он соединил свои силы против нас, нет ни вероятия, ни даже возможности. Итак, мы должны ставаться в оборонительном, почти кордонном расположении, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы се попытки дома укрощать в самом начале. Для этого необходимо, чтоб Литва и Самогития были сильно заняты»⁴. В случае наступательных действий со стороны Пруссии, «если она прибегнет к Германии и сделает общую войну», царь собирался ответить «немедленным занятием Восточной Пруссии по Вислу». Если же в Берлине произойдет контрреволюционный переворот, добавляет он, то «мы ему не иначе должны способствовать, как только служа опорой или резервом, но предоставив им самим действовать, не вмешиваясь во внутренние дела»⁵. Видимо, Николай

¹ Guichen, t. I, p. 80.

² Кн. Щербатов. Ген.-фельдм. кн. Паскевич, т. VI, СПб, 1899, стр. 227.

³ Кр. Арх., 1938, № 4—5 (89—90), стр. 190—192.

⁴ Мартенс, VIII, СПб. 1888, стр. 371.

⁵ Meyendorff, P. Politischer und privater Briefwechsel, 1826—1863. Bd. II, Berlin und Leipzig. 1923, S. 60.

¹ Andreas, W. Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich-Wilhelms IV von Preussen. Berlin, 1927, S. 37.

² Мартенс. Т. 8, СПб, 1898, стр. 371.

³ Meyendorff, P. (von). Bd. II, S. 74; Мартенс, т. VIII, стр. 371, Консенс., от 14 апреля.

⁴ Царь — Паскевичу 16/28 марта 1848 г; Щербатов, т. VI, стр. 206.

⁵ Там же, стр. 231—233.

понимал, что появление русских войск в Германии могло бы вызвать лишь новый революционный подъем и затруднило бы положение реакции.

К концу апреля стало очевидно, что лицемерная «дружба» немецких либералов с поляками окончилась, и Мейендорф доносил, что воинственный подъем в Пруссии ослабевает. Нессельроде надеялся, что рано или поздно между поляками и Пруссией вспыхнет конфликт и уничтожит опасность войны из-за польского вопроса. Записка, составленная им в апреле для императрицы, показывает, что петербургская дипломатия строила свои расчеты на общности интересов правящих классов Пруссии и царизма в порабощении и разделах Польши и на уверенности в том, что Пруссия никогда не согласится на предоставление полякам западных границ 1770 года. Притязания же поляков на границы до Днепра царское правительство предполагало использовать против самих же поляков и было уверено, что подобное требование заставит «каждого русского» сражаться «до последней капли крови»¹. Кровавое подавление познанского восстания пруссаками возбудило у царя живейшую радость.

Не меньшую тревогу, чем польские дела, вызывали события в Шлезвиге и Голштинии. Мейендорфу было предписано заявить протест против занятия герцогств пруссаками и пригрозить разрывом. 23 апреля датчане были разбиты, и датский король обратился к царю за помощью².

Когда пруссаки вторглись в Ютландию, царь потребовал вывода из нее прусских войск и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. «Сие необходимо, — пояснял он Паскевичу, — дабы в случае войны мы могли наводнить Пруссию кавалерией, дабы не дать им очнуться и собраться»³. В первой половине мая, в случае отказа Пруссии отвести войска из Ютландии, царь намеревался собрать на прусской границе свыше 250 тысяч войска, занять линию Вислы и удерживать ее, пока датский король не получит назад свои владения. Русский флот должен был присоединиться к датскому. Вопрос о том, будет ли Восточная Пруссия очищена от русских войск в случае закрепления в Пруссии конституционного строя, в записке царя оставлен открытым⁴.

Прусское правительство слишком боялось революционных последствий войны с Россией и дало царю обещание очистить Ютландию. Реакция в Пруссии явно торжествовала: подавление поз-

нанского восстания и согласие на отвод войск из Ютландии ослабили военную тревогу и привели к улучшению отношений Пруссии с Россией. К лету 1848 года король послал к царю генерала Пфуля с успокоительными заверениями. Царь все еще не доверял Пруссии, он требовал повешения Мерославского и держал в пограничных губерниях 420 тысяч солдат и 100 тысяч резерва. «Я никогда никого не задену, — грозил царь королю, — но беда тому, кто нас заденет. Амины!»¹. Но, несмотря на эти угрозы, положение уже резко изменилось. В начале июня, покидая Берлин, Сиркур отмечал, что между «конституционным министерством прусского короля и царским посланником установились самые сердечные отношения».

Новое обострение этих отношений наступило несколько позднее в связи со шлезвиг-голштинским вопросом и попытками Пруссии установить свою гегемонию в Германии, но польские дела более не служили предметом разногласий между Пруссией и Россией.

Летом 1848 года в международных отношениях Европы наступил новый этап, который ознаменовался переходом контрреволюции в наступление. Неудача и разгром июньского восстания в Париже, подавление Пражского восстания и восстания в Вене оказали огромное влияние на дипломатию европейских правительств во второй половине 1848 года. Революционная волна поднялась еще раз в 1849 году, но освещение этих событий не входит в рамки настоящей статьи.

В заключение мы еще раз отметим, что во время февральской и мартовской революций 1848 г. буржуазная французская республика и буржуазно-аристократическая Англия не оказали никакой поддержки польскому движению. Мало того, они оказались заодно с политикой Николая I и в своем враждебном отношении и к революции в Германии, и к юнкерско-буржуазному пути объединения ее вокруг Пруссии, хотя этот последний путь и не был такой угрозой для правящих классов соседних стран, как революционное решение этого вопроса «снизу». Сопrotивление царизма этому объединению общеизвестно и давно установлено в исторической науке. Напротив, враждебная германской революции позиция Англии и Франции была выяснена лишь документальными публикациями и трудами историков, вышедшими в свет в последние десятилетия. Привлечь внимание к этому вопросу тем более важно, что царизм как препятствие на пути создания единой демократической Германии давно перестал существовать, а реакционная буржуазия Англии и Франции находится у власти и под руководством американского империализма донныне препятствует демократическому и прогрессивному решению вопроса о немецком единстве. Впрочем, как уже было выше отмечено, главные причины неудачи попыток создать единую демократическую Германию в 1848 г. заключались не во внешнем давлении со стороны

¹ Арх. МИД, канц. 55 1848, д. 81—82.

² Записка Нессельроде от 25 апреля 1848 г. Арх. МИД, канц. 56, л. 75—92.

³ Щербатов, т. VI, стр. 219.

⁴ Записка Николая I. Савин А. Н. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV. 1840—1848 в сб. «Россия и Запад». П. 1923, стр. 133—134.

Николая I, Франции и Англии, а в слабости и половинчатости революции в самой Германии — в том, что германская буржуазия была неспособна к революционной войне наподобие той, которую в 1793 году вели якобинцы, и из страха перед рабочим классом и революционно-демократическим движением пошла на сделку с прусским юнкерством и политикой Гогенцоллернов.

Р. А. АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕНЕ В АВГУСТЕ 1848 ГОДА

I

«Доктор Маркс, редактор «Новой Рейнской газеты», приветствовал рабочий союз Вены так же, как он это делал в Париже, в Лондоне и Брюсселе», — так гласит протокол одного из заседаний Союза Вены в августе 1848 года. Интересно это сопоставление Вены с крупными центрами революционного движения — Парижем, Лондоном, Брюсселем. К осени 1848 года Вена действительно становилась одним из таких крупных центров революционной борьбы.

Вслед за победой демократических сил в мае 1848 года, отбивших натиск реакции на революционные организации — академический легион, центральный комитет национальной гвардии и рабочие в августе выступили и дали бой реакции.

Изучение рабочего движения Вены в августе 1848 года представляет большой интерес, ибо это движение предопределило в дальнейшем судьбу октябрьского вооруженного восстания 1848 года в Вене.

Накануне революции 1848 года Вена представляла собой крупный промышленный центр, сочетавший в себе самые различные формы производства. Далеко не изжиты еще были феодально-цеховые отношения, а в некоторых отраслях производства цехи играли преобладающую роль. В промышленности значительное место занимала капиталистическая мануфактура. Что же касается крупной промышленности, то она только зарождалась¹. Вена отражала в себе весь тот процесс борьбы и победы мануфактуры над феодально-цеховыми отношениями и крупной промышленностью над мануфактурой, характерный для всей Австрии. По характеристике Энгельса, «введение пара и машин перевернуло в Австрии, как и везде, старые отношения в промышленности и условия существования целых классов общества; оно превратило крепостных в свободных людей, мелких крестьян — в фабричных; оно подкопало старые феодальные ремесленные корпорации и лишило многие из них средств существования. Новое торгово-промышленное население всюду приходило в столкновение со старыми феодальными

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I. (6), стр. 283.

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

под ред. проф. *Б. Ф. Поршнева*

и доц. *Л. А. Бендриковой*

второе издание

М.: изд-во МГУ. 1949

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf), 2010. Дореформенная орфография сохранена. **Каждая статья подготовлена отдельным файлом.** Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и сообществе.

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А. Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф. Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С. Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль–июнь)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_3.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tab_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789–1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>
Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

Содержание сборника

Евгения Акимовна СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Маркс и Энгельс в Париже

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам. Вступление в Кёльнское демократическое общество

Маркс и Готшалк

Маркс и Стефан Борн

Алексей Леонтьевич НАРОЧНИЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ от ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ до ЛЕТА 1848 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции.

Дипломатия Пальмерстона

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ и МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 года

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале-мае 1848 г.

Европейские правительства и Февральская революция

Вторая республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

Ревека Абрамовна АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

Любовь Авксентьевна БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС и РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ

Л. А. БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Февральская революция возникла в результате глубокого, экономического и политического кризиса в стране. Против июльской монархии объединились все прогрессивные элементы французского общества. Большое значение в дофевральский период имела партия мелкобуржуазных демократов «Реформа», которая «представляла в то время рабочий класс на политической арене, в парламенте, прессе, на банкетах¹. Вожди демократов Ледрю-Роллен, Флокон, Луи Блан группировались вокруг газеты «La Reforme». Энгельс высоко оценивал ее программу: «Из всех парижских еженедельных газет только одна не желает удовлетвориться ничем другим, кроме всеобщего избирательного права, и под словом «республика» понимает не просто политические реформы, в результате которых положение рабочего класса останется таким же бедственным, как сейчас, а и социальные реформы, и

притом очень определенные, — это газета «Реформа»². Выступая против правящих классов совместно с пролетариатом, социалистические демократы» уделяли большое внимание рабочему вопросу. В их газете красноречиво, в ярких образах, часто с цифровыми данными, рисуется тяжелое и бесправное положение пролетариата. Рабочие с благодарностью относились к «Реформе» за ее заступничество и стремились оказать ей материальную поддержку, так как газета часто подвергалась штрафам со стороны правительства. Замечательным свидетельством высокой оценки деятельности «Реформы» являются коллективные письма рабочих, присланные в редакцию в связи с репрессиями против нее. «Вы, — обращаются рабочие-портные к сотрудникам газеты, — боролесь шаг за шагом против реакционных и репрессивных законов по отношению к рабочим, против рабочих книжек, против объединений капитала»³. Портные писали, что они собира

¹ Ф.Энгельс. Рабочий класс Франции и президентские выборы. Журн. «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр.15.

² Ф.Энгельс, Движение за реформу во Франции Журн. «Пролетарская волюция», 1940, № 4, стр.134.

³ «La Reforme» 9.X.1847.

ются по двадцать человек, чтобы выписать одну газету, но и это было трудно для них. «Мы хотим подписаться все, но это выше наших средств»¹. Письмо портных встретило сочувственные отклики со стороны других рабочих. Так, 10 ноября было напечатано письмо, в котором отмечается, что рабочие согласны с мнением портных и вносят 52 франка в пользу «Реформы»². Типографы Парижа также прислали письмо, где они благодарили газету за братскую поддержку, которую всегда находят в ней трудящиеся классы, обещали увеличить число подписчиков и призывали всех типографских рабочих подписываться на газету. Из этих фактов ясно видна близость рабочих к «Реформе», связь газеты с рабочими массами накануне февраля. Партия «Реформы», тесно связанная с мелкой буржуазией и рабочим классом, много внимания уделяла в своем печатном органе экономическому кризису 1847—1848 годов. Кризис разорял мелкую буржуазию, усиливал обнищание рабочего класса. Причем газета «Реформа» освещает на своих страницах не только экономическое положение Парижа, но и департаментов. В «Реформе» упоминается и цитируется с июня 1847 года до февральской революции более девяноста названий провинциальных газет. Для исследования экономического кризиса, положения рабочего класса и рабочего движения накануне революции «Реформа» дает ценный материал, который в основном и использован ниже.

Глава I

«Всеобщий торговый кризис, — писал Маркс, — наступивший в Европе приблизительно осенью 1847 года, открылся на лондонском рынке паникой, начавшейся в последних числах апреля и достигшей высшей точки 4 мая 1847 года. Несколько месяцев спустя разразился торговый и промышленный кризис, для которого денежная паника служила только симптомом и предвестником»³.

Во Франции, так же как и в Англии, кризису предшествовал быстрый рост железнодорожной сети. Маркс отмечал, что каждому из кризисов 1817, 1825, 1836, 1847—1848 годов присуща была одна главная мания, и «хотя каждая область была охвачена духом спекуляции, каждый спекулянт ограничивался своей специальной областью»⁴. Предкризисный период справедливо характеризуют как время «железнодорожной мании». Во Франции к 1845 году было выдано право на строительство двух тысяч километров. Два последующих года показывают интенсивное развитие железнодорожной сети

Годы	Число пущенн. в эксплуат. км.	Доходы	Перевоз пассажиров	Перевоз товаров
1846	1,322 км.	41,1 млн. фр.	10,4 мил.	2,5 млн. тонн.
1847	1,832 км.	65,2 млн. фр.	12,8 мил.	3,6 млн. тонн. ¹

В 1847 году намечалось к строительству еще 2 433 километра железнодорожных путей, концессии на которые были выданы или подлежали выдаче². Вокруг железнодорожного строительства развевается бешеная спекуляция; к 30 декабря 1847 года выпустили акций на 2,491 млн. франков, а в действительности железные дороги представляли собой капитал в 1,232 млн. фр.³ В 1847 г. уже происходит огромное понижение железнодорожных акций на парижской бирже. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Падение железнодорожных акций на парижской бирже

Название акций	Стоимость 30 июля 1846 г.	Стоимость в 1847 г.
St-Germain	800	360 фр.
Paris	1248,75 фр.	18,25 фр.
Orléans	961,25 фр.	131,25 фр.
Marseille	562,50 фр.	482,50 фр. ⁴

Потерю, понесенную капиталистами на железнодорожных бумагах, определяли в 488 308 500 франков⁵. Безусловно, к этому еще надо добавить потери мелких держателей акций, которые не входят в вышеуказанную цифру.

Правительство июльской монархии не могло в это время дать новые миллионы для спасения железнодорожных акционерных компаний. Неурожай 1845—1846 годов заставили увеличить ввоз аграрного хлеба и других продуктов.

Начиная с 1845 года, увеличивается ввоз сельскохозяйственных продуктов:

В 1845 г.	ввезено на	187,6 млн. франков.
В 1846 г.	»	» 254,0 »
В 1847 г.	»	» 364,4 »

Отсюда видно, что в 1847 году по сравнению с 1845 годом почти в два раза увеличился расход на импорт продовольствия.

¹ Lavasseur. Histoire du Commerce v. II, 1911, p. 205.

² Lescur J. Des crises générales et périodiques, 1923, p. 20.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ Там же, стр. 23.

¹ «La Réforme», 9.X.1847

² «La Réforme», 10.X.1847.

³ Маркс и Энгельс Т. XI, ч. I, изд. 1933, стр. 57.

⁴ Там же, изд. 1933, стр. 53

Это приводит к огромному снижению золотого запаса в французском банке. Чтобы увеличить доходы банка, кучки финансистов, в январе 1847 года правительство повышает учетный процент, кроме того, русский царь Николай I купил во Франции на 50 млн франков французской ренты. В результате золотой запас поднялся 16 марта с 78 млн. франков до 110 млн. франков, а в декабре 1847 года — до 170 млн. франков¹.

Но положение во Франции не улучшилось. Кризис постепенно охватывал все стороны хозяйственной жизни страны. Кризис на внешнем рынке толкал фабрикантов и крупных торговцев на внутренний рынок. «Они, — пишет Маркс, — основали крупные фирмы, конкуренция которых массами разоряла мелких бакалейщиков и лавочников. Этим объясняются многочисленные банкротства этой части парижской буржуазии и революционное поведение ее в февральские дни»². Газета мелкобуржуазных демократов «Реформа» большое внимание уделяет банкротствам мелкой буржуазии. Систематически печатаются сведения о банкротствах, объявленных судом Сены, которые распределяются по месяцам в 1847 году следующим образом:

Январь	109
Февраль	84
Март	107
Апрель	127
Май	130
Июнь	82
Всего банкротств за 6 месяцев ³	639

Таким образом, происходит нарастание банкротств и некоторое снижение в июне. Почти каждый день в «Реформе» появляются объявления о банкротствах. В июле даны сведения о 88 банкротствах в Париже⁴. Характерен состав обанкротившихся. Из 88 случаев: 34 торговца, 10 мануфактуристов и фабрикантов (преимущественно производства по изготовлению предметов потребления — тканей, шляп, мехов, пуговиц и т. д.), мелких предпринимателей — 36 человек (здесь огромное разнообразие профессий — портные, шорники, ювелиры, часовщики), 2 крупных компании (одна из них — общество для торговли с Мадридом тканями и новинками).

О тяжелом положении парижской торговли и массовом банкротстве свидетельствует доклад председателя торговой палаты Бертрана (Bertrand). По его словам, с 1 августа 1846 года до 31 июля 1847 года было объявлено 1139 банкротств, и задолжен-

ность торговцев составляла 68 474 803 франка. В предшествующий год банкротств было только 831, и пассив — 48 342 529 франков¹. Приведенные в «Реформе» факты банкротств в Париже с июля 1847 года по март 1848 года имеют следующие показатели:

Банкротства, объявленные в Париже с 1/VII. 1847 г. по март 1848 г.

Название месяца	Всего банкротств	Торговцев	Мануфактуристов и фабрик	Компаний и обществ	Мелких предпрятий	Прочих
Июль	91	34	11	2	36	8
Август	84	38	12	2	26	6
Сентябрь	98	47	6	4	38	3
Октябрь	95	42	9	4	32	8
Ноябрь	104	51	10	5	30	8
Декабрь	98	40	6	4	37	11
Январь	82	31	5	1	38	7
Февраль	67	23	2	1	33	8
Всего . . .	719	306 42,5%	61 8,5%	23 3,2%	270 37,5%	592 8,3%

Наибольшее число банкротств падает на последние месяцы 1847 года (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь) и январь 1848 года, т. е. канун февральской революции. Причем разоряются главным образом мелкие торговцы (42,5%) и мелкие предприниматели (37,5%). В ноябре банкротства достигли в столице высшей цифры — 104, около половины (51 человек) — торговцы. «Реформа» отмечает, что с каждым днем увеличивается число банкротств: «Вчера насчитывали 8 заявлений о банкротстве, сегодня — 9»³. Торговый мир, заявляет газета, с тревогой смотрит на приближение предстоящих сроков платежа — 31 декабря и 15 января⁴. Кризис производит свое разрушительное действие и в провинции. Банкротства происходят в Эльзасе, в Мюлузе (Moulhouse), в Танне (Thanne). В Танне торговый дом Дюбри и К° (Dubrit C°), связанный с хлопчатобумажной промышленностью, объявил о прекраще-

¹ Lescur J Des crises générales., p 20

² Маркс и Энгельс, т. VIII, 1930, стр 8

³ «La Réforme» 2 VII 1847

⁴ Сводка сделана за июль 1847 по «La Réforme».

¹ «La Réforme» 30.VIII.1847 г

² Сводка сделана на основании публикаций «La Réforme» с 1 VII 1847 г. по 1.III 1848 г

³ «La Réforme» 26 XI 1847

⁴ Там же 26 XI.1847

нии платежей¹. Это вызвало, как сообщает «Реформа», огромное волнение среди всех слоев населения. Предприниматели Дюбри и К° сперва сократили работу наполовину, потом заявили, что прекратят работу, как только будет использовано все сырье. Между тем сделалось известным, что предприниматели могут продолжать работу, но они боятся, что не получают кредитов. На предприятях Дюбри и К° было занято свыше 12 тысяч рабочих². В связи с массовым разорением финансовые и деловые круги охватывает паника, начинаются самоубийства и бегства банкиров. «Реформа» сообщает о попытке к самоубийству банкира Б. — бросился под поезд, ему сломало ноги. Этот банкир, повидимому, близок к биржевым кругам, так как газета отмечает, что эта новость произвела большое впечатление на бирже³. Из Лаона (Laon) банкир Клержо (Clerjot) пытался бежать, но был задержан жандармами⁴. Печатаемая сообщение о продолжающихся банкротствах в Дуэ (Douai), газета «Реформа» иронически замечает, что это «доказательство все увеличивающегося благосостояния», о котором говорил король в тронной речи⁵. Многие провинциальные банки прекратили свои платежи. Это вызвало банкротство одного из крупнейших французских банков — «Торгового и промышленного банка» (Caisse du Commerce et de l'Industrie)⁶. Он был основан в феврале 1830 года в форме акционерного общества. В феврале, уже накануне революции, происходит крах Гаврского банка (Banque Commercial du Havre). Была создана комиссия из мэра Гавра, председателя торговой палаты и торгового суда для поездки в Париж, чтобы достать средства для возобновления деятельности банка.

Общее число банкротств, начиная с 1845 года, по всей Франции непрерывно увеличивается.

Банкротства:

1845 г. — 3447

1846 г. — 3795

1847 г. — 4762

1848 г. — 3541⁷

Наибольшее число банкротств происходит в 1847 году, в 1848 году незначительное уменьшение. Банкротства нанесли тяжелый урон городской мелкой буржуазии. В то же время за счет разорения мелкой и части средней буржуазии обогащались крупные буржуа.

В связи с затруднениями в области торговли, разорением мелкой буржуазии происходит резкое уменьшение вкладов в сберегательных кассах. Движение вкладов в сберегательных кассах Парижа и департаментах отражает это положение. Уже в июле 1847 года сберегательные кассы Парижа получили вкладов в первом семестре меньше на 2 476 009 франков, чем в 1846 году¹ за тот же самый период, а выдача за это время была на 4 863 000 франков больше. Различие с прошлым годом выразилось в крупной сумме 7 339 000 франков².

Как изменились операции сберегательных касс в столице с июня 1847 до февральских дней 1848 г., показывают следующие данные:

Движение вкладов в сберегательных кассах Парижа

Число по месяцам	Вклады	Выдача
(Сведения даны за предыдущую неделю)		
27—28 июня	462,445 франков	807,429 фр. 39 с.
29—30 августа	496,034 »	653,845 » 35 »
19—20 сентября	436,101 »	677,633 » 74 »
31 октября, 1 ноября	531,110 »	629,903 » 47 »
28—29 ноября	526,682 »	547,530 » 26 »
26—27 декабря	416,033 »	842,610 » 50 »
23—24 января 1848 г.	781,499 »	654,201 » 59 »
20—21 февраля 1848 г.	397,154 »	635,973 » 40 » ³

Приведенные цифры говорят об огромном преобладании выплаты, особенно по некоторым месяцам. Резко выделяются июнь, август, декабрь 1847 года и февраль 1848 года. В июне и декабре выплата превышает вклады почти в два раза. В январе 1848 года увеличились взносы в сберегательные кассы (см. таблицу вкладов). «Moniteur Universel» — правительственная газета — в связи с этим написала, что это свидетельствует о процветании народных масс во Франции⁴. «Реформа» же, опровергая эти выводы, указывала, что январь является благоприятным месяцем для роста вкладов (в январе сроки выплаты платежей кредиторами). Кроме того, один из корреспондентов «Реформы» указывал, что это явление к тому же не распространяется на провинцию.

¹ «La Réforme» 31.XII.1847.

² Там же. 7.I.1848.

³ Там же. 20.I.1848.

⁴ Там же. 27.I.1848.

⁵ Там же. 5.II.1848.

⁶ L a v a s s e u r. Histoire du Commerce. v. II, 1911, p. 214.

⁷ Block Statistique de la France, v. II, ed. 2, p. 281.

¹ «La Réforme» 18.VIII.1847.

² Там же. 25.VII.1847.

³ Составлена на основании выборочных данных из «Moniteur Universel» за 29.VI.1847, 31.VIII.1847, 21.IX.1847, «La Réforme» 2—3.X.1847, 22.II.1848, «Moniteur Universel» 30.XI.1847, 29.XII.1847, 25.I.1848.

⁴ «Moniteur Universel» 25.I.1848.

В департаментах последние месяцы июльской монархии представляют настоящее «опустошение» сберегательных касс. Характерно, что «*Moniteur Universel*» не дает сведений по департаментам, зато они в изобилии печатаются в оппозиционной «*Реформе*». С ноября 1847 года выдача денег преобладала над вкладами по ряду провинциальных городов.

Движение вкладов в сберегательных кассах

Город Гренобль ¹			Город Страсбург ²		
Месяц	Вклады	Выдача	Месяц	Вклады	Выдача
Конец ноября 1847 г.	11 176 франков	13 090 франков	Конец ноября 1847 г.	46 735 франков 60 сент	70 202 франков
Начало декабря 1847 г.	6 743 франков	6 917 франков 90 сент	—	—	—
Середина декабря 1848 г.	7 397 франков	12 126 франков 64 сент.	Середина декабря 1847 г.	18 516 франков	25 855 франков 18 сент
Начало января 1848 г.	10 013 франков	23 194 франков 05 сент	—	—	—

В Гренобле и в Страсбурге вклады значительно меньше, чем выплата, а в январе в Гренобле изъятие вкладов почти в два раза больше взносов. Еще более яркая картина в этом отношении наблюдается в Седане, Ренне и Байонне.

Движение вкладов в сберкассах в Ренне и Байонне

Ренн (Rennes) ³			Байонн (Bayonne) ⁴		
Месяц	Вклады	Выдача	Месяц	Вклады	Выдача
Конец ноября 1847 г.	14 042 франков	19 483 франков	Начало декабря 1847 г.	6 000 франков	7 757 франков
Начало декабря 1847 г.	5 774 франков	17 450 франков	Конец декабря 1847 г.	6 330 франков	27 569 франков 18 сент.
—	—	—	Середина января 1848 г.	11 686 франков	23 958 франков 79 сент

¹ «*La Réforme*» 27 XI.1847; 4.XII.1847; 11 XII 1847; 2 I 1848.

² Там же, 26 XI 1847, 28 XI 1847; 11.XII.1847.

³ Там же, 27 XI.1847, 4 XII 1847

⁴ Там же, 4 XII 1847, 27 XII 1847, 12 I.1848

Движение вкладов в Седане¹

Месяц и год	Вклады	Выдача
Конец ноября 1847 г	3 067 франков	10 847 фр. 62 сент
Начало декабря 1847 г	3 930 фр 40 сент.	5 862 фр. 36 сент

Таким образом, в ноябре в Ренне и в Седане выдача денег в три раза превышает взносы, а в Байонне, в конце декабря 1847 года, в четыре раза. Аналогичное состояние сберегательных касс в Фекане, Вердене, Дижоне, Рубэ². «*Реформа*» 29 декабря 1847 года, на другой день после тронной речи короля, где ничего не говорилось о тяжелом положении страны, в качестве иллюстрации помещает сведения о быстром уменьшении вкладов.

В Безансоне сберегательные кассы получили вклады на 8 558 фр. сент и выдали 16 417 фр 18 сент. — это хорошее доказательство «*bien être*» (благополучия), о котором говорит тронная речь короля³.

«Опустошение» сберегательных касс, естественно, отразилось состоянии финансов во Франции. Состояние финансов Франции 1847—1848 годах ясно видно из положения дел французского ка

Цифры годовых учетов французского банка и движение вкладов в сберегательных кассах (в млн. франков)

Годы	Общая сумма вкладов в сберегательных кассах	Учет коммерческих векселей	Дивиденд на акции
1845	15,097	1,004	133
1846	14,868	1,191	159
1847	14,214	1,139	177
1848	11,277	693	175
1849	11,099	258	106
1850	11,553	241	1014

¹ «*La Réforme*» 26 XI 1847, 3 XII 1847

² Там же, 3 XII 1847, 10 XII.1847

³ Там же, 29 XII 1847

⁴ Block Statistique de la France, v II, p. 272, ed 2

Движение вкладов в сберегательных кассах показывает особенно сильное уменьшение вкладов в 1848 году, которое снижается по сравнению с 1846 годом на 24,1 процента. В 1848 году падает по сравнению с 1847 годом на 50 процентов учет коммерческих векселей, а прибыль на акции падает на 57,4 процента. Интересно, что в 1847 году по вкладам мы наблюдаем некоторое снижение по сравнению с 1846 годом, но учет векселей и прибыль на акции еще довольно значительно растут. Это связано, как мы увидим ниже, с некоторым подъемом в 1847 году в тяжелой промышленности. В то же время актив Французского банка в связи с ухудшением торговых дел, с банкротствами падает именно в 1847 году по сравнению с предыдущим годом на 41,27 процента, это указывает, что финансовые дела Франции уже переживали тяжелое состояние.

Резко падают ценные государственные бумаги. Курс процентной государственной ренты отражает общее состояние финансов и глубину денежного кризиса в 1847—1848 годах.

Курс 3-процентной ренты (франк)

Дата	Высший	Низший
1845	86,40 (20/V)	80,90 (15/XII)
1846	85,00 (28/II)	80,40 (31/XII)
1847	80,20 (2/I)	74,65 (16/IX)
1848	75,20 (3/I)	32,50 (5/IV)
1849	58,50 (5/V)	44,70 (29/I)
1850	58,80 (5/VII)	53,90 (1/V) ¹

Данные таблицы говорят о том, что кризис в 1847 году в самом разгаре. Падение ценных бумаг продолжалось и в 1848 и 1849 годах. Подведем некоторые итоги:

а) Наибольшее количество банкротств (по приведенным частичным материалам) из трех сравниваемых лет (1846, 1847, 1848) приходится на 1847 год.

б) Во второй половине 1847 года большинство банкротств в Париже (по сведениям «Реформы») происходит в октябре, ноябре и декабре.

в) Напечатанные в «Реформе» объявления о банкротствах касаются, главным образом, торговцев и мелких предпринимателей. Это подтверждает слова Маркса относительно перехода

мелких торговцев и фабрикантов на внутренний рынок в связи с общеевропейским кризисом. Конкуренция на внутреннем рынке привела к массовому разорению мелких лавочников и предпринимателей.

г) Движение вкладов в сберегательных кассах Парижа показывает, по сведениям газет «Реформа» и «Монитор», превышение выплаты в июне, августе, сентябре, ноябре, декабре 1847 года и феврале 1848 года; в департаментах — особенно в декабре 1847 года и январе 1848 года. Рост требований о выдаче денег означает ухудшение дел в торговле и промышленности и недоверие к существующему правительству. В последние месяцы 1847 года и в начале 1848 года эти два момента, очевидно, сливаются, что и могло привести, например по провинциальным городам, как Ренн (Rennes), к превышению выплаты в три раза.

Характерно, что в период кризиса 1847—1848 годов уже имеются тенденции к объединениям в промышленности и торговле. Попытки объединения носят самый разнообразный характер. Так, в июле в печати появилось сообщение о том, что довольно значительное число промышленников и землевладельцев центральной Франции решило объединиться. Они ставили своей целью «изучение и защиту торговли и земледелия на западе Франции», но Дюшатель — министр внутренних дел — запретил объединение под предлогом, что это «может уничтожить однородность национального чувства»¹. Фактов запрещений объединений очень мало, обычно правительство июльской монархии, выражая интересы крупной финансовой и промышленной буржуазии, охотно отверждало эти общества. Так, по разрешению правительства образована компания в г. Ниор Niort Deux sévres, объединяющая сталелитейные заводы *Compagnie de la fonderie de Niort*, утверждает закон, по докладу министра торговли, общество по добыче каменного угля «*Société de la houillères de Layonnet Loire*»². «Реформа», на основании сведений из Северного департамента, пишет о «монопольной лихорадке», которая охватывает предпринимателей. Компания по строительству железных дорог Севера (du Nord) строит в Брюэ (Bruai) доменную печь³. Имеются сведения, что Ротшильд собирается в департаменте Севера купить ряд промышленных и торговых предприятий, чтобы создать мощные объединения. «Реформа» заканчивает свою заметку ядовитыми словами: «Смело, г. Ротшильд, используйте «laissez faire», в то время как народ страдает, вы обогащаетесь и добавляете сокровища к вашей миллионной короне»⁴. Так же имеются сообщения с юга Франции о том, что и здесь объединения, «монопольи» имеют своих приверженцев, что компания *Borin et Perier*

¹ «La Réforme» 28.VIII.1847.

² «Moniteur Universel» 11.XI.1847.

³ «La Réforme» 16.XII.1847.

⁴ Там же, 16.XII.1847.

из Марселя (предприниматели пароходного сообщения в Алжир) стремятся иметь в сѣ (подчеркнуто «La Réforme»), что необходимо для их предприятия¹. Крупные компании, пользуясь своим монопольным положением, стремятся повысить цены на свои изделия. Так, угольная компания Луары отказалась снабжать углем предприятия города Сент-Этьена, добиваясь повышения цен². Монополия угольной компании чувствуется и в городе Лионе. Вопрос об угле приобретает и там острый характер; опасаются, что это может вызвать волнения. Компания повысила цены на уголь от 17 до 18 процентов³. В Сент-Этьене разворачивается острая борьба, причем правительственные чиновники поддерживают притязания крупных промышленников. Префект департамента Луары запретил в г. Сент-Этьене всякие обсуждения действий компании. В ответ муниципальный совет Сент-Этьена заявил протест, к которому присоединились представители окружающих общин. Газета «Реформа» писала: «Мы каждый день получаем все новые и новые протесты против самоуправства угольной компании». Кроме того, в газету были присланы протоколы из общин: Valbenoit, Baur-Argental, Saint-Genest, Lerpt с протестами против монополистов угольной компании. «Эти единогласные протесты неужели не откроют глаза министру? — спрашивает «Реформа» и продолжает: — К несчастью нельзя на это надеяться»⁴. В Сент-Этьене составили комиссию из муниципальных советников и других влиятельных лиц для борьбы с угольной компанией⁵. В городе Rive de Giers была написана петиция, подписанная 175 промышленниками, «против нахальства компании и ее преувеличенных претензий»⁶. Угольная компания Сент-Этьена захватила в свои руки не только угольные богатства Луары, она стремилась также иметь в своих руках транспортные пути — сообщается о ее стремлении приобрести железную дорогу от Сент-Этьена до Лиона. Положение в Сент-Этьене сделалось настолько серьезным, что правительство вынуждено было послать туда королевского прокурора, но, конечно, вопрос был решен в пользу магнатов угольной компании⁷. Естественно, что такие факты еще более озлобляли мелкую и среднюю буржуазию Франции и толкали ее на революционный путь. Разорение мелких предприятий в связи с конкуренцией и всевластием крупных объединений усиливало еще больше обстановкой кризиса. Денежный и торговый кризис во Франции переплетается с промышленным. Быстрое развитие железнодорожного строительства вызывает увеличение металлур-

гической промышленности. Растет число машиностроительных предприятий, заводов по выплавке стали, железа, чугуна. Строятся новые и расширяются старые металлургические предприятия. В 1846 году предприниматель Гайондж открыл отделение с тремя доменными печами в Форбахе. В Деказвиле и Крезе восстановили свою работу потушенные доменные печи. В Монлюсоне доменные печи увеличили свою продукцию в четыре раза. В Денен (Denain) производство железа и стали увеличилось с 6 до 12 тыс. тонн. В Пон-Одемере начали изготовлять рельсы, в Комментри построили колоссальный для того времени завод с шестью доменными печами¹. Выплавка стали, чугуна и железа распределялась до годам следующим образом:

Таблица выплавки стали, чугуна, железа

Годы	Выплавка чугуна в центнерах	Выплавка стали в центнерах	Выплавка железа в центнерах
1845	4 389 690	123 730	3 422 620
1846	5 223 850	129 540	3 601 900
1847	6 015 902	104 504	5 147 310
1848	4 724 429	63 085	3 742 198
1849	4 141 958	88 391	3 407 320
1850	4 156 531	89 316	3 620 603 ²

Добыча и потребление каменного угля (в квинт.)

Годы	Добыча	Потребление
1844	37 827 000	54 858 000
1847	51 532 046	76 488 000
1848	40 004 300	60 952 000
1849	40 492 183	72 252 000 ³

¹ «La Réforme» 28 VIII.1847.

² Там же, 31.VIII.1847.

³ Там же, 20.XII.1847.

⁴ Там же, 1.XII.1847.

⁵ Там же, 26 I.1848.

⁶ Там же, 27 I.1848.

⁷ Там же, 9.II.1848.

На основании этих цифр можно установить, что, начиная с 1845 года до 1847 года, идет рост выплавки металлов. Наивысшая выплавка в 1847 году; кризис в тяжелой промышленности начи-

¹ Lescur. Des crises générales et périodiques, 1923, p. 20—21.

² Block Statistique de la France, v. II, P. 182, 184, 187, ed. I.

³ Там же, стр. 181.

нается в 1848 году, причем происходит быстрое снижение по сравнению с 1847 годом: выплавка чугуна упала на 21,5 процента, стали на 39,5 процента, железа на 23,5 процента. Больше всего снизилась выплавка стали — почти на 40 процентов, выработка рельсов уменьшилась почти на 50 процентов¹. Точно такая же картина наблюдается с добычей и потреблением каменного угля. В 1847 году происходит рост добычи и потребления каменного угля, а в 1848 году сильное снижение.

Интересны сведения относительно количества паровых машин во Франции. Число машин не уменьшается в период кризиса, а, наоборот, показывает значительный рост.

Число машин во Франции

Годы	Число машин	Мощность в л/с
1845	4 114	50 187
1846	4 395	54 467
1847	5 853	61 630
1848	5 212	64 789
1849	4 939	61 522
1850	5 322	66 642 ²

В 1847 и 1848 годах продолжается, как видно из таблицы, увеличение применения машин, несмотря на сокращение выплавки чугуна и стали. Повидимому, часть машин привозили из-за границы. В 1849 году происходит известное сокращение количества машин; очевидно уменьшение выплавки чугуна, стали и железа в предшествующие годы отразилось на машиностроительной промышленности. В 1848 году металлургическая промышленность уменьшает выработку своей продукции. В начале кризиса промышленность, например, департамента Pas de Calais мало пострадала. Предприятия по производству масел (fabrication du huiles) и 12 мастерских по литью и строительству машин в ряде округов сохранили большую часть своих рабочих. Это объясняется тем, что здесь было 180 металлургических заводов, которым они сбывали свою продукцию. В начале 1848 года происходит значительное снижение их производства³. Вокруг Abbeville (Picardie) было сильно развито слесарное производство, особенно

в кантонах Moyvenneville, Gamaches, Saint-Valery, Ault — выпущали продукции на сумму около 4 миллионов франков. В 1848 г. (март—апрель) большинство предприятий здесь закрывается. Многие рабочие вынуждены были идти нищенствовать в соседние деревни¹. Около г. Сент-Этьена промышленность изготавливала ленты, бархат. Кроме того, здесь находилась значительная металлургическая промышленность. Выпущенная продукция исчислялась в сумме 110—120 млн. франков, рабочих было 80—85 тысяч. В течение кризиса эти цифры снизились до $\frac{2}{3}$ ².

Металлургические заводы Niederbronn, скобяные производства Mosheim et Lornhoff, заводы механических конструкций Jklich et Strasbourg, на которых работало около 6 тысяч рабочих, не находили сбыта своим товарам и сразу уменьшили свою производительность. Металлургические заводы Haut-Magne также пострадали от кризиса, так как строительство железных дорог отложили. На ярмарке в Безансоне, где продавали тысячи тонн железа, не продали в 1848 году ни одной тонны³. Фабрики стальных изделий Thiers et Clermont-Ferrand не могли дать работу и 4 тысячам рабочих, вместо прежних 20 тысяч⁴. Таким образом, металлургическая промышленность, в которой наблюдался в 1847 году известный подъем, в 1848 году испытывает резкое сокращение производства. В текстильной промышленности кризис начался раньше, чем в металлургической, то есть в 1847 году, в 1848 году он продолжался. На севере Франции сосредоточена большая часть промышленных предприятий, в том числе текстильных. В Лилле, главном центре департамента Севера, находится хлопчатобумажная, льняная и тюлевая промышленность. Производство в этом городе снизилось, в продолжение кризиса, более чем наполовину по сравнению с предшествующими годами. Жестоко ударил кризис и по шерстяной промышленности. В Tourcoing et Roubaix, главных городах шерстяной промышленности, большинство предприятий прекратило работу. В результате из 12 тысяч рабочих около 8 тысяч были уволены⁵. В магазинах г. Рубэ скопилось огромное количество непроданных тканей. В марте, апреле, мае 1848 года произведена одна треть продукции, выпускаемой в эти же месяцы в 1847 году. Опустошительному влиянию кризиса подверглась промышленность Верхнего Рейна. В Мюлузе на большинстве предприятий рабочий день сокращен наполовину⁶.

В департаменте Соммы, где развита хлопчатобумажная, шерстяная и льняная промышленность, работало около 142 тысяч ра-

Audiganne L'Industrie française depuis la révolution de février, p. 10.

Там же, стр. 14.

Там же, стр. 16.

Там же, стр. 19.

Там же, стр. 13.

Там же, стр. 13.

¹ Lescur. Des crises générales et périodiques, 1923, p. 31.

² Block Statistique de la France, v. II, ed. II, p. 139.

³ Audiganne. L'Industrie française depuis la révolution de février. Paris. 1849, p. 9, 10.

бочих; в результате кризиса предприятия прекратили совсем работу или сократили на одну треть¹. Такая же картина наблюдается в Руане и его окрестностях, где изготовляли ткани не только на внутренний, но и на внешний рынок.

Кружевная промышленность г. Кэн, в которой даже в 1847 году работало более 50 тысяч рабочих, то есть больше одной восьмой населения, — почти совсем прекратила свое существование².

В восточной Франции, в Реймсе, закрылись за март, апрель и май 1848 года огромные шерстепрядильни. Фактов закрытия предприятий можно было бы привести огромное количество. В связи с закрытием текстильных предприятий сокращается и потребление сырья. Цифры импорта хлопка, льна и шерсти показывают снижение в 1847 и 1848 годах.

Таблица ввоза хлопка

Годы	Килограммов
1845	60 758 000
1846	64 222 000
1847	45 522 000
1848	44 909 142
1849	64 164 486
1850	59 484 194 ³

Уменьшение ввоза хлопка начинается в 1847 году. Причем потребление хлопка падает, по сравнению с 1846 годом, на 29,1 процента, а в 1848 году, по сравнению с 1847 годом, на 1,1 процента. Итак, основное сокращение происходит в 1847 году. Очевидно кризис в хлопчатобумажной промышленности начинается в 1847 году и продолжается в 1848 году.

Таблица ввоза льна и конопли

Годы	Килограммов	Франков
1845	14 569 000	—
1846	16 869 000	—
1847	13 911 584	17 264 605
1848	8 535 253	7 681 728
1849	17 678 991	17 678 991
1850	17 852 867	17 852 867 ⁵

Аналогичную картину относительно импорта мы видим также шерсти и шелку.

Таблица импорта и экспорта шерсти

Годы	Импорт килограммов	Франков	Экспорт килограммов	Франков
1845	21 408 000 ¹	—	—	—
1846	18 463 000	—	—	—
1847	15 628 776	30 358 027	20 057	80 268
1848	9 429 982	13 581 960	22 838	79 933
1849	21 796 110	39 980 689	18 849	61 469
1850	22 441 506	46 971 220	33 547	109 158 ²

Как видно из таблицы, сокращение ввоза шерсти начинается в 1847 году, снижение на 15,4 процента по сравнению с 1846 годом, а в 1848 году уменьшение импорта на 39,8 процента сравнительно с 1847 годом.

Таблица импорта и экспорта сырья-шелка

Годы	Шелк мулине импорт	Шелк мулине экспорт	Шерсть-сырец	
			Импорт	Экспорт
1847	34 517 780	1 979 220	26 236 035	20 080
1848	15 427 750	9 608 520	8 348 486	552 060
1849	42 088 338	3 386 305	33 887 146	82 399
1850	42 132 056	3 709 768	42 337 353	269 129 ³

Ввоз сырья для шелковой промышленности особенно сильно сократился в 1848 году по сравнению с 1847 годом — шелк-сырец на 68,1 процента, а шелк-мулине на 55,3 процента. Экспорт же сырья, наоборот, увеличивается: очевидно по мере уменьшения внутреннего потребления усиливается вывоз за границу. Падение общего импорта в 1847 году, в период кризиса, ясно видно из уменьшения ввозных пошлин на товары.

¹ Audiganne L'Industrie française depuis la révolution de février,

² Там же, стр. 13.

³ Block Statistique de la France, v. II, p. 134.

⁴ «Moniteur Universel», 13.X.1847.

⁵ Block Statistique de la France, v. II, p. 134, ed. I.

¹ «Moniteur Universel», 13.IX.1847.

² Block Statistique de la France, v. II, ed. I, p. 141.

³ Там же, стр. 152.

Таможенные доходы от импорта главных товаров Франции
(1845—1846—1847 гг. по месяцам)

Месяцы	1847 г. франков	1846 г. франков	1845 г. франков
Январь	9 797 362	10 282 838	11 360 029
Февраль	11 141 576	13 044 571	11 468 381
Март	12 030 657	12 355 628	11 470 219
Апрель	10 750 672	12 725 150	12 978 412
Май	11 056 245	13 117 984	14 017 647
Июнь	11 180 163	12 612 579	14 657 326
Июль	11 507 483	12 957 914	12 837 639 ¹
Август	11 527 201	12 920 410	12 413 503
Сентябрь	10 855 940	13 839 732	12 088 980
Октябрь	12 036 084	14 055 655	14 398 465
Ноябрь	11 690 169	13 192 924	11 748 679
Декабрь	10 544 178	12 315 523	12 134 791 ¹

Наименьший ввоз товаров происходит в январе. Пошлины в этот месяц ниже, чем в другие месяцы по всем годам. Из цифр видно, что из трех сравниваемых лет наиболее низкая сумма в 1847 году. Снижение в 1847 году на 1 562 757 франков сравнительно с 1845 годом и на 1 023 467 франков, сравнивая с 1846 годом. Самый высокий ввоз (судя по ввозным пошлинам) приходится на октябрь, и в этот месяц гораздо большая разница в сумме сборов — на 2 362 381 франк — между 1847 и 1846 годами². В результате сумма сборов в 1847 году падает на 19 841 238 франков по сравнению с 1846 годом.

Таким образом, кризис, уменьшая производство, сокращает импорт, снижает государственные доходы на довольно значительную сумму — за год около 20 млн. франков.

Экспорт готовых товаров претерпевает также известные изменения. В 1845 году, по сведениям «Moniteur Universel», официальная стоимость экспорта хлопчатобумажных тканей выражалась в сумме 127 700 000 франков³, а в 1847 году исчислялась в

¹ Сводная таблица по «Moniteur Universel» за 24.II.1847, 24.III.1847, 23.IV.1847, 23.V.1847, 26.VI.1847, 23.VII.1847, 24.VIII.1847, 24.IX.1847, 26.X.1847, 25.XI.1847, 25.XII.1847, 25.I.1848.

² «Moniteur Universel», 25.I.1848.

³ Там же, 4.X.1848.

9 060 402 франка¹. Заметно огромное снижение экспорта по хлопчатобумажным тканям. Правда, точную цифру установить трудно ввиду неоднородности источников. Экспорт шерстяных тканей выражался в 1845 году в сумме 104 900 000 франков², в 1847 году — 50 993 750 франков³. Итак, экспорт также снижается в связи с сокращением производства во Франции и общеевропейским кризисом.

Всеобщая торговля Франции, т. е. торговля на французском рынке с иностранными государствами, так же как импорт и экспорт отдельных товаров, показывает общее снижение. Особенно большое падение импорта во всеобщей торговле: в 1848 году, по сравнению с 1847 годом, на 36,6 процента, а по специальной торговле (внутренний рынок) — на 23,1 процента; по экспорту в 1848 году небольшое увеличение, по специальной торговле незначительное уменьшение⁴.

Таким образом, в области промышленности, в период кризиса 1847—1848 годов происходит следующее:

а) Крупные предприниматели стремятся к созданию объединений. Компании стараются захватить в свои руки или строят другие предприятия — например, угольные компании захватывают транспорт, компании железных дорог строят доменные печи и т. д. Капиталисты используют объединения для повышения цен на свои товары (например, угольная компания в Сент-Этьене повышает цены на уголь на 17—18 процентов). Мелкая и средняя буржуазия разоряется, не выдерживая конкуренции, причем разорение усиливается кризисом.

б) Кризис 1847—1848 годов не сразу охватывает все отрасли промышленности. Вначале кризис проникает в текстильную промышленность, и, главным образом, в хлопчатобумажную, в 1847 году происходит снижение потребления хлопка почти на треть — на 29,1 процента. Уменьшение потребления сырья в шерстяной, льняной и шелковой промышленности начинается в 1847 году и продолжается, усиливаясь, в 1848 году.

в) В металлургической промышленности в 1847 году происходит еще подъем в выплавке чугуна, стали, железа, добыче каменного угля. В 1847 году продолжается железнодорожное строительство, но в 1848 году уже быстрое снижение в металлургической промышленности: по стали почти на 40 процентов — 39,5 процента, по железу — 23,5 процента и т. д. В 1848 году кризис в текстильной промышленности совпадает с металлургической.

г) В связи с кризисом происходит резкое сокращение импорта. Уменьшение производства сокращает ввоз сырья. Экспорт не претерпевает таких колебаний.

¹ Block Statistique de la France, v. II, ed I, v. II, p 137, 147.

² «Moniteur Universel», 7.X.1847.

³ Block Statistique de la France, v. II, ed II, p 286.

⁴ Там же.

Кризис резко уменьшает доходы государства. За первый семестр 1847 года происходит значительное уменьшение доходов государства по сравнению с 1845 и 1846 годами. В 1845 году доход за первый семестр — 75 952 014 франков

в 1846 г доход за первый семестр . . . 74 676 750 фр
в 1847 г. » » » . . . 65 956 675 фр¹

Итак, различие в первом семестре 1846 года и 1847 года исчисляется почти в 10 млн. В дальнейшем продолжается уменьшение доходов государства, об этом свидетельствуют цифры дохода за 8 месяцев:

в 1845 г за первые 8 месяцев доход . . . 101 203 153 фр
в 1846 г. » » » . . . 100 555 074 фр
в 1847 г. » » » . . . 88 991 359 фр.²

Эти данные приводит оппозиционная газета «Реформа», отмечая, что наше «процветание не прогрессивно». Уменьшаются доходы и в провинциальных городах в связи с падением торговли и кризисом в промышленности. В докладе, представленном муниципальному совету города Меца, указывается на уменьшение взносов рынка в муниципальную кассу в связи с ослаблением торговых дел. С доходов рынка ежегодно вносили от 7 500 до 8 000 франков, а в этом году сумма не достигнет даже 6 500 франков³. Об уменьшении доходов сигнализируют газеты Рейн-са: «Уменьшение доходов от городских ввозных пошлин снизилось на 50 000 франков по сравнению с последним годом»⁴.

Фабричная продукция Франции в этот период оценивалась в 2 млрд. в год, из них хлопчатобумажная, шерстяная, шелковая и льняная оценивались в 1 600 млн франков. Убыток в национальной промышленности исчислялся приблизительно в 830 млн за первые десять месяцев⁵. Эти данные требуют проверки, так как автор дает неточные показатели. Но во всяком случае снижение доходов в промышленности и торговле было значительным. На это указывает уменьшение доходов по г. Парижу (См. стр. 153).

Обычные доходы в 1848 году упали на 23 процента по сравнению с 1846 годом, а общие — на 11,8 процента. Как видим, доходы значительно сократились, а расходы уменьшились на незначительную сумму.

Несмотря на тяжелое положение с финансами, расходы государства увеличивались. Это показывает сравнительная таблица государственных расходов, правда, за 1837 и 1847 годы.

Доходы и расходы г. Парижа

Годы	Доходы в франках		Расходы в франках	
	Обычн	Всего	Обычн.	Всего
1845	46 291 366	50 369 962	32 888 648	47 292 775
1846	45 934 489	51 490 479	33 439 617	46 364 508
1847	44 591 714	51 995 192	33 633 508	61 214 366
1848	35 018 638	45 399 714	32 552 733	59 088 781
1849	42 585 513	74 683 021	37 600 371	64 128 153
1850	47 458 851	50 008 837	33 883 335	50 513 215 ¹

Рост государственных расходов в 1847 году

	1837 год	1847 год
Государственные долги и дотации . . .	347 585 763 фр.	399 421 628 фр.
Министерство юстиции и культов . . .	547 075 510 „	662 069 974 „
» иностранных дел . . .	7 222 131 „	10 120 039 „
» народного образования . . .	13 720 936 „	18 275 280 „
» внутренних дел . . .	79 489 576 „	133 330 422 „
» земледелия и торговли . . .	11 770 325 „	14 015 130 „
» обществ. работ . . .	45 810 499 „	69 474 765 „
» морских дел . . .	66 417 962 „	133 732 030 „
» военных дел . . .	230 582 531 „	349 310 957 „
» финансов . . .	24 961 754 „	24 449 520 „
Расходы по Управлению и сбору налогов . . .	121 254 807 „	154 306 363 „
Выплата и обратная отдача . . .	51 874 674 „	83 584 556 „
Экстраординарные работы . . .	17 916 703 „	177 450 425 „
Выплата Соедин. Штатам . . .	5 587 432 „	—
Всего . . .	1 078 902 491 фр.	1 629 790 850 фр. ²

¹ «La Réforme» 26 VIII 1847

² Там же

³ Там же, 4 X 1848.

⁴ Там же, 5 I 1848

⁵ Audiganne L'Industrie française depuis la révolution P 1848, p 141

¹ Block Statistique de la France, vol. II, ed. I, p. 446.

² Foucher L., *Mélanges d'économie politique et des finances* Paris 5, p 110.

Как видно из цифровых данных, значительное увеличение расходов распределяется по следующим разделам увеличивается больше чем на 50 млн. франков государственный долг (огромный и в 1837 г.), растут расходы по министерству внутренних дел на 53 840 855 франков Правительство Луи-Филиппа, для того чтобы сдерживать недовольство народных масс и оппозиционных элементов, должно было увеличивать средства на содержание полиции и шпионов Вдвое вырастают расходы по морскому министерству (отражается стремление июльской монархии к колониальным захватам) Почти на 119 млн. франков вырастают военные расходы. В десять раз увеличиваются средства на экстраординарные расходы В то же время расходы на народное образование увеличились на скромную сумму в 5 млн. франков. Рост государственных расходов значительно превышал доходы государства, и все это приводило к быстрому росту государственного долга, который ясно виден из следующей таблицы:

Государственный долг Франции.
Внутренний долг

Годы	Консолидир долг	Текущий			Всего
		Векселя	Текущий счет и депоз.	Проч. долги	
1845	5205 млн фр.	204	365	36	605
1846	5521 „ „	99	300	30	429
1847	5715 „ „	96	325	37	458
1848	5838 „ „	328	253	50	631
1849	6860 „ „	105	168	20	318
1850	4886 „ „	203	291	46	540 ¹

Глава II

Положение рабочего класса в связи с кризисом еще больше ухудшается. Закрытие промышленных предприятий, прекращение постройки железных дорог приводит к массовому увольнению рабочих. Так, на одних железных дорогах было выброшено на улицу 780 000 рабочих² «Реформа», которая, как известно, выступала в дофевральский период в союзе с пролетариатом, приводит огромные количества фактов о непрекращающемся сокра-

¹ Трахтенберг Мировые экономические кризисы 1821—1938, т III, стр 781

² Lescur Des crises générales et periodiques 1923, p 38

щении рабочих. В Трувуэ закрыли четыре главных предприятия текстильной промышленности) и уволили огромное количество рабочих на неопределенное время¹ Из Амьена сообщают, что 10 тысяч рабочих этого города находятся без работы и без хлеба². Очевидно, сокращение рабочих приобретало массовый характер. Об этом свидетельствуют сообщения в «Реформе». «В большей части наших промышленных городов нищета ужасная, и к несчастью каждый день несколько фабрик закрывают свои двери. Крупная фабрика в Анневилле (Anneville), на которой занято 1 200 рабочих, прекращает свою работу»³ Сокращение рабочих происходит в угольном бассейне реки Луары. Сент-Этьенская угольная компания производит бесцеремонное сокращение шахтеров⁴ Шахтеры обратились с петицией к правительству, но никаких в дальнейшем сведений не имеется, повидимому, она осталась без ответа. В сентябре сокращают типографских рабочих Мюлуза⁵; предвидится сокращение рабочих на строительных предприятиях в том же городе. В Танне, вследствие банкротства, уволены рабочие на трех больших предприятиях, где было занято более 2 тысяч рабочих. Безработица, голод в связи с неурожаями 1845 и 1846 годов чрезвычайно ухудшают положение рабочих. Условия труда, зарплата, жилище и питание рабочих находятся на очень низком уровне Вот яркое описание жизни лесорубов в Бретани:

«Несчастные работают то под палящим солнцем, то под проливным дождем с 4 часов утра до 8 часов вечера и получают в день 8 франков». И эта сумма распределяется в бюджете рабочего следующим образом:

На хлеб рабочий тратит 80 сант в день, 5 фр 60 сант в неделю					
На суп без соли, за- правл салом	5	»	»	35	»
На табак	5	»	»	35	»
Всего				6 фр	30 сант

Получающиеся 1 фр 70 сант. они обязаны отложить на нищенское содержание своих детей, поэтому рабочие никогда не едят мяса, пьют только воду, покрыты лохмотьями и спят в стойлах, на соломенных постелях животных⁶. Истощенные продолжительным трудом и недостаточным питанием, рабочие часто заболевают лихорадкой и другими болезнями. Таковы условия жизни лесорубов Положение рабочих в текстильной промышленности в 1847—1848 годах освещает современник, известный экономист Адольф Бланки. Он

¹ «La Réforme» 14 VII 1847.

² Там же, 15 VII 1847

³ Там же, 24 VII 1847

⁴ Там же, 4 VIII 1847.

⁵ Там же, 3 X 1847

⁶ Там же, 4 IX 1847

описывает главным образом жизнь рабочих в департаментах Нижней Сены и Севера. По его мнению, от кризиса «особенно пострадал первый департамент — более 30 тысяч рабочих вследствие сокращения попали в ужасающую нищету¹. Описывая промышленность Руана, Бланки отмечает, что большая часть ткачей и прядильщиков хлопчатобумажной промышленности живет в деревнях. В департаменте Нижняя Сена только 40 тысяч рабочих работают в крупных мастерских, остальные 110 тысяч рассеяны по деревням. Рабочие, живущие в деревнях, получали в общей сложности сумму зарплаты в 17 млн, хотя их было на 70 тысяч больше, чем городских, у которых сумма зарплаты исчислялась в 23 млн. франков². Таким образом, деревенские рабочие, связанные с ничтожной собственностью, менее культурные, разрозненные, больше эксплуатировались, чем городские рабочие, их зарплата стояла ниже необходимого минимума.

В большинстве прядилен рабочий день, по сведениям Бланки, длится 14—15 часов как для взрослых, так и для детей³. На самом деле в 40-х и 50-х годах в департаменте Нижней Сены продолжительность так называемого «действительного» рабочего дня колебалась в пределах от 13½ до 18 часов⁴.

В 1847 году правительство, учитывая революционные настроения среди рабочего класса, понимая опасность этого для июльской монархии, решило уже в канун февральской революции изменить закон 1841 года о труде. В палате пэров Дюпэн предложил для наблюдения за условиями труда создать институт платных инспекторов, установить максимум 12 часов работы для женщин, организовать надзор на всех предприятиях, где работало более 10 человек⁵. Палата начала обсуждать этот проект только 3 февраля 1848 года. Февральская революция отбросила эти жалкие попытки правительства Гизо по рабочему законодательству.

Заработная плата текстильных рабочих была чрезвычайно низка. Прядильщики, чесальщики, связывальщики мужчины и женщины зарабатывали в день от 3 франков до 50 сантимов⁶, причем высшую зарплату получало очень ограниченное количество рабочих. Насколько эта зарплата низка, видно из того, что килограмм хлеба стоил в июне 1847 года 54 сантима, а в сентябре (хлеб второго качества) — 31 сантим⁷.

Ужасны жилищные условия рабочих. В Руане, как и в других городах, имеются специальные рабочие районы, которые даже буржуазный экономист А. Бланки, неоднократно упрекающий ра-

бочих в стремлении жаловаться и восставать, называет «проклятыми клоаками»¹. По улицам рабочих предместий проходят грязные вонючие канавы. Жалкие квартиры не имеют почти никогда оконных стекол, нижние этажи настолько сыры, что стены покрыты мхом. За такую квартиру рабочие платят от 60 сантимов до 2 франков в неделю. Никакой мебели в этих домах нет, на грязном полу лежит полугнилая соломенная подстилка, на которой спят взрослые и дети. Самые маленькие дети спят на мешках из-под золь². Таковы жилища рабочих в кварталах Руана, Martenville, Saint-Vivien, Basses. Еще хуже положение рабочих департамента Севера, который имеет около миллиона жителей. В Лилле на 34 хлопчатобумажных предприятиях в феврале 1848 года работало 239 445 прядильных станков и 159 909 сучильных станков. Кризис с огромной силой ударил по этой промышленности и уже в июле 1848 года 21 555 станков работали с неполной нагрузкой — 11 часов, 43 397 работали 9 часов, 160 774 работали только 6 часов, 163 724 станка бездействовали³. Полная безработица парализовала тюлевую промышленность, сотни бедных женщин, работая по 14 часов в день, не могли заработать более 5 сантимов⁴.

Квартирные условия здесь еще хуже, чем в Руане. Главные кварталы лилльской нищеты «Saint-Sauveur, rue des Etaques» — ужасное зрелище этих квартир, — восклицает Бланки, — заставляет людей завидовать берлоге зверей». Он сам посетил дома рабочих и говорит, что никакое перо не может описать виденного. В комнатах нет никакой обстановки, очень часто дети и взрослые спят на голой земле, на остатках соломы из сурепицы, на высушенной ботве картофеля, на песке⁵. Дети, по словам Бланки, представляют жуткое зрелище: чахлые, горбатые, бледные и страшные, они бегают вокруг посетителей и просят милостыню⁶.

Тяжелое положение трудящихся подтверждается и другими фактами. Ухудшение материального положения даже несколько беспеченной части населения видно из цифр увеличения заложенных вещей в ломбардах Парижа и уменьшения выкупа заложенных вещей. Так, ломбарды Парижа в течение первых шести месяцев 1847 года, по сравнению с тем же периодом 1846 года, приняли вещей на 497 000 франков больше, а выкуп заложенных вещей уменьшился на 153 000 франков⁷. Это указывает на огромное ухудшение положения городской бедноты и мелкобуржуазных

¹ Blanqui, A. Des classes ouvrières en France. P. 1849, p. 47.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Ф. Потемкин. К социальной истории французской фабрики. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 205.

⁵ See H. Quelques aperçus sur de la condition des classes ouvrières et sur le mouvement. P. 1925, p. 17.

⁶ Blanqui, A. Des classes ouvrières en France. p. 56.

⁷ «Moniteur Universel» 1 VI 1847 et 4 IX 1847.

¹ Blanqui, Des classes ouvrières en France. Paris 1849, p. 72.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 87—88.

⁵ Там же, стр. 87—88.

⁶ Там же, стр. 98.

⁷ «La Réforme», 26 VII 1847.

элементов. То же самое показывает движение заложенных предметов в ломбардах.

Таким образом, в 1847 году на 17 процентов увеличивается количество проданных предметов в ломбарде. Кроме того, эти вещи принадлежали менее обеспеченным элементам, так как средняя стоимость их значительно ниже по сравнению с другими годами.

Движение предметов в ломбардах

Годы	Проданные предметы	Доход от продажи	Пропорция продаж и залогов	Средняя стоимость проданных товаров
1845	172 588	2 454 908 фр.	6,75%	14,22 фр
1846	192 581	2 753 903 фр	6,91 „	14,29 „
1847	236 383	3 160 028 фр	8,09 „	13,95 „
1848	162 415	2 442 298 фр.	7,34 „	15,03 „
1849	181 116	3 242 996 фр.	8,74 „	17,90 „
1850	143 475	2 178 278 фр.	6,78 „	15,08 „

Безработица, низкая заработная плата, дороговизна продуктов, холодная зима привели к повышению смертности среди трудящихся от голода и заболеваний. В Париже на улицах часто наблюдаются случаи обмороков от истощения. Сообщения такого типа пестрят на страницах «Реформы»: «Прискорбная сцена произошла вчера на улице Neuve des Petits Champs, перед домом № 95. Молодой человек 17 лет упал от истощения на тротуаре. Он был 15 дней без работы и без средств к существованию, в течение трех дней ничего не ел»².

Вопиющее положение трудящихся ярко видно, например, из следующего описания жизни рабочей семьи, состоящей из отца, матери и двух детей: «Несчастные больные находятся в самой глубокой нищете, они имеют только немного сырой соломы и покрывало из лохмотьев, для того чтобы предохранить себя от холода в лачуге, где многие из людей не захотели бы положить своих собак»³. И таких сейчас в Париже насчитывают 110 000⁴. Не лучше положение трудящихся в провинции. В риге общины de Bégles найден труп плотника-инвалида, который, не имея средств к су-

ществованию, сделался нищим и замерз по дороге»¹. Приведя это сообщение, «Реформа» замечает: «Жалкая социальная организация, которая заставляет погибать от голода и холода трудящихся инвалидов»².

В крайней бедности и нищете находятся гвоздари из департамента Арденны «Зарплаты за неделю едва достаточно для того, чтобы прокормить человека в течение дня». Можем ли мы, пишет «Реформа», жаловаться на судьбу Ирландии, когда у нас умирают люди от голода³. Тяжелое положение толкает детей, не говоря уже о взрослых, на проституцию. Дочери углекопа, девочки, из-за голода занимаются проституцией⁴, обвиняется мать, виновная в поощрении к проституции своих дочерей⁵.

К безработице, голоду, холоду прибавляется еще обычная жадность и бездушие домовладельцев. Вот один из характерных фактов: рабочий-переpletчик Жан-Август имеет жену и четырех детей; платил самым регулярным образом квартирную плату, — был грубо выброшен на улицу хозяином, потому что опоздал на восемь дней заплатить за квартиру⁶.

Отчаянность, безвыходность положения толкает часть рабочих к самоубийствам. Кончает самоубийством рабочий, проработавший у предпринимателя по изготовлению пианино в течение 30 лет, «был вежливо, — как говорит газета, — уволен»⁷. Пытается уморить себя и сына (зажег уголь) безработный рабочий⁸, выбрасывается из окна пятиэтажного дома девочка-цветочница; причина — увольнение с работы⁹.

По пауперизации населения Франция занимает в этот период второе место после Ирландии, которая известна во всем мире своим нищенством и вымиранием населения. Ирландия насчитывает 17 бедных на 100 человек населения, Франция — 15, Италия — 13 и т. д.¹⁰. Эти данные, основанные на официальной статистике правящих кругов, безусловно, уменьшают цифры пауперизации населения. Даже члены правительства вынуждены признать массовую нищету. Так, Дюпен в своем докладе, прочитанном в обществе ремесленников и фабрикантов, говорил, что 400 тысяч человек в Париже не имеют сбережений и нуждаются в самом необходимом¹¹. Правда, Дюпен пытается это объяснить наплывом рабочих в Париж из провинций.

¹ «La Réforme», 21 I 1848

² Там же, 21 I 1848

³ Там же, 4 II 1848

⁴ Там же, 27 XII 1847.

⁵ Там же, 6 XI 1847

⁶ Там же, 18 I 1848

⁷ Там же, 11 VIII 1847

⁸ Там же, 26 VII 1847

⁹ Там же, 28 IX 1847

¹⁰ Там же, 27 X 1848

¹¹ Там же, 12 IX 1848

¹ Block Statistique de la France, p. 325, v I, ed. II.

² «La Réforme» 10 XII 1847

³ Там же, 21.I.1848.

⁴ Там же.

Истощение населения, холод, отсутствие одежды приводят к массовому распространению эпидемий. Заболевания тифом, гриппом происходят во всех концах Франции: в Париже, Амьене, Лилле, Лионе, в общинах Vierzon, Saint-Florent и др.¹ Эпидемия тифа проникает в армию в Меау; в 7-м кирасирском полку умерло 20 человек². Рост заболеваний приводит к увеличению числа больных в больницах.

Количество людей в больницах и убежищах		
Годы	Число	Отношение к 10 000 насел.
1845	559,508	15,91
1846	593,112	16,85
1847	628,937	17,73
1848	655,310	18,43
1849	662,284	15,59
1850	596,843	16,71 ³

Количество больных в 1848 году по сравнению с 1846 годом увеличилось на 62 198 человек.

Рост заболеваний отражает также увеличение расходов на больничные нужды:

Расходы на больничные нужды	
1845	57 053 024 франков
1846	61 472 214 »
1847	67 242 107 »
1848	63 677 495 »
1849	61 279 177 »
1850	58 944 128 ⁴ »

Наиболее крупная сумма расходуется в 1847 году, увеличение на 5 769 883 франка. При этом необходимо учитывать, что правительство июльской монархии не было особенно щедро на расходы, связанные с улучшением положения трудящихся; увеличение расходов говорит об отчаянном положении трудящихся. Рост заболеваний вызывает увеличение смертности. В 1847 году растет смертность детей и взрослых в рабочих кварталах, снижается рождаемость. В Лионе уменьшение рождаемости от 20 до 25 про-

тов¹. Смертность в конце 1847 года, как констатирует бюллетень актов гражданского состояния Лиона, превышает рождаемость—146 умерших на 104 рождения². В январе 1848 года газеты Лиона, Страсбурга, Нанси, Меца пишут, что в их местностях наблюдается огромная смертность, больше чем когда-либо³. Движение населения в г. Танне показывает такие же факты, как и в других городах.

1846 г. — рождений	346, умерших	287, браков	60
1847 г. »	259 »	325 »	44

Велика детская смертность в Лилле: в рабочих предместьях из 100 детей до 5 лет умирает 70 человек, тогда как в Париже в богатых кварталах умирает 32 на 100 детей в возрасте до 10 лет. Средняя по Лиллю за ряд лет показывает, что умирают 59,2 на 100 рождений в первые пять лет⁴.

Сравнивая рождаемость в сельских местностях с рождаемостью в г. Лилле, статья, опубликованная в «Реформе», называет такие цифры превышения рождений над смертностью для сельских местностей: округ d'Avesne — 695, Douai — 404, для Tourcoing — 100 и не более 51 человека для г. Лилля. А в третьем округе этого города цифры умерших в 1844—1846 годах превосходили намно- число родившихся⁵. За 1847 год нет сведений по третьему округу, очевидно, что смертность еще больше увеличилась в этот год без- ботицы и голода. Смертность же по двенадцатому округу Па- риза превосходит все вышеуказанные показатели: по улице Buffetard (12 окр.)—93,8 умирает до 5 лет на 100 родившихся⁶. Эти цифры показывают вымирание населения в пролетарских квар- талах. Движение населения в Париже также показывает увеличе- ние смертности и уменьшение рождаемости. По сравнению с 1845 и 1846 годами в 1847 году рождаемость значительно ниже, смерт- ность выше и меньше число браков.

Движение населения в Париже

Годы	Рождений	Смертность	Браки
1845	32.905	26.156	10.284
1846	33.383	28.595	10.031
1847	32.750	30.920	8.457
1848	32.891	30.098	8.796
1849	30.141	48.122	8.816
1850	31.116	25.852	10.643 ⁷

«La Réforme», 13 IX.1847.

Там же, 22.XII.1847.

Там же, 18 I.1848.

Там же, 23 I.1848.

Там же, 15 II.1848.

Там же.

Block Statistique de la France, v. II, p. 444, ed. II.

¹ «La Réforme», 26.I.1848.

² Там же.

³ Block Statistique de la France, v. I, ed. I, p. 276.

⁴ Там же, стр. 274.

В Париже падение рождаемости, начавшись в 1847 году, продолжается в 1849 и 1850 годах, а смертность увеличивается. Такие же факты наблюдаются и по всей Франции, — наивысшая смертность и самая низкая рождаемость в 1847 году по сравнению с 1846 годом.

Таким образом, в 1847 году наименьший прирост населения, который катастрофически упал почти в три раза по сравнению с 1846 годом. Это объясняется последствиями неурожая 1845—1846 года, а также торгово-промышленным кризисом 1847 года.

Тяжелое положение толкало народные массы на выступления против правительства. В июне, июле, августе происходят выступления в связи с дороговизной и недостатком хлеба. Общеизвестен факт о голодном бунте в Бюзансе (департамент Эндр), где были убиты два богатых землевладельца, известные в народе как хлебные ростовщики. За это убийство правительство сурово расправилось с участниками бунта: 5 человек было казнено, 4 человека приговорены к пожизненной каторге, 18 человек к каторжным работам. Суровая расправа не прекратила народных выступлений. В 1847 году намечались благоприятные виды на урожай, в связи с этим снижаются средние цены на гектолитр зерна. Происходит довольно значительное снижение цен: май—37,98 сант., июнь—33,52 сант., июль—28,40 сант., август—23,59 сант., сентябрь—первые пятнадцать дней—22,53 сант.¹

В то же время спекуляция зерном и хлебом продолжается. Газета «Реформа» чрезвычайно возмущается спекуляциями, особенно банкира Ротшильда, которые она называет «патриотическими спекуляциями банкира и филантропа Ротшильда». В «Реформе» приводятся факты о том, что в г. Нанте не хватает хлеба, а Ротшильд из этого города вывозит хлеб в Англию (вывезено 15 000 гектолитров пшеницы и 10 000 боченков муки). Точно так же из Гавра, где цена на хлеб повышается, переслали в Англию от 7 до 8 тысяч боченков муки и от 12 000 до 15 000 гектолитров зерна². Вздорожание вызывает ряд выступлений в связи с дороговизной и спекуляцией. В июле месяце, по сведениям «Реформы», происходят выступления в Танне³, Мюлузе⁴, Силле-ле-Гиллем⁵ (Sillé-Le-Guillaume), Гебвилле⁶ (Gaibville), в Лилле⁷, Шаренте⁸ (Charente). Причем эти сведения не исчерпывают всех народных волнений в июле. Наиболее яркое выступление произошло в Мюльгаузене. По сообщению «Courrier D'Alsace», в Мюльгаузене была организована рабочими машиностроительной промышленности мирная манифестация (будто бы она была разрешена даже хозяевами).

Рабочие, человек около 400, явились к городской ратуше в субботу утром, чтобы потребовать снижения цен на хлеб. К полудню толпа увеличилась, так как пришли рабочие текстильных предприятий. Мальчишки из ткацких фабрик, гамены, по сообщению газеты, начали на рынке опрокидывать корзины с фруктами и овощами. Это служило будто бы сигналом к разгрому булочников. Рабочие машиностроительных предприятий хотели успокоить толпу, но волнение продолжалось. Выступление достигло таких размеров, что были вызваны войска¹. Было арестовано 120 человек рабочих. Рабочие получили поддержку от национальной гвардии, в которой многие присоединились с сочувствием к требованиям рабочих. Впоследствии национальная гвардия была распущена и реорганизована. Дело о беспорядках в Мюлузе разбирает суд присяжных департамента Сарте на четырех заседаниях. Одиннадцать обвиняемых ободили, остальные были осуждены на разные сроки тюремного заключения — на 5, 3, 2 года. В этих событиях необходимо отметить попытки некоторой организованности, которую хотели вести более сознательные рабочие машиностроительных предприятий и поддержку рабочих национальной гвардией².

События в городе Силле-ле-Гиллем показывают, что власти боялись малейших народных движений и жестоко расправлялись с участниками. Местная газета «Courrier de la Sarthe» (статья перепечатана в «La Réforme») описывает события следующим образом: на базаре женщина покупала у крестьянина рожь за 18 франков, в это время подошел другой человек и предложил 20 франков. Женщина ударила спекулянта, к ней присоединилось несколько человек и вышвырнули его с рынка. В дело вмешались местные власти, которые арестовали 5 мужчин и 4 женщин, заковали их в кандалы и под сильным конвоем, в сопровождении бригады жанармов и эскадрона стрелков, отправили в Лион. Среди арестованных была большая женщина, которой несколько раз по дороге было плохо³. Такая расправа вызвала в городе продолжительные волнения. Местные власти воспользовались этим для увеличения числа войск. Прибыла пехота и эскадрон карабинеров, произведено несколько арестов⁴. Выступления, в связи с недостатками продовольствия, продолжались в августе в Туре⁵, Труае⁶, Ножене⁷. Они также представляли собой возмущение народных масс против повышения цен на хлеб, выражалось в разгромах булочниц. Все выступления безжалостно подавлялись полицией.

Положение народных масс в 1847 году было чрезвычайно тяжелым. Рабочий класс — городская и сельская беднота — обрека-

¹ «La Réforme» 13 X 1847

² Там же, 22 VII 1847

³ Там же, 4 VII 1847

⁴ Там же, 6 VII 1847

⁵ Там же, 9 VII 1847

⁶ Там же, 26 VIII 1847

⁷ Там же, 8 VII 1847

⁸ Там же, 26 VII 1847

¹ «La Réforme», 11 VII 1847

² Там же, 16 VIII 1847.

³ Там же, 8 VII 1847

⁴ Там же, 9 VII 1847

⁵ Там же, 14 VII 1847

⁶ Там же, 11 VIII 1847

⁷ Там же, 16 VIII 1847

лись на вымирание. Тяжелое положение толкало народные массы на революцию. Энгельс писал. «Положение рабочего класса есть действительная основа и исходный пункт всех социальных движений современности, будучи высшим и наиболее обнаженным проявлением наших современных социальных бедствий»¹. Пролетариат дальше не мог по-старому жить, он должен был искать выход в революции.

Глава III

Тяжелое положение рабочих толкало их на стачки, которые накануне Февральской революции охватывают рабочих самых разнообразных профессий.

Бастуют каменщики, ткачи, землекопы на железных дорогах и др. Причина — низкая заработная плата, невозможность существования в условиях дороговизны и недостатка продуктов. Рабочие пытаются использовать советы приюдомов, требуя в них равного количества представителей, надеясь там защитить свои права. Энгельс, характеризуя рабочее движение во Франции того времени, писал. «Рабочее движение идет бесшумно и скрыто для человека, который не дает себе труда заинтересоваться. Но оно идет более оживленно, чем когда-либо»². Одновременно растет распространение коммунистических идей. «Выступления французских пролетариев,—писал Маркс,—их партийных вождей и литературных представителей против буржуазии являлись выступлениями против господствующего класса, против существующей политической системы; это были *решиительно революционные выступления*»³. Как уже указывалось выше, пролетариат не имел возможности иметь своих собственных представителей в печати, в парламенте и поэтому вынужден был пользоваться представительством радикальной мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия, рассматривая пролетариат как своего союзника в борьбе против июльской монархии, уделяла большое внимание рабочему классу. Поэтому на страницах газеты «Реформа» мы имеем последовательное изложение фактов рабочего движения. Говоря о стачечной борьбе того периода, необходимо учитывать степень развития промышленности во Франции. Мануфактура и мелкие промышленные заведения еще явно преобладали. Очень много было предприятий в столице, которые представляли собой небольшие мастерские, обслуживаемые одним или несколькими наемными рабочими. Это, конечно, накладывает отпечаток на рабочее движение и объясняет недостаточность организованности, незрелость требований, сохранение иллюзий относительно возможности сговора с хозяином, факты столкновений между рабочими. Наиболее упорной и продолжительной

икой была забастовка рабочих-каменщиков в Нанте. Десятого мая 1847 года об этой стачке уже говорится как о продолжающейся¹. Были проведены аресты, но рабочие не хотели отступать от своих требований. Причина прекращения работ — низкая заработная плата. Рабочие требовали. 1) выполнения регламента, заключенного с хозяевами 17 сентября 1836 года, 2) повышения платы рабочего дня с 2 франков до 2 фр. 50 сент. летом и 3) франков постоянным рабочим, имеющим рабочие книжки². Рабочие проявили огромную выдержанность и организованность, они продолжали работу, в результате все строительные работы в городе были приостановлены³. Многие каменщики ушли из Нанта в окружающие деревни, где работали за плату, которая была на 25% ниже прожиточного минимума. Рабочие голодали, но не переставали работать в Нант⁴.

Правительство, конечно, не могло примириться с таким положением вещей. 9 августа 14 рабочих-каменщиков были арестованы во время собрания и посажены в тюрьму. Они обвинялись в нарушении коалиции (объединения) и стремлении силой прекратить работу каменщиков, которые хотели трудиться⁵. Через несколько дней рабочие предстали перед судом. Исправительный суд Нанта приговорил трех арестованных к 8 годам тюремного заключения за участие в коалиции⁶. Между тем забастовка не прекратилась. Каменщики, стремясь увеличить количество бастующих, пытались силой заставить присоединиться к ним других рабочих. У мастеров, по заявлению жандармерии, произошло столкновение между рабочими. Были посланы на место происшествия войска и жандармы. Многие из нападающих арестованы и посажены в Нантскую тюрьму⁷. В сентябре каменщики Нанта принялись за работу от своих требований к хозяевам они не отказывались и намеревались урегулировать свои отношения переговорами⁸. В сентябре были вынесены приговоры суда над каменщиками⁹. Характерно, что газета подчеркивает стремление каменщиков мирно урегулировать вопрос и что все равно это приводит к преследованиям и заключениям в тюрьму¹⁰.

Таким образом, забастовка каменщиков окончилась неудачей, рабочие не добились увеличения заработной платы. Но необходимо отметить продолжительность стачки (около трех месяцев), низованность, стремление привлечь на свою сторону других рабочих. На этой забастовке рабочие убеждались, что борьба с

¹ «La Réforme», 10 VII.1847.

² Там же, 28 VII.1847.

³ Там же, 29 VII.1847.

⁴ Там же, 1 VIII.1847.

⁵ Там же, 12 VIII.1847.

⁶ Там же, 18 VIII.1847.

⁷ Там же, 21 VIII.1847.

⁸ Там же, 21 IX.1847.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹ К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. III, изд. М.—Л., 1929, стр. 298.

² Энгельс Движение за реформу во Франции. Журн. «Пролетарская революция» 1940, № 4, стр. 138.

³ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, изд. М.—Л., 1929, стр. 518.

хозяевами неизбежно приводит к репрессиям со стороны правительства. В то же время забастовка свидетельствовала о незрелости рабочего класса (факты столкновения между рабочими).

В июле разворачивается стачка землекопов на железной дороге Кулонь и плотников в г. Ренн. Забастовка на железной дороге Кулонь началась в июле месяце. Чрезвычайно низкая оплата труда вынудила рабочих бросить работу. Газета «Реформа» обратилась к одному из рабочих с просьбой объяснить причины стачки. Тот ответил, что он опытный землекоп, знает свое дело уже двадцать лет, но цена, которую платят за труд с 5½ часов утра до 7 часов вечера, чрезмерно низка — от 25 до 28 су. Между тем самое обыкновенное питание стоит вдвое дороже. Свое письмо рабочий заключает следующими словами: «На труде рабочего хозяин всегда обогащается»¹. Эти слова показывают, что многие рабочие прекрасно понимали разницу между своими интересами и выгодами хозяев. Забастовка землекопов была сорвана хозяевами, которые послали за бельгийскими рабочими². После этого сведения о забастовке прекращаются. Привлечение более дешевой рабочей силы из-за границы заставляло рабочих под угрозой голода покоряться нищенским условиям заработной платы. Причиной забастовки плотников в Ренне было также снижение заработной платы. Рабочие в июле собрались и договорились требовать увеличения заработной платы. Сперва они обратились к мэру города с тем, чтобы он им помог, затем обратились к хозяевам мастерских. Требования, повторенные через несколько дней, не привели ни к каким результатам. Тогда плотники устроили собрание, на котором приняли решение о прекращении работы. Выбрали из своей среды четырех человек, чтобы они обошли мастерские и уведомили товарищей о стачке. Делегаты быстро выполнили поручение, скоро мастерские опустели, из 300 человек работало меньше 15³. Начались репрессии. Каждый день происходили аресты. Первого августа исправительный суд г. Ренн судил рабочих. Многие были осуждены на тюремное заключение от одной до трех недель⁴. Преследования полиции, угроза тюрьмы заставили рабочих прекратить стачку. В августе разворачивается движение ткачей в г. Роанне (Roanne). Здесь была довольно сильно развита хлопчатобумажная промышленность, насчитывалось около 1 500 рабочих. Между рабочими и хозяевами существовало соглашение об условиях оплаты определенных размеров тканей⁵. В августе распространились среди ткачей слухи относительно уменьшения заработной платы⁶. Тогда несколько рабочих пришли к одному из главных фабрикантов и заявили, что снижение расценок вынудит их бросить работу. Хо-

н ответил рабочим, что торговый кризис заставляет произвести сокращение платы по тканям размера $\frac{3}{4}$, но это не коснется тканей $\frac{4}{4}$ ¹.

Это объяснение успокоило рабочих, они ушли удовлетворенные. Но через несколько дней многие фабриканты снизили цены на $\frac{4}{4}$ и до 8 франков на ткани размера $\frac{4}{4}$, которые должны были оставаться без изменения. Тогда рабочие собрались перед наибольшими крупными мастерскими и потребовали восстановления прежних цен. Фабриканты отказались, ткачи заявили, что они оставят работу и снимут основу у тех, кто будет работать². И действительно, ткачи приходили к рабочим, о которых они узнали как о работающих по сниженной цене, и прекращали их работу, останавливали станки, срывали находящиеся в работе куски материи. Рабочие сделали на сорванных материалах этикетки с именами хозяев и цифрой — уменьшенной цены на ткани — и отправились к мэру, требуя его вмешательства. Мэр стал уговаривать рабочих пойти, и толпа быстро рассеялась. Арестован был только туан Тюрке, который был замечен как руководитель демонстрации. Но толпа женщин неожиданно бросилась к арестованному и освободила его³. Выступление прекратилось, однако полиция вызвала аресты, и 1 сентября ткачи предстали перед судом. В результате одного освободили, остальных 9 человек осудили за участие в коалиции на 24 часа тюремного заключения⁴. Таким образом, попытка ткачей сохранить заработную плату закончилась неудачей.

В сентябре месяце происходит движение среди горняков Сент-Этьена, причем в «Реформе» мы не находим сведений о каком-либо забастовочном движении в этом промышленном центре. Все выступление рабочих ограничилось петицией к правительству. Причиной недовольства явилось сокращение рабочих и другие притеснения⁵. «Высокопоставленные бароны капитала», как их называет «Реформа»⁶, безжалостно угнетали рабочих. Горняки написали королевскому прокурору петицию, в которой пишут, что владельцы «Compagnie des mines de la Loire», не только сократили до нищенского минимума заработную плату, уволили 1500 рабочих, но последнее время отказались продавать горнякам уголь. В петиции указывалось, что эта мера доведет до нищеты углекопов и их семьи⁷. В заключение рабочие просили применения законов против «могущественного и чересчур бесчеловечного врага» — коалиции угольщиков⁸. Как видно из петиции, рабочие сохраняют

¹ «La Réforme», 29.VII.1847.

² Там же.

³ Там же, 1.VIII.1847.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 20.VIII.1847.

⁶ Там же, 7.IX.1847.

¹ «La Réforme», 7.IX.1847.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 4.VIII.1847.

⁶ Там же, 8.VIII.1847.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

иллюзию, что правительство июльской монархии может защитить их от самовластия монополистов Сент-Этьена.

В дальнейшем стачки продолжались. В Мостаганем (Mostaganem) забастовка прядильщиков из-за снижения зарплаты, 12 сентября забастовали землекопы в Ремилли (Remilly)², в октябре стачки в Эльбефе (Elbeuf), шахтеров в Анцене (Anzin), в Сент-Мало (Saint-Malo) канатчиков, прядильщиков в Танне (Thanne) — везде причина прекращения работы — снижение заработной платы. Снижение заработной платы имело повсеместное распространение. Так, в Сент-Мало и Бресте рабочие-конопатчики забастовали, требуя увеличения заработной платы на 50 сантимов в день. Хозяева отказали, в результате началась забастовка, причем судовладельцы решили перевезти свои суда в бухту Сентбриэ, чтобы их там чинить⁴.

В Париже также были отдельные выступления рабочих. Мы имеем данные о двух выступлениях на улице Сент-Онорэ и в предместьях Сент-Антуан. В газете «Реформа» нет подробных сообщений о причине событий, происшедших на улице Сент-Онорэ. Сообщается, что дело началось столкновением рабочего сапожника с хозяином из-за заработной платы⁵.

Официальная газета «Moniteur Universel» изображает события следующим образом. между хозяином-сапожником и его рабочим произошел спор из-за того, что хозяин хотел заплатить рабочему вместо 3 франков за пару ботинок — 2 фр. 50 сент., заявляя, что ботинки имеют дефекты. Сапожник не соглашался с хозяином. Два его товарища вмешались и стали собирать других рабочих, которые в это время возвращались с работы. Рабочие собрались огромной толпой. Начались угрозы по адресу хозяина. Скоро камни полетели в окна мастерской. Зазвенели разбитые стекла. Немедленно была вызвана полиция для того, чтобы восстановить порядок⁶. Это восстановление порядка, по свидетельству «Реформы», заключалось в том, что в течение четырех дней творились безобразия на улице Сент-Онорэ. Полиция избивала всех прохожих, не разбирая, лавочник это или пролетарий. Были случаи избивания детей. Ребенок 12—13 лет был ранен в голову ударом штыка. Были раненые и среди взрослых⁷. Кроме того, полиция занималась провокацией, бегая по улицам с возгласами: «Закрывайте лавки, закрывайте двери — воры!»⁸. Пятого сентября в «Реформе» была помещена передовая, в которой указывалось, что полиция сама устраивает беспорядки, избивает неповинных граж-

дан, проводит беспорядочные аресты среди рабочих и рабочих иностранцев. Так был арестован молодой человек, живописец по стеклу, уроженец г. Турина. Он был схвачен полицией на улице Сент-Онорэ в нескольких шагах от своего дома. Напрасно хотевший удостоверять, что рабочий покинул его мастерскую по улице Тамбюро за 10 минут перед арестом, напрасно рабочий сам доказывал свою невиновность, он вынужден был в 24 часа покинуть Францию². Арестованные на улице Сент-Онорэ скоро предстали перед судом. В качестве главного свидетеля против обвиняемых выступил комиссар полиции квартала Сент-Онорэ. Он заявил, что предупреждал, чтобы толпа разошлась, — так как это не было выгодно, то пришлось прибегнуть к вооруженной силе³. Прокурор, обвиняя 16 подсудимых, заявил, что 12 из них сапожники, и отсюда ясно, что все они сговорились с одной и той же целью — нарушить общественное спокойствие⁴. Большинство подсудимых было присуждено к грем дням тюремного заключения. Два арестованных, Море и Дюмалье, обвиняемые в вымогательстве по отношению к хозяину и в том, что они сломали ограду, были присуждены к 15 франкам штрафа и 8 дням тюремного заключения⁵. Волнения на улице Сент-Онорэ продолжались еще несколько дней, продолжались и аресты. Вскоре на суде обвиняли еще 15 человек, причем снова комиссар полиции выступает в качестве главного обвинителя. Суд осудил каждого подсудимого на три дня тюремного заключения⁶.

Говоря о рабочем движении против буржуазии, необходимо остановиться на одном из фактов, имевших место в Париже, в рабочем квартале Сент-Антуан, который ярко свидетельствует о зрелости рабочего класса. В октябре происходит столкновение между нарезчиками напильников завода машин Дерон и Кель (Deron et Cail) и рабочими мастерской нарезчиков напильников Пишо и К° в предместье Сент-Антуан. На предприятии Дерон начали строить специальную мастерскую напильников. Это вызывает беспокойство Пишо, который подстрекает своих рабочих против новой мастерской. Рабочие мастерской Пишо собрались у предприятия Дерон и угрожали рабочим избиением, а главному мастеру — смертью, если они не прекратят работы. Часть рабочих им удалось снять с работы. В дело вмешалась полиция. В результате 25 человек было арестовано. В воскресенье происходит новое столкновение нарезчиков напильников у шлагбаума Монтрей (Montrei), несколько рабочих было опасно ранено, один из них убит ударом ножа, три человека были арестованы, пять были приговорены к суду⁷. Столкновение в Сент-Антуанском предместье сви-

¹ «La Réforme», 22 VIII 1847

² Там же, 12 IX 1847

³ Там же, 12 X 1847, 23 X 1847, 28 X 1847, 29 X 1847

⁴ Там же, 2—3 XI 1847.

⁵ Там же, 31 IX 1847.

⁶ «Moniteur Universel», 2 IX 1847.

⁷ «La Réforme», 3 IX 1847, 4 IX 1847.

⁸ Там же, 5 IX 1847.

¹ «La Réforme», 5 IX 1847.

² Там же, 11 IX 1847.

³ «Moniteur Universel», 17 IX 1847.

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же, 30 IX 1847.

⁷ «La Réforme», 3 X 1847.

детельствует, что буржуазии еще удавалось в своих целях натравить рабочих друг на друга

Анализируя забастовочное движение французского рабочего класса в 1847 году, мы должны отметить, что наибольший размах забастовочного движения, освещаемого «Реформой», происходит, главным образом, в июле, августе, сентябре. Очевидно, в этот период рабочее движение действительно переживало известный подъем. Причиной всех стачек, описываемых в газете «Реформа», является низкая заработная плата или ее снижение. Предприниматели стремились последствия кризиса переложить на трудящихся. Это вызывает сопротивление рабочих в виде забастовок, которые носили экономический и оборонительный характер. Ни одна из забастовок, по материалам «Реформы», не закончилась победой рабочих. Безработица, голод и правительственные репрессии заставляли рабочих прекращать сопротивление. Некоторые забастовки (например, в Нанте) отличались упорством и длились иногда несколько месяцев. Стачное движение показывает, что французские рабочие накануне революции 1848 года требовали облегчения своего положения, организованно выступали против эксплуатации правящих классов. Но стачки показывают факты незрелости рабочего класса: например, попытки обратиться за помощью к мэру (плотники Ренна), к правительству июльской монархии (угольщики Сент-Этьена), предпринимателям удается натравить рабочих на рабочих (факт с резчиками напильников).

Забастовки рабочих сурово преследовались правительством. Аресты, заключение в тюрьмы, применение вооруженной силы, привлечение иностранных рабочих — все это приводило к разгрому рабочего движения, к подавлению малейших попыток возмущения против эксплуатации. Кроме забастовок, сопротивление рабочих стремлению буржуазии переложить на них тяжесть кризиса выражается в борьбе за представительство в советах приюдомов. Мелкобуржуазные демократы партии «Реформы», которые, как уже указывалось выше, относились к рабочим как к своим союзникам, которые претендовали на то, чтобы представлять рабочих в период забастовочного движения, проповедают идеи сотрудничества пролетариата и буржуазии.

Действительно, наряду со стачечным движением, французский рабочий класс в дофевральский период развертывает борьбу за усиление своего влияния в советах приюдомов — «согласительных» учреждениях, существовавших во время июльской монархии.

Приюдомы имелись в Лионе еще в 1791 году, их задачей было примирять споры между рабочими и хозяевами, конечно в пользу последних. В 1806 году существование приюдомов было подтверждено Наполеоном. 3 августа 1810 года был принят закон об установлении приюдомов во всех фабричных городах. Советы приюдомов должны были состоять из купцов, фабрикантов, хозяев мастерских и ремесленников¹. Причем купцы и фабриканты всегда должны бы-

ли в совете иметь перевес на одного человека по сравнению с мелкими предпринимателями и ремесленниками. Рабочие же своих представителей в советах приюдомов не имели. Это сохранялось и во время июльской монархии. Правительство Луи-Филиппа советы приюдомов ввело в большем количестве отраслей промышленности. В 1844 году советы приюдомов были введены в металлургической промышленности и отраслях, связанных с ней¹. Совет приюдомов в металлургической промышленности состоял из 8 фабрикантов, 7 мастеров, и ремесленников. В 1847 году 11 июня был издан закон, который распространял советы приюдомов на текстильную промышленность, химическую и другие отрасли². Представительство в совете было сохранено прежнее. Состав избирателей в советы особенно ясно показывают избирательные листы, напечатанные в газете «Реформа» (приводятся из газеты «d'Atelier»). Избиратели текстильной промышленности и связанных с ней отраслей распределялись по категориям: хозяев—967, мастеров—29, предпринимателей по отделке тканей—67, простых рабочих—0³. Избиратели по химической промышленности: хозяев—1025, мастеров—38, ремесленников—1, простых рабочих—0. Избиратели различных отраслей промышленности распределялись так: хозяев—1120, мастеров—145, предпринимателей по ручной отделке—20, рабочих—0.

Комментируя такой состав, газета «Реформа» пишет. «Избирательный корпус состоит из двух классов, из которых один представляет хозяев и насчитывает 3111 избирателей, в то время как другой, который считается, что представляет рабочих, состоит только из 290 человек, а простые рабочие представлены нулем»⁴.

Приюдомы избирались на три года; члены совета приюдомов должны были принести присягу префекту Сены в том, что они не будут нарушать закона, и перед введением в должность утверждались министром торговли и земледелия⁵. Система выборов и правительственный контроль при утверждении свидетельствуют о том, что неугодные правительству лица не могли быть избраны. В июне 1847 года было созвано собрание трех новых советов, на котором выступил префект Сены с изложением их задач. Префект заявил, что советы приюдомов являются арбитражным трибуналом, что они должны примирять и улаживать интересы хозяев и рабочих. По его словам приюдомы с 1845 года «много сделали для прогресса рабочих классов». Приюдомы способствовали открытию школ не только для детей, но и для взрослых, создавали сберегательные кассы для сбережений трудящихся, устраивали благотворительные учреждения, чтобы помогать рабочим во время болезни и поддерживать их в старости⁶. Кроме того, приюдомы занимались

¹ Lagousse. Grande Dictionnaire, v. XIII, p. 339

² «Moniteur Universel», 11 VI.1847.

³ «La Réforme», 16.VIII.1847.

⁴ Там же

⁵ «Moniteur Universel», 11 VI.1847.

⁶ Там же

¹ Lagousse. Grande Dictionnaire, v. XIII, p. 338.

«смягчением конкуренции среди различных отраслей промышленности» (из речи префекта Сены)¹.

С таким же восхвалением деятельности приюдов выступил Дюмер, представитель совета приюдов металлургической промышленности, который заявил, что одним из положительных моментов деятельности совета приюдов металлургической промышленности является, что со дня организации от 25 марта 1845 года до 1847 года урегулировано между рабочими и хозяевами 1097 дел, а в течение 1847 года уже улажено 204. Подводя итог примирительной деятельности приюдов в металлургической промышленности, Дюмер отмечает, что из 100 дел 95 или 96 были разрешены путем соглашения².

Всей этой картине официального благополучия противопоставляется недовольство и сопротивление созданию приюдов со стороны рабочих, отраженное в оппозиционной газете «Реформа». Рабочие обратились с письмом-протестом к министру земледелия и торговли. Письмо, подписанное рабочими Парижа, печатается на страницах «Реформы»³. В нем рабочие протестуют против организации советов приюдов, которая исключает рабочих от всякого участия в них. Такие советы приюдов, по их мнению, являются «зародышем организации денежной аристократии»⁴. Правительство указывают рабочие, «санкционирует неравенство в политической жизни через избирательный закон, через законодательство о пресесе и т. д. Что касается промышленности, то правительство предоставило промышленникам возможность делать что угодно и не собирается заменять анархию и конкуренцию организацией»⁵. Рабочие отмечают, что они надеялись, что правительство будет уважать материальные интересы всех классов, но эти надежды были напрасны. Капиталисты сейчас организованы в постоянные коалиции. «Им одним дано право фиксировать нашу заработную плату, им одним дано право диктовать свои условия не только от имени нищеты и голода, но и от имени штыков и тюрьмы; мы исключены от всякого участия в выборе представителей страны, нам отказано сегодня в праве обсуждать нашу заработную плату»⁶. «Все, что унижает достоинство рабочих и увеличивает несчастье народа, — продолжает петиция, — находит опору у правительства. В то же время официальные шарлатаны проповедуют мораль и говорят об улучшении судьбы народа. Думают, что мы будем обманываться этой лживой благотворительностью»⁷. В заключение рабочие требуют, чтобы споры о заработной плате решались арбитражным судом, составленным из одинакового числа рабочих, не

имеющих патента, и хозяев. «Мы не разрешим здесь никакого снисхождения», — угрожает письмо¹. Рабочие напоминают, что равенство им обещали семнадцать лет тому назад, — «мы решили, наконец, взять его всерьез»². В этом письме, с одной стороны, отражены все иллюзии рабочего класса до революции 1848 года, надежды на какое-то надклассовое правительство, которое будет уважать «интересы всех классов», вера в возможность уничтожить анархию и конкуренцию организацией труда при капитализме. Но здесь уже имеется ряд моментов, которые свидетельствуют, что пролетариат начинает постепенно освобождаться от неправильных представлений. Рабочие требовательно говорят с правительством июльской монархии, напоминают о лишении их избирательных прав, свободы печати, об угнетении путем применения насилия. Настоящей угрозой монархии Луи-Филиппа и буржуазии звучит обещание, что они хотят взять «равенство всерьез». Здесь уже чувствуется веяние революционной бури. Впоследствии в период Февральской революции и июньских дней пролетариат и пытался осуществить «равенство всерьез».

Газета «Реформа» выступает с защитой требований рабочих о приюдах. Орган финансистов и крупной буржуазии «Коммерсе» находит, что пропорция восемь хозяев и «семь рабочих» (т. е. хозяева мелких предприятий и мастера) представляет достаточную гарантию для пролетариата. «Коммерсе» возмущается едким тоном письма рабочих о приюдах³. «Реформа», полемизируя с вышеуказанной газетой, пишет, что в советах приюдов хозяева представлены, а рабочих нет. Против рабочих уже имеются законы о коалициях, о книжках. Никакого реального покровительства рабочие не находят и в советах приюдов, поскольку они не призваны их избирать, ни быть избранными⁴. «Реформа» поддерживает требования рабочих об одинаковом представительстве, но в то же время соглашается с «Коммерсе» в том, чтобы «дать председателю в эти советы из муниципальных магистратов». Автор статьи убежден, что чиновники муниципалитетов могут быть беспристрастными судьями и защищать рабочих.

Введение приюдов вызвало волнение в предместье Сент-Антуан. Фабрикант Криже пытался у себя на фабрике установить арбитражный суд, составленный по образцу советов приюдов. Рабочие выступили против и, возмущенные, окружили мастерскую Криже, разбили стекла и сорвали вывеску⁵. В результате началось выступление рабочих, была вызвана муниципальная гвардия. Правительство выслало войска, в 9 часов вечера отряд пехоты направился в Сент-Антуанское предместье, но уже к 11 часам вечера все было спокойно⁶. Таким образом, рабочие за-

¹ «Moniteur Universel», 11.VI.1847.

² Там же

³ «La Réforme», 10.VIII.1847.

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

¹ «La Réforme», 10.VIII.1847.

² Там же

³ Там же, 12.VIII.1847.

⁴ Там же, 14.VIII.1847.

⁵ Там же, 13.VIII.1847.

⁶ Там же

няли резко враждебную позицию по отношению к вышеуказанному представительству в советах приюдомов. Рабочие рассчитывали, что они смогут использовать советы приюдомов для борьбы против снижения зарплаты, как средство для защиты своих интересов. В газете «Constitutionnel» была напечатана хвалебная статья о приюдомах за число дел, которое ими было разобрано. Рабочие в письме к редактору этой газеты объяснили, почему рабочие стремятся войти в советы приюдомов: они не имели других организаций¹.

Продолжая обсуждение представительства в советах приюдомов департамента Сены, рабочие пишут в газете «d'Atelier», что 55 хозяев имеют право промышленного правосудия над 150 тыс. рабочих. «Не будем говорить,—продолжают они,—это слишком абсурдно, чтобы мастера могли защищать интересы рабочих. Мелкие фабриканты также не могут рассчитывать на защиту своих нужд, так как на выборах их 222 человека против 4575 крупных»². Возражения против существующего в советах приюдомов представительства поднимаются и в департаментах. К сожалению, в печати мало сведений об этом. Протесты рабочих в виде писем, петиций, выступлений (Сент-Антуанское предместье) не изменили норм представительства в советах приюдомов. Правительство июльской монархии чувствовало себя еще достаточно сильным, чтобы не делать уступок рабочим. Накануне Февральской революции в связи с ухудшением положения грудящихся развернулась настойчивая борьба рабочих за представительство в советах приюдомов. Советы приюдомов единственная легальная организация, в которой рабочие думали бороться против снижения зарплаты, надеялись добиться некоторых изменений в условиях труда. Этим объясняется страстность и упорство со стороны рабочих в борьбе за советы приюдомов. Это свидетельствует о назревшем стремлении рабочих к организации для защиты своих интересов.

Политические организации рабочих до революции 1848 года носили заговорщический характер. Уже общество «Времен года», с которым Бланки и Барбес устроили восстание в 1839 году, было «по своему составу исключительно пролетарским»³. Таким же было образовавшееся после поражения Бланки общество, во главе которого стоял Альбер и принимали участие Шеню и де ля Одд, оказавшиеся впоследствии шпионами. «Заговорщики,—писал Маркс,—через посредство своих вожakov всегда находились в тесной связи с мелкобуржуазными элементами, представленными в «Réforme», но постоянно держались очень независимо»⁴. Заговорщическая тактика общества являлась очень вредной для революционного движения пролетариата. Она стремилась предупредить «процесс революционного развития, чтобы искусственно гнать его к кризису, чтобы делать революцию с кондачка, без

всяких предпосылок...»¹. Заговорщики недооценивали и «с величайшим презрением относились к политическому просвещению рабочих и к разъяснению им их классовых задач»². А между тем коммунистические идеи широко распространялись. Даже политические противники вынуждены были это констатировать, например, де ля Одд писал, что «Кабэ имел сторонников не только в Париже, но и провинциальных городах—Лионе, Марселе, Тулузе и других центрах, населенных рабочими»³. С каждым годом увеличивалось число приверженцев коммунизма, причем росло влияние секции, приближающейся к научному коммунизму, «коммунистов-материалистов».

Маркс констатирует, что во Франции «коммунисты представляли сильнейшую фракцию революционного пролетариата, далеко превосходившую своим значением другие фракции»⁴. Огромное распространение коммунистических идей среди рабочих вызывало тревогу у правительства. На это особенно указывает процесс над коммунистами-материалистами, состряпанный при участии полиции. Основной упор делался на опорочивание коммунистических произведений и их идей. Распространение коммунизма было замечено даже таким посторонним наблюдателем, как Карамзин А. Н., который был в Париже до революции и в период Февральской революции писал: «Кризис уже давно подготовлялся в низших слоях общества, где он породил собой коммунизм»⁵. В правительственных кругах коммунистические идеи вызвали злобную ненависть и боязнь осуществления революционных требований пролетариата. Провокационные и клеветнические слухи о деятельности коммунистов распространяют правительственные газеты. Они стремились напугать мелкобуржуазные слои Франции тем, что коммунисты будут отбирать их частную собственность, они надеялись этим натравить на рабочих крестьянство и мелкую городскую буржуазию. Так реакционная министерская газета «Journal de Débats» пишет о распространении слухов о том, что «скоро коммунисты восстанут». «Тридцать тысяч из них готовы взяться за оружие для того, чтобы свергнуть правительство». Назначен даже руководитель, который будет командовать и «без сомнения, распределять собственность»⁶. Эти заявления свидетельствуют о напряженном положении в стране накануне февраля, а также о боязни правящих классов «призрака коммунизма», боязни реализации коммунистических идей.

Процесс общества коммунистов-материалистов происходит в июле 1847 года.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, изд. 1931, стр. 300.

² Там же, изд. 1931, стр. 300.

³ De la Hodde. La naissance de la République février 1848, Paris, 1859. p. 14.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, изд. М.—Л., 1930 г., стр. 302.

⁵ Карамзин А. Н. Письма. 1847—1848 гг. По документам Крымского Центрального архива, стр. 28.

⁶ «La Réforme», 20.I.1848. Перепечатано из «Journal de Débats».

¹ «La Réforme», 6.IX.1847.

² Там же, 10.XII.1847. Перепечатана из газеты «d'Atelier».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, изд. М.—Л., 1931, стр. 298.

⁴ Там же, стр. 299.

По делу коммунистов-материалистов суд привлёк 11 человек, то своему социальному составу большинство из них рабочие¹. Руководителями общества полиция называла Коффино и Жавело². Во время процесса выяснились политические взгляды отдельных участников, их показания свидетельствуют о незрелости коммунистических взглядов. «Это был грубоватый, плохо отесанный коммунизм, тем не менее он добирался до кардинального момента»³. На процессе ясно проявилась провокационная роль полиции, которая стремилась приписать коммунистам участие в грабежах, убийствах и поджогах. Но эта попытка, как отмечает газета «Реформа», «окончилась провалом»⁴. Вопрос о том, что собой представляло общество коммунистов-материалистов, является отдельной темой исследования. Здесь же мы должны отметить и последнюю заговорщическую организацию—ассоциацию по изготовлению бомб. Суд над ассоциацией происходил в октябре 1847 года. По описанию участника этого дела Шеню, агента полиции, из общества «Nouvelles Saisons», руководимого Альбером (впоследствии члена временного правительства), выделился Диссидентский комитет, который ставил своей задачей захватить силой Тюильрийский дворец, убить Луи-Филиппа и взять власть в свои руки⁵. К счастью, пишет Шеню, полиция имела своих агентов в комитете⁶. Комитет занялся изготовлением бомб и других средств разрушения. Маркс так характеризует это дело: «История с бомбами в 1847 году, в которой прямое участие полиции обнаружилось откровеннее, чем во всех прежних историях, разбила, наконец, ряды самых упорных и нелепых старых заговорщиков, и в результате ее все их прежние секции влились в прямое пролетарское движение»⁷. Таким образом, заговорщические организации в 1847 году были последними организациями, после которых пролетариат освобождается от старых, вредных заговорщических тенденций. Рабочее движение накануне Февральской революции не ограничивается забастовочным движением, движением за представительство в советах приюдомов, участием в заговорщических организациях; рабочие, совместно с партией «Реформа», включаются в банкетную кампанию. Запрещение банкета в XII округе Парижа послужило толчком к революционному выступлению пролетариата, который при поддержке мелкой буржуазии совершает Февральскую революцию.

В период июльской монархии господствовала не вся французская буржуазия, «а лишь одна ее фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных

рудников и лесов, часть примыкающего к ним крупного землевладения,— так называемая финансовая аристократия». Во Франции же в это время происходили важные социально-экономические изменения, связанные с продолжающейся в стране промышленной революцией. Но экономическое развитие Франции, рост капиталистических отношений тормозил существующий политический строй. Дальнейший ход исторического развития страны требовал уничтожения июльской монархии, революция была неизбежна.

Ускорили революционный взрыв неурожай 1845—46 гг. и кризис 1847 г. Энгельс писал: «мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции».

Для того, чтобы выяснить непосредственные причины февральской революции, необходимо изучение кризиса 1847—48 гг.

Данная статья и представляет собой некоторую попытку в этом отношении.

¹ «Moniteur Universel», 15.VII 1847

² De la Hodde. La naissance de la Republique. Paris, 1850, p. 16

³ Энгельс Предисловие к немецкому изданию Коммунистического манифеста. Партиздат 1937 г., стр. 8.

⁴ «La Réforme», 16.VII 1847 г

⁵ Chenu. Les conspirateurs. Paris, 1850, p. 53.

⁶ Там же, стр. 53

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, изд. М.—Л., 1930, стр. 303.

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

под ред. проф. *Б. Ф. Поршнева*

и доц. *Л. А. Бендриковой*

второе издание

М.: изд-во МГУ. 1949

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf), 2010. Дореформенная орфография сохранена. **Каждая статья подготовлена отдельным файлом.** Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и сообществе.

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А. Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф. Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С. Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_3.pdf

Е. Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В. Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В. Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В. Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю. Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

http://vive-liberta.narod.ru/doc/tab_ilm.pdf

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789–1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>
Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

Содержание сборника

Евгения Акимовна СТЕПАНОВА

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов

Маркс и Энгельс в Брюсселе

Маркс и Энгельс в Париже

«Требования Коммунистической партии в Германии»

Приезд Маркса и Энгельса в Кёльн. Основание «Новой Рейнской газеты»

Политическая платформа «Новой Рейнской газеты»

Борьба «Новой Рейнской газеты» против иллюзий мелкобуржуазной демократии

Критика предательской политики немецкой буржуазии

Борьба «Новой Рейнской газеты» против национального гнета

Критика Франкфуртского и Берлинского национальных собраний. Борьба «Новой Рейнской газеты» за революционную диктатуру народа

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к демократам. Вступление в Кёльнское демократическое общество

Маркс и Готшалк

Маркс и Стефан Борн

Алексей Леонтьевич НАРОЧНИЦКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ от ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ до ЛЕТА 1848 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революции 1848 г. и подрыв «Венской системы»

Царизм и Пруссия накануне революции 1848 года

Кризис внешней политики июльской монархии накануне революции

Внешняя политика Англии в Европе накануне Февральской революции.

Дипломатия Пальмерстона

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ во ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ и МАРТОВСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1848 года

Внешняя политика Временного правительства во Франции в феврале-мае 1848 г.

Европейские правительства и Февральская революция

Вторая республика и Николай I после мартовских революций в Австрии и Пруссии. Польский и шлезвиг-голштинский вопросы и европейские правительства от марта до июля 1848 г.

Ревека Абрамовна АВЕРБУХ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

Любовь Авксентьевна БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС и РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ во ФРАНЦИИ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в ВЕНЕ в АВГУСТЕ 1848 года

I

Доктор Маркс, редактор «Новой Рейнской газеты», приветствовал рабочий союз Вены так же, как он это делал в Париже, в рондоне и Брюсселе», — так гласит протокол одного из заседаний оюза Вены в августе 1848 года. Интересно это сопоставление Вены с крупными центрами революционного движения — Парижем, Лондоном, Брюсселем. К осени 1848 года Вена действительно становилась одним из таких крупных центров революционной борьбы.

Вслед за победой демократических сил в мае 1848 года, отбивших натиск реакции на революционные организации — академический легион, центральный комитет национальной гвардии и рабочие в августе выступили и дали бой реакции.

Изучение рабочего движения Вены в августе 1848 года представляет большой интерес, ибо это движение предопределило в дальнейшем судьбу октябрьского вооруженного восстания 1848 года в Вене.

Накануне революции 1848 года Вена представляла собой крупный промышленный центр, сочетавший в себе самые различные формы производства. Далеко не изжиты еще были феодально-цеховые отношения, а в некоторых отраслях производства цехи играли преобладающую роль. В промышленности значительное место занимала капиталистическая мануфактура. Что же касается крупной

промышленности, то она только зарождалась¹. Вена отражала в себе весь тот процесс борьбы и победы мануфактуры над феодально-цеховыми отношениями и крупной промышленности над мануфактурой, характерный для всей Австрии. По характеристике Энгельса, «введение пара и машин перевернуло в Австрии, как и везде, старые отношения в промышленности и условия существования целых классов общества; оно превратило крепостных в свободных людей, мелких крестьян — в фабричных; оно подкопало старые феодальные ремесленные корпорации и лишило многие из них средств существования. Новое торгово-промышленное население всюду приходило в столкновение со старыми феодальными

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I. (6), стр. 283.

учреждениями... И, наконец, постройка железных дорог решительно ускорила как промышленное, так и интеллектуальное развитие страны¹. Вена, столица Австрии, находясь в центре перекрещивающихся торговых путей, быстро росла и развивалась. Если население Вены в 1800 году равнялось 231 000 человек, то в 1820 году оно достигло 260 224, а в 1840 — 356 869². 40-е годы являлись годами расцвета капиталистической мануфактуры Вены. Она становилась центром хлопчатобумажного, шелкового и шерстяного производства. Если во всей Нижней Австрии в 1836 году работало всего 7 тысяч ткацких станков, то 4 тысячи падали на Вену. Кроме того, Вена становится центром производства предметов роскоши и высококачественных тонких, вышитых и узорчатых тканей³. Особое место занимает производство шалей, которое становится особенностью Вены. Венские шерстяные шали высоко ценились на европейских рынках и фигурировали на промышленных выставках. Большое место занимало производство шелковых изделий. В шелковом производстве впервые начал применяться станок Жаккарда, namного увеличивший производство тканей. Развивающаяся промышленность Вены вступила на путь применения машин и передовой техники. Широкое распространение находят паровые машины, причем из 231 паровой машины, применяемой в Австрии, 152 машины были отечественного производства. Дало успехи металлургическое производство, в частности машиностроение, производство рельс и мелких железных изделий.

Все же основным видом производства Вены 40-х годов являлась выработка шелковых тканей, бархата и других предметов роскоши.

Помимо промышленного роста Вены, она становится также крупным торговым центром, сосредоточением денежных средств, ареной крупных биржевых операций и спекулятивных сделок. Расширяются торговые связи Вены с другими частями монархии. Уже с конца XVIII века была увеличена сеть шоссейных дорог, был проведен ряд мероприятий по расширению водных путей, в частности было урегулировано судоходство по Дунаю, и, тем самым, установлена связь Вены с венгерским Пресбургом (Братислава) и Коморном.

Однако в австрийской монархии не было и не могло быть единого рынка, ибо торговое и промышленное развитие Вены, этой «резиденции Габсбургов», сопровождалось эксплуатацией других частей монархии — Венгрии, Чехии, Ломбардии и проч. и находилось в противоречии с развитием этих областей. Содержание общественных отношений определялось уровнем экономического развития Вены. Это был город с относительно слабо развитой буржуа-

зией, с многочисленной мелкой буржуазией и с наемными рабочими, которые в своей массе, по выражению Энгельса, еще не являлись «настоящими пролетариями». Положение последних было чрезвычайно тяжелым. В 40-х годах на предприятиях Вены широко применялся женский и детский труд. На тысячу рабочих Нижней Австрии приходилось 399 мужчин, 448 женщин и 153 детей, начиная с девятилетнего возраста. Рабочий день даже для детей равнялся 12—13 часам.

Заработная плата стояла на чрезвычайно низком уровне. Недельный заработок мужчины составлял 5 флоринов¹, женщин — 2 флорина, детей — 20 крейцеров. В венской мелкой промышленности дневной заработок рабочего колебался между 24 и 26 крейцерами при 12—16-часовом рабочем дне. Известный в 40-х годах демократ Приолан описывает положение венской бедноты: «Ту ужасающую массовую нищету, описание которой исторгло слезы сочувствия у нежных венских дам при чтении романов Евгения Сю, можно было без труда найти в реальной жизни, в самой Вене. Возможно ли было охватить взором всю необозримую венскую нищету, ведь не существовало такого печатного органа, который мог бы дать о ней представление, который сообщил бы о страданиях и воплях нуждающихся! И все же пролетариат был многочисленным и увеличивался из года в год... За несколько лет до 1848 года положение рабочих ухудшилось, так как увеличилась безработица... Ужасающая нищета этих фабричных рабов особенно зимой была невероятной, и все же они были счастливы, если не теряли работу, потому что в случае безработицы им не оставалось ничего другого, как умереть с голоду или воровать»².

Рабочие были совершенно беспомощны перед лицом капиталистической эксплуатации. Объединения, союзы и другие формы борьбы были строгойше запрещены. Судьба рабочих была целиком в руках предпринимателя.

Несмотря на всю ужасающую нужду венского рабочего класса, Вена рисовалась трудящимся массам других областей Австрии как некое эльдорадо, как цель самых заветных мечтаний. Нужда венского рабочего класса еще более усиливалась благодаря непрерывному потоку безработных из других областей Австрии, и главным образом, из Чехии.

1847—1848 годы являлись годами общеевропейского кризиса, в который была вовлечена и Австрия. Экономический кризис, тяжелое продовольственное положение предопределили участие рабочих масс в мартовских и майских событиях в Вене 1848 года. Эта активность рабочих принесла лишь незначительное улучшение их положения; маневр реакции — отъезд императорского двора и аристократии из Вены привел к сокращению производства предметов роскоши.

¹ Маркс и Энгельс Сочинения, т. VI, М.—Л., 1930, стр. 41.

² Rudolf Till. Zur Herkunft der Wiener Bevölkerung im 19. Jahrhundert. Vierteljahrsschrift zur social und Wirtschafsgeschichte 1941. Heft I.

³ Slokar Johann. Geschichte der österreichischen Industrie Wien 1914, S. 285.

¹ Флорин (гульден) — 80 коп. по довоенному курсу.

² Violand E. Die sociale Geschichte der Revolution in Oesterreich. Leipzig 1853 S. 42, 46, 47.

коши и усилил безработицу. Правда, в процессе революции создались рабочие союзы взаимопомощи, но радикально повлиять на улучшение положения рабочих они не могли.

Выступление рабочих, происшедшее в августе 1848 года, не было внезапным, оно готовилось уже с мая месяца. Однако только в августе 1848 года оно вылилось в массовую демонстрацию, переросшую в политическое восстание, в протест против контрреволюционных замыслов двора, а также против реакционной политики крупной буржуазии. Началом этого движения было выступление рабочих, занятых на строительных общественных работах, производившихся как на коммунальный, так и на государственный счет в целях борьбы с безработицей. Руководил эгими работами рабочий комитет — полуправительственная, полупо- общественная организация, состоявшая из представителей правительства и общинного совета. Деятельность его контролировалась Комитетом общественной безопасности. Свыше 7 тысяч безработных было занято на постройках самого города Вены к концу мая 1848 года.

Важно отметить, что такая организация помощи безработным создавалась в ряде государств, где происходило революционное движение. Победившая буржуазия стремилась обезопасить себя от выступления безработных и, в качестве преграды от дальнейшего углубления революции, организовала государственную помощь безработным. Такими были национальные мастерские в Париже; некоторую помощь безработным организовала итальянская буржуазия после победы в 1848 году в Риме. Так поступила на основе французского образца и австрийская буржуазия, одержавшая в марте и мае победу над феодализмом.

Организаторами общественных работ был выработан общий распорядок и размер заработной платы на общественных работах. Был установлен 10-часовой рабочий день, размер заработной платы устанавливался в 25 крейцеров для мужчин, 20 крейцеров для женщин и для подростков от 12 до 16 лет. Дети моложе 12 лет не должны были допускаться к работам. В праздничные дни работа не производилась, но и не оплачивалась. Не производилась оплата и за дождливые дни, во время которых также не производились работы. Условия работы были тяжелыми, заработная плата низка, тем не менее количество безработных было так велико и условия на других предприятиях настолько ухудшились в связи с кризисом, что на общественные работы переходили рабочие с различных предприятий. Газета «Die Konstitution» за 3 июня отмечает, что «фабриканты, ремесленники и сельские хозяева жаловались на рабочих, покидающих службу у своих хозяев, хотя последние и впредь готовы были бы предоставлять им работу». В связи с этим рабочим было предложено предоставлять письменные удостоверения о безработице.

Чем больше возрастало предложение труда на общественных работах, тем чаще Комитет обращался к мероприятиям, которые

ли бы ограничить приток рабочих. Совместно с министерством было решено обнародовать ряд репрессивных мер. Такими мерами являлась высылка иногородных рабочих, сокращение их количества и т. д. Однако все эти мероприятия были тщетными. При рабочих на общественные работы все возрастал, число рабочих к августу дошло до 20 тысяч. Это была для реакционеров грозная сила, опасная своим революционным настроением.

В июне 1848 года в Вене произошли события, явившиеся репетицией августовского выступления рабочих. Эти выступления предвещали июньскому восстанию в Париже. Австрийские рабочие выступили несколько раньше, чем их парижские собратья, а именно 15 июня. С очевидностью можно это движение связать с пражским восстанием 12 июня.

В июньском движении особо активную роль играли чешские рабочие. После разгрома июньского восстания большая часть пражских повстанцев направилась в Вену и приняла там активное участие в движении. Один из наиболее видных мемуаристов той эпохи Антон Фюстер, капеллан академического легиона, подчеркивает, что чешские рабочие в этот период стали в авангарде этого движения¹.

Июньское движение в Вене началось с требований рабочих опустить праздничные и дождливые дни. Администрация пыталась уговорить их отказаться от своих требований, но эти усилия ни к чему не привели.

События развернулись в середине июня. Началось с того, что рабочие решили обратиться в Комитет безопасности с петицией о повышении заработной платы. Толпа, доходившая до 150 человек, 15 июня направилась к Комитету. Была выбрана депутация, которая должна была изложить Комитету безопасности требования рабочих. Последние указывали на свое бедственное положение и требовали повысить заработную плату до 36 крейцеров в день. Доктор Фишгоф, стоявший во главе Комитета, отказал рабочим в их требованиях, но депутация рабочих не отступила от своих позиций. Следствием был арест рабочей депутации. Следовательно, уже в июньские дни Комитет встал на страже «порядка» и боролся с требованиями рабочих.

Новое выступление произошло на месте производства общественных работ на Грюнфельде, где рабочие при выдаче зарплаты потребовали оплаты за дождливые дни. Одновременно вспыхнули волнения и в других районах Вены. Руководитель академического легиона Фюстер указывал на неоднократные попытки со стороны студентов и его самого вмешаться в конфликт между рабочими и городскими властями, но все было тщетным. Отдельные столкновения рабочих с национальной гвардией продолжались еще не-

¹ Fuster Anton Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. Band I. S. 286 На этот факт указывает также Violand. Die sociale Geschichte der Revolution, S. 128

сколько дней¹. Комитет Безопасности мобилизовал значительные силы национальной гвардии, до зубов вооруженной, вполне подготовленной к бою, и направил ее к месту скопления рабочих. Последние должны были смириться.

Вслед затем последовали аресты наиболее активных участников движения, усилен контроль над рабочими и т. д.

Однако спокойствие на общественных работах сохранялось недолго. Уже 4 июля имело место новое выступление рабочих в районе Леопольдштадта. Оно было приостановлено вмешательством национальной гвардии.

Командование национальной гвардии округа Леопольдштадта получило приказ направить два отряда национальной гвардии для восстановления порядка и спокойствия среди рабочих Бригиттенау — так гласит одно из распоряжений по национальной гвардии от 4 июля².

После 4 июля на общественных работах наступило временное затишье вплоть до конца августа, когда произошел новый взрыв.

II

Новый подъем движения произошел в силу обострившегося экономического кризиса, ухудшения положения рабочих, с одной стороны, и в силу провокационной политики реакционеров, ставивших своей задачей покончить с завоеваниями революции, — с другой.

Переход реакции в наступление определялся фактами политической жизни всей Австрии, Германии и ряда европейских стран.

Во всей Европе поднимала голову реакция. Во Франции после подавления июньского восстания установился период жестокой реакции, в Англии это был период упадка чартистского движения, итальянская революция терпела ряд сокрушительных поражений; в конце июля итальянские войска были разбиты при Кустоцце, а 6 августа Милан перешел в руки австрийцев. Судьба итальянской революции была предreshена.

¹ Fuster. Memoiren. B. I, S. 224.

² Helfert, 1. Nat. Garde; 2. Obercommando; 3. A. d. Bezirkscommando Leopoldstadt; 4. P. a. s. Wen 1848 Juli 5. fol. I p. Befehl gez. Sauzer Johann und Ob. comm. Ord. offic. 6 zur Beruhigung. d. Arbeiter und 2. komp. Nat. gard zu ensenden. Этот документ, как и целый ряд других аналогичных приказов по национальной гвардии, извлечен из рукописного архива крупного австрийского политического деятеля Гельфerta. В папке № 1 содержатся приказы командования национальной гвардии районным подразделениям, в частности к частям национальной гвардии, находящимся в Леопольдштадте. Содержание этих приказов самое разнообразное. Ими устанавливается порядок жизни национальной гвардии и порядок представительства, ежедневные назначения на караульную службу, охраны порядка, производство парадов, приказы по экипировке и вооружению отрядов, служебные записки и пр. Документы отражают повседневную жизнь и деятельность национальной гвардии. Последняя стоит на страже «порядка», охраняет жизнь и собственность буржуазии от покушений со стороны рабочих. Архив хранится в ИМЭЛГ.

В Германии наблюдался перевес контрреволюционных сил. В августе Пруссия заключила перемирие в Мальме, и франкфуртский парламент подготавливал ратификацию этого перемирия.

Усиление контрреволюционных сил было очевидным и в Пруссии, управлявшейся министерством Ауэрсвальда — Ганземана, выступление военщины в Швейднице относится именно к этому периоду.

Для победы контрреволюции в Австрии сыграли большую роль следующие факты: подавление восстания и установление осадного положения в Праге, победы австрийских войск в Италии, внутренние конфликты в Венгрии; в частности, выступление лидера наиболее реакционных элементов бана в Хорватии Елачича против венгров.

Господствующие классы Австрии рассчитывали, что помощь им принесет возвратившаяся с победой из Италии австрийская армия.

Современные события мемуаристы показывают об этом со всей очевидностью. Обратимся к свидетельству Гюбнера, которому принадлежат реакционные по своему содержанию мемуары о 1848 году «Один год моей жизни».

Автор, видный дипломат, бывший долгое время представителем при дворах Ангальт, Шварцбург, консулом в Саксонии, в начале 1848 года был в Вене.

После майских дней Гюбнер покинул Вену и совершил путешествие по Италии, Германии и Швейцарии. В июле он возвратился в Вену, и столица Австрии его поразила. Она представлялась ему находящейся полностью во власти революционных сил.

«В рейхстаге не прекращаются запросы, обращенные к министерству относительно внешнеполитических дел... Положение Вены характеризует сам рейхстаг: дискуссии, переговоры, поведение и даже одежда депутатов. Мы еще целиком во власти революции».

«О том же, — продолжает Гюбнер, — говорят и улицы Вены. Встречаешь только развязных студентов, украшенных национальными эмблемами, пролетариев и жителей нижних этажей; черно-желтые и придворные, которых в Вене было большое количество, прячутся от себя или укрываются в Бадене, Гитцинге, Деблинге... Они трепещут»¹.

Такова обстановка в июле, но она быстро меняется, главным образом в связи с победами австрийской армии в Ломбардии. Из Италии приходят известия о победах Радецкого, вселяющие в души реакционеров надежду на скорое освобождение от «диктатуры» студентов и пролетариев. Военные действия и победы австрийцев в Италии обострили внутривнутриполитическую борьбу в Вене. Демократические массы имели основания опасаться, что победа реакции в Италии приблизит расправу с революционным движением в Вене.

¹ Le comte de Hubner. Une année de ma vie 1848—1849. Paris Librairie. Hachette 1891. p. 268.

Политический кризис, назревший в Австрии, определился как следствие итальянского вопроса, обострившего партийную борьбу внутри страны, так и благодаря конфликту австрийского правительства с Венгрией. В конце концов этот конфликт между Венгрией и Габсбургами вылился в открытую войну. Страна была ареной открытой войны, потрясшей до основания политическую и хозяйственную жизнь страны.

Создалось исключительное напряженное финансовое положение правительства. Нарушились старые торговые связи. Эти обстоятельства пагубно отразились на ряде отраслей производства, в особенности на наиболее важной отрасли венской индустрии — шелковом производстве¹.

Война требовала больших расходов, а государственные доходы в связи с кризисным состоянием хозяйства, сокращением размеров производства и торговли, с плохим поступлением налогов уменьшились. Государственный дефицит в начале 1848 года достиг 13,8 миллиона флоринов, то-есть был значительно выше, чем в предыдущие годы. Государство было вынуждено обратиться к выпуску бумажных денег. Последние наводнили денежное обращение Австрии. Соотношение звонкой монеты к бумажным деньгам доходило в июле 1848 года до 1:9, — это вело к обесцениванию денег и к нарушению кредита. Золото и серебро исчезли из обращения, их заменили обесцененные бумажные деньги, биржа подвергалась постоянным потрясениям².

Сильное сокращение рынков сбыта, дороговизна сырья, высокий процент за кредит, оказываемый торговыми заграничными фирмами, — все это влияло на торговлю и на промышленность. Периодическая венская печать занята выяснением причин застоя в делах.

В статьях венских газет отмечается, что основными причинами кризиса является отсутствие достаточного сбыта товаров.

Наряду с промышленным кризисом и банкротством крупных предприятий наблюдалось разорение мелких хозяйчиков и мелких торговцев, которые пополняли армию безработных.

Венская пресса за июнь, июль, август наполнена жалобами на продовольственный кризис. Цены на предметы первой необходимости растут, повсюду раздаются жалобы, что торговцы хлебом и мясом своими злоупотреблениями усиливают нужду, что они

¹ Nordstein (Geschichte der Wiener Revolution. Leipzig L. 241) указывает, что мастера и подмастерья в тех предприятиях, которые работают не на войну, сидят без хлеба и без работы. Fürster A. (Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. S. 97) указывает, что положение рабочих и ремесленников из рук вон плохо.

О кризисе говорит также Belleghier. Histoire de Revolutions de l'empire d'Autr. 1848 et 1849. Leipzig 1850. 2. vol., p. 176.

² Zenker. Die Wiener Revolution 1848, Ss. 182—183.

богачаются за счет потребителей и одновременно другая часть тех же торговцев и мелких собственников подвергается разорению и обнищанию.

Разорение мелких ремесленников, в особенности упадок цехового ремесла, обусловили острую борьбу между цеховым и вне цеха стоящим ремеслом. Цехи воспользовались промышленным кризисом, их представители выдвинули в рейхстаге и в Общинном совете свои требования, в основном сводящиеся к созданию такого законодательства, которое сохранило бы от полного разорения цеховое производство и ограничивало бы организацию предприятий, стоящих вне цехов и конкурирующих с ними.

Восьмого августа в рейхстаг была направлена петиция от имени особой организации, «Центрального комитета по гильдиям и цехам», с требованием уничтожения свободного ремесла. В этом обращении система свободы в области промышленного производства названа гибельной системой, препятствующей установлению спокойствия и порядка, порождающей гражданскую войну¹.

Содержание этих записок чрезвычайно характерно и свидетельствует о напряженной борьбе цехового производства со свободной промышленностью за свое существование.

В августе в рейхстаг была подана петиция, носившая название «Петиция всех цехов и предпринимателей Верхней Австрии, обращенная к достопочтимому рейхстагу Вены». «Свобода промышленности, — говорится в этом документе, — это безумие», свобода промышленности и торговли «порождает коммунизм». «Прочь эгоизм и плутни англичан, не имеющих средних классов, а только богатых и нищих». «Свобода промышленности дает исполинский выход для духа разрушения, для беспрепятственного распространения и развития идей коммунизма». «Восстановление же цехов, — продолжает далее петиция, — а также обеспечение их нужд противодействует «ужасной анархии». «Таково положение в настоящий момент, так будет и впредь».

И далее документ следующим образом формулирует свои требования: а) восстановление всех цехов на основе права ассоциации и распространения цеховых положений на все отрасли производства; б) уничтожение торговли в разнос; в) уравнивание представительства ремесленников в рейхстаге с другими классами².

Для определения «программы» своеобразного движения, стремящегося возвратить Австрию к старому докапиталистическому строю, исключительно яркий материал дают решения съезда мастеров в Брюнне (Брно), на котором присутствовали делегаты Моравии, Силезии и Галиции.

Они дают яркую характеристику умирающего, но цепляющегося за свое существование мира «цеховщины». Брюнские мастера и предприниматели выдвигают условия, требующие: 1) «всемер-

¹ Reschauer H. Geschichte des Kampfes der Handwerkerzünfte und der Kaufmannsgremien und die österreichische Bureaukratie, 1882. S. 208.

² Там же, S. 211.

ного ограничения» слишком быстрого роста больших фабрик и машинного производства города и деревни; 2) ограничения массовой раздачи патентов на торговлю и производство продуктов; 3) представительства мелких производств в общегосударственных и провинциальных органах.

Цеховые мастера и хозяйчики развивают обширную программу мероприятий, которые должны укрепить цехи и ограничить «ужасающий рост капиталов» и разорение цеховых ремесленников.

Подробный анализ этих свидетельств говорит о своеобразном «бунте» цехов, который сыграл на данном этапе революции свою губительную роль. Петиция брюннских мастеров выдвигает требования, об исполнении которых мечтали венские хозяйчики. Аполонетов цехового производства в Вене было очень много. Эти элементы всегда и всюду были носителями самых реакционных идей и тенденций, они враждебны были развитию капитализма, прогрессу, движению рабочих, в последнем они видели выражение «анархии». Они-то и составляли то коренное венское бюргерство, которое было большинством Общинного совета. В свете разобранных выше петиций с еще большей яркостью вырисовывается реакционность позиций Общинного совета, ибо если, с одной стороны, он состоял из защитника интересов цеховых мастеров и хозяйчиков, ненавидящих рабочих новой эпохи, то, с другой стороны, в нем были также и представители капиталистической мануфактуры, которые быстро разочаровывались в революции и отходили от нее.

III

Важным этапом обострения политической борьбы были противоречия между различными партиями по вопросу о возвращении императора.

Избирательная кампания в рейхстаг и открытие рейхстага с неизбежностью подняли эту проблему. Рейхстаг сделался ареной политических столкновений. 25 июня депутат Умлауфт запросил министерство о том, что им сделано в смысле возможности ускорения возвращения императора в Вену. Умлауфта интересовало предоставление гарантий народу в этом вопросе.

Министр Добльгоф ответил, что министерство уже давно, запросив императора о его намерениях, с часу на час ждет его решения.

29 июля в рейхстаге, в связи с обсуждением текста адреса императору с приглашением его в Вену, начались горячие прения, выявившие глубокие разногласия среди членов рейхстага по вопросу о возвращении императора. Правые считали, что император должен возвратиться в «покорную» Вену. При формулировке адреса императору самим текстом адреса они хотели подчеркнуть свои верноподданические чувства. Правые требовали, чтобы адрес был сформулирован так, что рейхстаг почтительно «просит» о возвращении императора в Вену. Левые настаивали на слове «требует».

Речь известного уже нам Фюстера поразила всех своей смелостью. «Австрийский народ, — говорил Фюстер, — в тех интригах, которыми сопровождался увоз императора, проявил совершенно исключительное, невиданное в истории терпение... Народ был революционным и суверенным, он не должен был бы просить, как нищий, и, тем более, его представители не должны были бы направлять депутацию с верноподданическим адресом в Инсбрук.

Было бы гораздо лучше, если бы с самого начала народ заговорил бы более энергичным языком... Однако он проявил исключительную, несвойственную другим народам умеренность, стоит только напомнить историю Карла I, Якова II, Людовика XVI»¹.

Угрожающие слова, что Фердинанда может постигнуть участь Людовика XVI, послышались в зале рейхстага. Эта «гильотинная», как ее называли, речь вызвала выступления реакционеров, поток анонимных писем по адресу радикального депутата. Требования Фюстера поддерживали радикальные депутаты рейхстага.

Ту же позицию защищал Виолан, который возражал против слова «отец», употребленного в адресе². Вне рейхстага эту речь приветствовал журналист Еллинек, как выступление, отражающее настроение масс. И действительно, позицию левых в рейхстаге нельзя рассматривать как явление случайное. Левые отражали настроение демократических масс, среди которых с отъездом императора стали укрепляться республиканские воззрения. В момент, когда происходили дебаты об адресе, они держались той точки зрения, что пребывание императора в Инсбруке более опасно, чем его приезд в Вену. Причем, с их точки зрения, возвращение Фердинанда в Вену должно быть выражением его покаяния. Просьбы и молебны венского населения и рейхстага левые считали совершенно неуместными. Выступление Фюстера и Виолана вызвало целую бурю в рейхстаге и борьбу различных воззрений в прессе.

Фишгоф заявил Фюстеру: «Вы будете виноваты, если император не вернется. Камарилья безусловно использует вашу речь. Будут говорить: смотрите, какие субъекты стоят во главе движения; туда, где господствуют столь кровожадные люди, император не должен возвращаться».

Фюстер ответил: «Если император не вернется — ничего не будет плохого, даже лучше, если его окружение останется в Инсбруке»³. Вне рейхстага проводниками радикальных воззрений были некоторые популярные газеты «Gradaus», «Der Radikale» и др. Правые не остались в долгу. В своих выступлениях в рейхстаге они говорили, что причиной пребывания в Инсбруке императора является власть Комитета безопасности, выступающего в роли чрезвычайного и безответственного органа. Правые солидаризировались с позицией министров Пиллерсдорфа и Стадиона, требовав-

¹ F ü s t e r Anton. Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. Zweiter Band, S. 34.

² Там же, cit. S. 35.

³ Там же.

ших от рейхстага изъятия верноподданнических чувств¹. Реакционеры подняли кампанию против Фюстера. Фюстер же занял резкую антифеодальную позицию. Он не был республиканцем, он боялся восстановления меттерниховской системы.

В итоге был принят адрес императору на основе соглашения центра с левыми, где рейхстаг «требовал» возвращения императора, но вместе с тем депутаты подчеркивали свою лояльность. В адресе говорилось, что единые интересы государства и короля требуют присутствия императора в столице. В послании к императору подчеркивалось «свободное волеизъявление» депутатов венского рейхстага перед лицом народов Австрии, Германии, Европы и проч.

В связи с постановлением рейхстага делегация отправилась в Инсбрук и получила согласие императора на возвращение. 12 августа император возвратился в Вену.

Реакционная часть буржуазии с радостью встретила императора, рассчитывая на восстановление своих доходов и укрепление своего политического положения. Демократическая печать в лице «Радикала» призывала к бдительности, к усилению контроля над властью. Габсбургская Газета «Der Radikale» поместила статью, протестующую против торжественного приема, организованного буржуазией императору «Разве заслуживает тот, кто нарушил конституцию, кто теперь делает лишь первый покаянный шаг, такой торжественной встречи, такого праздничного приема, — писала «Der Radikale» — Тихо и незаметно, как он и уехал, должен был император совершить свой въезд в Вену, и народ показал бы достаточную степень лояльности, если бы он накинул покров забвения на этот эпизод и принял бы императора так, как будто ничего не случилось и ничего прощать императору не приходится. Но нашим венцам, к сожалению, еще далеко до этого. К чести их, впрочем, надо сказать, что торжество не было так велико, и еще менее оно было всеобщим. Вместе с императором возвратился, к сожалению, весь двор. Будем надеяться, что к ним не придется применить поговорку «Они ничему не научились и ничего не позабыли»².

Революционную позицию в этом вопросе заняла только «Новая Рейнская газета», бывшая подлинной трибуной пролетарских интересов. «Новая Рейнская газета» противопоставляет свою пози-

цию направлению всех других буржуазных и мелкобуржуазных газет, подчеркивает, что с момента приезда императора неизбежно обострение классовой борьбы. «Разгром Италии и возвращение двора привлекало сюда, как это чувствует каждый, большое количество людей черно-желтого направления. Парк Шенбрун наполнен только что возвратившимися и болтающими по-французски савалерами, прихвостнями камарильи. Мне становится страшно, — пишет корреспондент «Новой Рейнской газеты» Мюллер-Теллеринг¹, — от тревожного вопроса императора. «Академический легион попрежнему существует?» — этот предательский вопрос, кажется мне, готов сорваться с губ у вновь налетевших сов. В Вене показались также множество дельцов, этих болотных лягушек, молчащих из страха перед неизвестностью результата похода на Италию. В настоящий момент, в связи с приездом императора, они выползли из своих луж и начали квакать. «Академический легион попрежнему существует?».

Мюллер-Теллеринг призывает к бдительности и предупреждает, что готовится удар против Академического легиона, собирает подписи на прокламации, призывающие к его роспуску. «Готовятся нанести удар свободе Австрии», — пишет Мюллер-Теллеринг.

Оценка венского корреспондента «Новой Рейнской газеты» факта возвращения императора в Вену была правильной, и его прогнозы относительно предстоящих опасностей для революционных завоеваний оказались пророческими.

С возвращением императора резче обозначались борющиеся стороны. С одной стороны, демократы попытались подчеркнуть свои требования, с другой, — император и придворные приступили к мобилизации своих сил и стремились объединиться с представителями реакционной части буржуазии. Камарилья спешно проводила подготовку контрреволюционного удара. Но и Академический легион проявил активность, участвовали его заседания, наблюдались признаки мобилизации демократических сил, в Вене появился известный баденский республиканец и демократ Геккер.

Приезд Геккера был использован демократами для активной агитации за республику. 16 августа было организовано в университете собрание в честь Геккера. На собрании выступал сам Гек-

¹ Meunert Geschichte der Ereignisse in der österreichische Monarchie während der Jahre 1848 in ihren Ursachen und Folgen, Wien 1853, S. 523.

² «Der Radikale» № 49 13 VIII 1848 г. В статье Зигмунда Коллиш мы встречаем те же призывы к бдительности, обращенные к австрийскому народу. В статье «Заговор» Коллиш выступает против газеты «Цушауэр», органа придворной камарильи, опубликовавшей программу монархической контрреволюции, роспуска студенческого легиона и роспуска Комитета безопасности, новой структуры национальной гвардии и нового кабинета министров, составление которого поручается графу Стадиону. Зигмунд Коллиш призывает к борьбе с контрреволюцией: «Контрреволюционеры клеветают на левых, преданных друзей, они чернят их в твоих глазах, рассчитывая на то, что ты причинишь себе зло, отказавшись от них. Австрийский народ заставь этих клеветников замолчать», — пишет Коллиш «Der Radikale» № 41, 4 VIII. 1848 г.

¹ Мюллер-Теллеринг — венский корреспондент «Новой Рейнской газеты». Корреспонденции из Вены были обычно большими содержательными статьями, дававшими детальную характеристику политической ситуации в Вене и борьбе различных направлений. В одном письме Виктору Адлеру Энгельс дает довольно положительную оценку Теллеринга, как корреспондента, выражая одновременно неудовольствие по поводу его вздорного характера. Энгельс пишет: «Наш венский корреспондент был Мюллер Теллеринг из Кобленца, фанатичный как все кобленцы, и забияка первого сорта. Его венские корреспонденции вплоть до вступления Виндигшпегца были преувеличенно революционными, что ввиду все сильнее выступавшей повсюду реакции было для нас довольно хорошо» (Victor Adler Aufsätze Reden und Briefe B I, S. 117).

кер и призывал к вооруженной борьбе за республиканский строй. Его призыв нашел единодушную поддержку среди собравшихся.

Легионер Оскар Фальке подчеркивал необходимость следовать примеру Франции и, указывая на реевшее над ним трехцветное знамя Франции, также призывал к борьбе за установление республики во всей Германии.

Присутствующими на собрании было решено направить обращение по адресу левых франкфуртского собрания, а также обращение с просьбой активной помощи к Рабочему союзу, к союзу литераторов и т. д.¹

Наступил день смотра национальной гвардии — 19 августа. Император был приглашен на это торжество. Императорская фамилия и придворные оказывали знаки милости и внимания вооруженным бюргерам. Академический легион организовал демонстрацию протеста против двора. Студенты проходили мимо императорской фамилии с опущенными головами, громко приветствуя присутствующих депутатов рейхстага, причем они пели не государственный гимн, а свой студенческий марш (Fuchslied). А когда Добльгоф задал вопрос, являются ли решения университетских заседаний выражением настроений всего Академического легиона, последовали ничего не значащие заверения со стороны студентов в своей лояльности². Смотр национальной гвардии был выражением примирения реакционной части буржуазии с юнкерством.

В день смотра национальной гвардии имел место и другой факт, отражавший переход контрреволюции в наступление. Был опубликован приказ за подписью министра Шварцера, снижавший зарплату занятых на общественных работах безработных. 19 августа, в час выдачи заработной платы, Шварцер велел объявить на всех рабочих пунктах, что с будущей недели поденная плата снизается для женщин до 15 крейцеров, а для детей до 10 крейцеров.

Реакционные замыслы собственнических классов нашли свое выражение в наступлении министерства на революционные завоевания, на государственную помощь безработным. За снижением зарплаты должно было последовать сильное сокращение рабочих на общественных работах, фактическое свертывание этих работ. Политика министерства привела к выступлению рабочих; произошло событие, определившее в известной степени дальнейший ход революционного движения в Австрии.

IV

Проводя выступление рабочих, правительство одновременно готовилось к подавлению, делало спешную подготовку к отраже-

¹ Коллекция листовок ИМЭЛ «Австрия в 1848 г.» 18 августа 1848 г. Сообщение министру внутренних дел. An seine Excellenz den Herrn Minister des Innern».

² Meunert Hermann. Geschichte der Ereignisse in der österreichische Monarchie während der Jahre 1848 und 1849, S. 527.

нию возможного выступления рабочих. Своим орудием оно сумело сделать национальную гвардию, последнюю специально муштровали для разгрома рабочего движения.

В лице Штрефлера национальная гвардия получила достойного преемника прежнего ее руководителя ланд-егермейстера Гойоса. Гойос превращал национальных гвардейцев в полицейских, которые были использованы оставшимися на местах чиновниками феодальной власти для ловли «крамольников», для изъятия из обращения листовок и прокламаций и т. д.

После майских дней такое использование национальных гвардейцев для «мелких дел» стало уже невозможным. Потребовалось приспособить национальную гвардию к новым задачам и сделать ее орудием замыслов реакционной части буржуазии. Национальная гвардия приобретала политическую силу. Она охраняла буржуазный «порядок» от покушения на него со стороны рабочих. Были попытки со стороны рабочих реорганизовать национальную гвардию, создать при ней особый рабочий батальон. Петиция с подобным ходатайством была подана в рейхстаг. Это предложение встретило возражения. Выступил член рейхстага Грош с заявлением, что создание рабочего батальона при национальной гвардии нарушит единство. Министр Добльгоф возражал против участия рабочих в национальной гвардии на том основании, что ни по уставу фабричных предприятий, ни по роду своих занятий рабочие не могут быть национальными гвардейцами¹.

Петиция была отклонена рейхстагом. Национальную гвардию восстановили против революционных организаций. «Тысячи ложных ухищрений было пущено в ход, — читаем мы в корреспонденции «Новой Рейнской газеты» Мюллера-Теллеринга, — чтобы восстановить национальную гвардию против Академического легиона и Комитета общественной безопасности. Эти старания привели к тому, что некоторые отряды национальной гвардии отзывали своих представителей из Комитета общественной безопасности, не направляя новых»².

Национальную гвардию изолировали от всяких революционных влияний. С другой стороны, возвращение императора сделало контрреволюцию более смелой, пропаганду среди национальных гвардейцев более открытой. Около императора создался тайный кабинет, состоящий из министра юстиции Баха, министра внутренних дел Добльгофа и министра Латура. Эта тройка находилась в тесной связи с верноподданнической национальной гвардией, натравливаемой на Академический легион и на рабочих³.

¹ «Der Radikale» № 56, 22. VIII. 1848.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 87, Köln. 27 August.

³ Fuster Anton. Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. Zweiter Band, Ss. 91, 103.

В этом же направлении обрабатывалась и армия. Среди австрийских солдат распространялись контрреволюционные стихи, сочиненные в армии Виндишгреца под названием «Голос предостережения из Италии» (Eine Warnungsstimme aus Italien), где содержались угрозы против студентов и рейхстага. В этом же стихотворении говорилось, что солдаты по возвращении из Италии отомстят за императора. «Мы будем вооруженными и всегда наготове, вдохновляемые нашей клятвой»¹, — декламировали солдаты и офицеры австрийской армии, готовые к вооруженному походу против революции. Армия натравливалась не только на рейхстаг и на студентов, но и на рабочих. Армию подготавливали к выступлению против «господства черни». Однако двор приберегал правительственные войска для будущего. Все внимание министерства в тот момент направлялось на подготовку национальной гвардии для охраны «общественного порядка и спокойствия», для борьбы против выступлений рабочих². Силы национальной гвардии приводились в боевую готовность. Задолго до решающих событий национальная гвардия охраняла порядок на месте производства общественных работ.

Второго августа в 2 часа дня было отдано следующее распоряжение: «По некоторым признакам, сегодня вечером готовится выступление в пригородах (в особенности в Альзенштадте и Видене). Необходимо принять меры к усилению охраны пригородов силой национальной гвардии. Основная задача заключается в создании усиленных патрулей для противодействия на разрушению спокойствия. Командование должно держать наготове свои вооруженные силы. В случае, если будут пытаться устраивать кошачьи концерты, необходимо задерживать зачинщиков. При возникновении какой-либо опасности необходимо объявить сбор и привести в боевую готовность»³.

В дни 18—19 августа, когда должен был быть обнародован приказ о снижении платы рабочим, занятым на общественных работах, правительство усилило охрану «порядка».

18 августа было отдано распоряжение национальной гвардии Леопольдштадта направить гвардейцев к месту производства общественных работ в Брегитенау и Табор. На следующий день в 12 часов 30 минут было отдано новое распоряжение о том, чтобы держать наготове пикеты на всех местах, где производятся обще-

ственные работы, так как должен быть обнародован указ о снижении зарплаты рабочим¹.

Все эти предварительные меры, как видно из дальнейшего, мало изменили ход событий. Несмотря на усиленную охрану города, рабочие выступили, и Вена сделалась ареной кровавых событий.

Канун событий 21—23 августа ознаменовался рядом радикальных постановлений Академического легиона, Комитета общественной безопасности, рейхстага. Происходило размежевание сил между реакцией и демократией; обе стороны готовились к бою. Даже рейхстаг высказался против выступления Зелингера, предложившего без всяких дебатов признать заслуги австрийской армии в Италии и Тироле. Все это говорило за то, что ни Академический легион, ни Комитет общественной безопасности, ни даже рейхстаг не собирались сдавать своих позиций реакции без боя. Демократы считали, что завоевания революции на данном этапе были исключительно прочными. Мюллер-Теллеринг в корреспонденциях в «Новую Рейнскую газету» писал по поводу политических настроений в Вене следующее: «Столица еще раз пережила кровавые дни, демократия еще раз одержала большую победу, эта победа демократии досталась, главным образом, благодаря исключительному уму и стремлению защитить народную свободу со стороны революционно настроенных граждан Комитета общественной безопасности». «Я большую часть ночи и сегодня утром был в Комитете и вынес убеждение, что свобода Вены хорошо защищена»². Мюллер-Теллеринг в своей корреспонденции подчеркивает провокационный характер политики двора и министерства, которые в лице Шварцера нашли подходящую фигуру для проведения своих замыслов.

Разжигание рабочих волнений в гражданскую войну было в интересах министерства и двора, которым, во-первых, хотелось продемонстрировать перед массами бессилие Комитета общественной безопасности и, во-вторых, изолировать рабочих. Этот замысел удался и министерству и тесно связанной с ним реакционной части буржуазии, заседавшей в Общинном совете.

V'

Выступление рабочих 21—23 августа, начавшись с демонстрации, превратилось в более широкое политическое движение. Движение происходило, главным образом, в тех кварталах и районах, где происходили общественные работы.

¹ F ü s t e r Anton. Memoiren von März. 1848 bis Juli 1849. Zweiter Band, s. 90

² Helfert I Hoffer Johann, D prov. Vorstand d. Vereines d. Freunde d. gesetzlichen Ordnung u. wahren Freiheit 2. An d Bezirkscommando d Leopoldstadt 3 Wien 1848 Juli 21 Fol Aus Befurchtung von Unruhen ersucht gefertichste eine grossere Bereitschaft d. National Garde auf seine Platz in d Leopoldstadt veranlassen zu wollen

³ Там же, Vom Nationalgarden obercommando, An des Nationalgarden, Bezirkscommando Leopoldstadt. 1) National Garde obercomm Streiffere 2) An Bez rkscomm. Leopoldstadt. 3) p. s Wien 1848 August 2 folio p 4) Tagesbefehle Bereitschaften zu versturken Wegen mögl'che Aufläufe in d. Vorstädte.

¹ Helfert I Пакер 126. Vom National Garden Obercommando an das National Garden Bezirkscommando Leopoldstadt Последнее распоряжение было передано за подписью заместителя Штрефлера Вольмажини.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 87, Köln 27 August

Вена, расположенная на правом берегу одного из рукавов Дуная, делилась на собственно город, так называемый «Внутренний город», и 34 пригорода (Vorstädte), из них наиболее населенными были Виден, Леопольдштадт, Ландштрассе, Гумпендорф, Шотенфельд¹. Там, где проходил канал, пригороды соединялись с городом посредством мостов, в ряде районов переброшенных через водное пространство. Таковы Аугартенбрюкке, Шведенбрюкке и др.² Как и во всех городах, население пригорода было, главным образом, рабочим, внутренний же город являлся административным центром, населенным богачами. Тем не менее в ряде пригородов были кварталы, где обретались состоятельные классы. Пригороды были центром производства общественных работ. Строительные и земляные работы производились в Леопольдштадте, Видене, Мариагильфе и других местах. Рабочие были заняты постройкой предохранительной дамбы от наводнения Бригиттенау, постройками в Леопольдштадте, урегулированием Дуная, постройкой больницы в Видене.

Важную роль в движении сыграл пригород Леопольдштадт с его рабочими кварталами: Пратерштрассе, Таборштрассе и др.

Большую роль в движении сыграл также район Северного вокзала и близлежащие улицы и парки. Столкновения рабочих с национальными гвардейцами и гражданской гвардией происходили и во «внутреннем городе».

21 и 22 августа делались приготовления к большому бою. Эти приготовления касались, главным образом, национальной гвардии. Ряд распоряжений по национальной гвардии, обнародованных между 19 и 23 августа, говорил о том, что план подавления выступления рабочих был разработан самым тщательным образом. Пикеты национальной гвардии были расставлены всюду, где могли проходить рабочие. Особенно охранялись входы во внутренний город, а также все улицы, соединяющие пригороды Вены с внутренним городом. Правительство и Общинный совет, ожидая больших событий, усиленно готовились к ним, в чем убеждают все распоряжения по округу Леопольдштадта.

Правительство сделало некоторые распоряжения по национальной гвардии Леопольдштадта. 21 августа в 10 часов утра было отдано распоряжение, чтобы командование национальной гвардии сделало все возможные приготовления для того, чтобы иметь отряды войск наготове. Часть войск направлялась на подкрепление других предместий. Было дано указание, какие районы должны быть заняты. Наиболее угрожаемыми казались те, где происходили общественные работы: Виден, Иозефштадт, Ландштрассе и дру-

гие. Под особой охраной должны были находиться мосты и ворота города. Приказом от 22 августа был установлен порядок выступления национальной гвардии. Командование национальной гвардии в категорической форме отдает свои распоряжения: «Приказываю, ввиду предстоящих рабочих волнений, быть готовыми на случай тревоги». «Процессии рабочих с флагами или каким-либо оружием не могут быть терпимыми»¹. «Имеются признаки, что сегодня после обеда рабочие намереваются вторгнуться в город. Если это произойдет, будет дано распоряжение о выступлении, и войска должны будут занять все указанные диспозиции и все высоты. Само собой разумеется, что заранее никто не должен выступать, однако необходимо расставить во всех предместьях пикеты и конные патрули, последние должны находиться в полной боевой готовности на основе кавалерийского устава. В случае, если рабочие в большом количестве направятся в город, указанные патрули должны немедленно преградить им путь и дать распоряжение о закрытии ближайших ворот города. Необходимо оказать противодействие рабочим, выступающим с флагами и вооруженным инструментами»². Один приказ, изданный 21-го августа в 7^{1/2} часов вечера, дает распоряжение о концентрации боевых сил национальной гвардии по всем районам. Его содержание указывает на то, что правительство готовилось подавить не рабочую демонстрацию, а рабочее восстание.

Правительство распорядилось об охране всех главных ворот города: Шоттендор, Бургтор, Кертнертор, Штубетор. Войска должны были охранять следующие общественные здания: императорский дворец, здание рейхстага, цейгауз, здание военного командования и т. д. Давались распоряжения — во-время закрыть ворота города, следить за тем, чтобы не было со стороны рабочих никаких эксцессов, делались указания о необходимости следить за тем, чтобы рабочие не разрушали уличных фонарей, указывалось на точное соотношение действующих войск и резервов, на порядок смены войск, указывалось на порядок охраны пригородов, и, наконец, одно из распоряжений требовало подготовить артиллерию у главных ворот города.

«Со всех сторон, — пишет Штрефлер, — выражается недоверие к национальной гвардии, я же со своей стороны считаю, что национальная гвардия сама сможет обеспечить порядок»³. Контрреволюция, таким образом, хорошо подготовилась к предстоящему выступлению рабочих, проявила распорядительность, до мелочей разработала план действий национальной гвардии, выделила командование отдельными отрядами, дала им определенные,

¹ У нас имеются сведения о количестве домов как во внутреннем городе, так и в пригородах по переписи 1845 г. Во внутреннем городе было 1217 домов, в Видене — 957, в Леопольдштадте — 725, в Ландштрассе — 733, в Шотенфельде — 511, Schmiede Wien seine nächsten Umgebungen Wien 1887.

² Pschischka Franz. Geschichte d. Stadt Wien 1847, S. 527.

¹ Vom National Garden Obercommando an das National Garden. № 143 Bezirkscommando Leopoldstadt am 21 August 1848.

² Там же, № 131.

³ Там же, № 129.

точно зафиксированные указания относительно порядка и плана действий¹.

Правительство организовало кровавую расправу с рабочими. На следующий же день после приказа о снижении заработной платы рабочие решили организовать демонстрацию протеста. Двадцатое августа прошло спокойно. Серьезные события произошли в понедельник 21 августа, в связи с тем, что стали поговаривать о новом наступлении министерства, о снижении зарплаты рабочим-мужчинам. В 8 часов утра была выработана петиция к министерству и к Комитету общественной безопасности. Организовалась демонстрация, которая направилась к городу. Министерство немедленно обратилось к Общинному совету и Комитету общественной безопасности с требованием оказать противодействие демонстрации рабочих и не допустить ее к городу. Тем не менее значительная часть рабочих пробилась в город и оказалась около здания Комитета общественной безопасности. В этом районе города и других были отдельные столкновения участников движения с гражданской и национальной гвардией, и последняя пустила в ход оружие². Наиболее влиятельные члены Комитета попытались успокоить рабочих и уговорить подождать депутацию, направившуюся к министру Добльгофу. Через час депутация принесла ответ: министр отказался отменить решение, сославшись на отсутствие денежных средств у государства. Эти известия вызвали у рабочих бурю негодования. Комитет общественной безопасности был принужден выявить свое отношение к событиям. Комитет оказался неспособным сыграть роль революционного центра. Он обнаружил бессилие к руководству движением и ограничился ролью посредника между борющимися сторонами: уговаривал рабочих разойтись по домам, примириться с правительственным постановлением. Одновременно с тем Комитет стремился предотвратить кровопролитие и пытался воздействовать на политику Общинного совета и на командование национальной гвардии. Комитет общественной безопасности хотел взять руководство действиями национальной гвардии в свои руки и разрешить ей активные действия только в случае, если рабочие двинутся из пригородов в город и если их выступления будут угрожать общественному порядку. Члены Общинного совета и командование

национальной гвардии сделали вид, что они покоряются руководству Комитета. Приказы по национальной гвардии показывают, что это согласие было притворным. Ни министерство, ни действующие в полном контакте с министерством органы власти — Общинный совет, командование национальной гвардии — не выпускали инициативы из своих рук. Между тем волнения усиливались.

Негодование рабочих росло. Оно направлялось, главным образом, против двора, камарильи, против министерства. Настроения рабочих рисует корреспонденция «Новой Рейнской газеты», описывающая все перипетии этого дня. «Вчера вечером рабочие хотели повесить Шварцера, последнему удалось скрыться. Они угрожали направиться к Шенбрунну (место, где находился императорский дворец — Р. А.) для того, чтобы, как они говорят, уничтожить все гнездо придворных, повесить на деревьях парка». «Шенбрунн, — продолжает венский корреспондент газеты Мюллер-Теллеринг, — был вчера окружен регулярными войсками и национальной гвардией и подвергался охране. Все очевиднее становится тот факт, что гнев народа направляется главным образом против Шенбрунна, который возбуждает все большую ненависть»¹.

Несмотря на все старания Общинного совета не допустить в город рабочих, последние проникли к зданию университета, направили вторую депутацию к Шварцеру, третью к Общинному совету и рабочему комитету.

Рабочие с полным основанием могли рассчитывать на активную поддержку Академического легиона, ибо им было известно, что последний был в полной готовности к выступлению, в ответ на известные уже нам угрожающие запросы министерства и усиленно распространяемые слухи о готовящемся роспуске Академического легиона. Последний в ночь с 20 на 21 стоял под ружьем. Однако положение значительно изменилось, когда Академическому легиону стало известно, что основная задача министерства — предупредить выступление рабочих. Академический легион решил не выступать и взял на себя роль примирителя.

Обратимся к мемуарам Фюстера, который в это время был фактически главой Академического легиона. Он очень подробно рассказывает об отношении Академического легиона к выступлению рабочих. «Положение легиона в эти дни было чрезвычайно трудным». Часть Академического легиона, по словам Фюстера, была враждебна движению. Другая часть заняла нейтральную позицию. Сам Фюстер принадлежал к числу последних.

«Мы решили занять нейтральную позицию в движении, — пишет Фюстер, — в крайнем случае защищать рабочих»... «Студенты взяли на себя охрану города, решив не выступать активно на стороне рабочих. Своей готовностью и вместе с тем мужеством мы

¹ В предместье Виден должны были действовать отряды национальной гвардии под руководством Платенштефера, в Иозефштадте — Вуго и Брауде.

² Коллекция листовок ИМЭЛ «Австрия в 1848 г.» август. В прокламации Kundmachung 23 August публикуется опровержение Общинного совета против распространения слухов, что в итоге столкновений 21 августа были многочисленны жертвы со стороны демонстрантов. Документ живо утверждает, что гражданская гвардия якобы долго терпеливо сносила нападки и брань со стороны демонстрантов и в конце концов вынуждена была прибегнуть к оружию, в итоге столкновений были только легкие ранения. См. также «An die Nationalgarde Wiens 22 August 1848». Коллекция листовок ИМЭЛ, «Австрия 1848 г.» август. Общинный совет выражает благодарность национальной гвардии за то, что она спасла «конституционную свободу».

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 87, Köln, 27 August.

решили пристыдить врага, который организовал поход и мобилизовал все силы свои, чтобы уничтожить легион и свободу»¹.

Академический легион, готовый выступить в свою защиту, становится нейтральным, как только обнаруживается выступление рабочих. В данном случае сказала и боязнь мелкого собственника перед выступлением тех, у которых нет никакой собственности, и успех политики реакционных сил, действовавший в направлении изоляции одной части революционного фронта от другой. «Нейтралитет» Академического легиона, предоставлявший полную свободу для расправы с рабочими со стороны национальной гвардии, являлся предательством легиона по отношению к своему союзнику — рабочим. Депутация рабочих, направленная к университету, никаких обещаний относительно поддержки не добила. Шварцер заявил, что никакая сила не заставит министерство пойти на уступки, и напомнил делегации о судьбе парижских пролетариев в июньские дни². Общинный совет, совместно с командованием национальной гвардии, выработал чрезвычайные мероприятия по охране города. Была выпущена прокламация, обращенная ко всему венскому населению, призывавшая к спокойствию, к борьбе с «экспрессами» рабочих³. «Все приготовлено и договорено», пишет Мюллер-Теллеринг, — для подавления свободолюбивых стремлений, и достижения 26 мая находится под ударом⁴. Мимо здания, где происходили заседания Общинного совета, проходила процессия рабочих. Перед прежним монастырем лигурианов составилось многочисленное собрание. По рассказам Фюстера, он пытался уговорить демонстрантов очистить площадь, но уговоры не имели успеха⁵. Между тем национальную гвардию, пешую и конную стражу безопасности спешно приводили в боевую готовность. В некоторых частях города началась стрельба. Площадь перед Общинным советом была очищена силой. «Чтобы скрыть свои интриги, — как свидетельствует Мюллер-Теллеринг, — камарилья переодевает молодежь в студенческую форму, последние обязаны всюду нарушать порядок»⁶. Это было поводом для многочисленных арестов. Национальная гвардия арестовывала довольно много молодых людей, якобы принадлежавших к Академическому ле-

гиону. Правительству таким путем удавалось направить реакционную часть буржуазии против студентов. Так студенты заплатили за свое предательство. Национальная гвардия, выступавшая в боевом порядке, очищала площади и улицы от рабочих, кое-где происходили стычки. Имелись уже раненые и с той и с другой стороны. Около четырех часов внутренний город был уже очищен.

Следующий день (22 августа) прошел сравнительно спокойно. Рабочие вели подготовку к новому выступлению. В среду 23 августа произошло серьезное столкновение рабочих с национальной гвардией и со «стражей безопасности».

В этот день участниками движения было устроено «шествие» в виде похоронной процессии, провожавшей к месту «вечного упокоения» куклу, которая должна была изображать министра Шварцера, подавившегося крейцером¹. Эта похоронная процессия была организована на территории пригорода — в Леопольдштадте. К двум часам пополудни процессия представляла внушительную демонстрацию, состоящую из 3 тысяч человек рабочих, среди которых было много женщин и подростков, направлявшихся к одной из главных улиц Леопольдштадта, к Пратерштрассе. Демонстранты надеялись пробраться к внутреннему городу. Вооружены были рабочие плохо, у них в руках были инструменты и камни². Рабочие несли флаги³. Не успели манифестанты достичь внутреннего города, как столкнулись со стражей безопасности; произошло столкновение. К «страже безопасности» присоединилась национальная гвардия, которая, как было сказано, вся уже находилась на сборных пунктах. Национальная гвардия открыла стрельбу по безоружным рабочим. Значительное количество убитых и сотни раненых покрыли мостовые. Рабочая демонстрация была рассеяна. Однако борьба не прекратилась. Она с новой силой возобновилась в этот же день на территории внутреннего города.

«Я должен вам сообщить», — пишет в одной из корреспонденций Мюллер-Теллеринг, — что в Пратере произошло рабочее восстание и кровопролитие, в результате которого было много жертв. Национальная гвардия ниспровергала все на своем пути. Участники демонстрации, их было 3 тысячи человек, бросились в атаку и отбросили «стражу безопасности». Женщины проявили исключительное мужество. Только что пронесли убитых и раненых и провели задержанных. Рабочие сражались своими инструментами, выстрелов с их стороны не было слышно. Национальная гвардия расправлялась с присущей мещанству жестокостью и варварством»⁴. Мюллер-Тел-

¹ F ü s t e r A n t o n, op. cit. B. II, S. 101.

О том, что Академический легион держался нейтральной позиции, свидетельствует листовка, находящаяся в Коллекции листовок ИМЭЛ, вышедшая из реакционных кругов под названием «Einige Bemerkung über die Wiener Arbeiter Ereignisse». 27.VIII. 1848.

Листовка следующим образом рисует отношение различных организаций и классов к происходящим событиям: «Академический легион «нейтрален», бюргерство стремится к возврату к старому. Национальная гвардия активно выступает против всех, кто нарушает общественный порядок»

² Reschauer H. Das Jahr 1848. Geschichte d. Wiener Revolution. B. II, S. 489.

³ «Neue Rheinische Zeitung» № 87, 27 August.

⁴ Там же.

⁵ F ü s t e r, op. cit, S. 101—102.

⁶ «Neue Rheinische Zeitung» № 87, Köln 27 August 49.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 20, 31 August, Wien 25 August.

Имеется и другой вариант этой процессии. Рабочие ведут осла, на нем сидит кукла с пятикрейцеровой монетой во рту. Эта кукла сжигается, и процессия снова идет сомкнутыми рядами. См. Zenker. Die Wiener Revolution 1848, S. 207.

⁴ «Neue Rhein'sche Zeitung» № 88—89. 30 August Wien 23 August.

³ Источники не говорят, какого цвета были флаги. К концу дня появились красные флаги.

⁴ «Neue Rhein'sche Zeitung» № 88—89, 30 August.

леринг преувеличивает значение и характер этого выступления рабочих. Это была лишь демонстрация, которая подверглась варварской расправе со стороны вооруженной национальной гвардии. Однако реакционная часть буржуазии могла торжествовать победу. Когда национальные гвардейцы возвращались после расправы с рабочими, шли с огнятыми у рабочих флагами и окровавленными саблями по улицам Леопольдштадта, — дамы приветствовали их и забрасывали цветами¹. К вечеру борьба снова возобновилась.

Новым центром борьбы явилась Таборская линия и Северный вокзал. Затем к рабочим общественных мастерских присоединились новые отряды рабочих со своими инструментами и огнестрельным оружием. Движение приобретает новую силу и новый характер. Активное участие в движении приняли рабочие железнодорожных мастерских. Северный вокзал с прилегающей местностью сделался ареной новых столкновений². Национальные гвардейцы в погоне за участниками движения врывались в железнодорожные постройки и мастерские. Рабочие этих мастерских выступили на стороне демонстрантов, преградили вход национальным гвардейцам. В районе Северного вокзала происходили настоящие сражения. Движение ширилось и принимало все более решительный характер. Помимо рабочих общественных работ, оно включило часть рабочих металлургических предприятий. Появилось оружие. К вечеру этого дня Таборштрассе покрылась укреплениями. У участников движения появилось знамя восстания — красный флаг³. Рабочее выступление превратилось в широкое политическое движение, с которым еще с большей яростью расправлялась реакционная буржуазия.

В газете «Der Radikale» опубликован рассказ очевидца о поведении национальных гвардейцев в этом пункте борьбы. В районе Северного вокзала национальная гвардия устроила засаду, производила беспорядочную стрельбу, преследовала рабочих, пытавшихся скрыться, расстреливала совершенно случайных прохожих⁴.

Когда рабочие проникли через Таборский мост в Бригитенау, то части национальной гвардии организовали настоящую бойню. Рабочие были окружены и изолированы. К 6 часам вечера Вена превратилась в осажденный город. Ворота города оказались на запоре. Рабочие на Таборштрассе забаррикадировались и оказывали сопротивление. Двери домов и лавок оказались закрытыми. Во внутреннем городе и Леопольдштадте происходило также большое скопление народа.

¹ Национальная гвардия Леопольдштадта заплатила за свое злодеяние своей судьбой в октябрьские дни. Войска разрушили Леопольдштадт. При взятии города они набросились на гвардию и уничтожили ее.
Füster. Memoiren. Band. II, S. 108.

² Unterreiter. Die Revolution in Wien, S. 82.

³ На наличие у рабочих красного флага указывает Мюллер-Теллеринг «Neue Rheinische Zeitung» № 90, 31 August.

⁴ «Der Radikale» № 60, 26 August.

Всякое противодействие со стороны участников движения встречалось дикой бранью и угрозами. Если и были единичные выступления членов Академического легиона в защиту рабочих, то студентам это заступничество стоило дорого. Когда войска с отнятой ими добычей проходили парадным маршем через Егерцейле, читаем мы в «Новой Рейнской газете», один участник Академического легиона воскликнул: «Позор, трижды позор тем гвардейцам, которые попустительствуют этому; в то время как множество матерей и сирот льют слезы, течет невинная кровь». Как только он это произнес, гвардейцы набросились на него с дикой бранью и заявили ему: «Как только мы расправимся с рабочими, мы немедленно примемся за вас»¹.

Были жертвы из числа совершенно непричастных к движению людей. Один 70-летний старик был схвачен и убит национальными гвардейцами.

В ряде районов Вены жертвами первого же натиска были женщины и дети. Несмотря на мольбы о пощаде, они были умерщвлены. Множество народа толпилось около больниц Вены и разыскивало своих родных: матери искали своих детей, жены — своих мужей.

К вечеру сопротивление рабочих было сломлено, и торжествующая национальная гвардия возвращалась с добычей, вырванной у рабочих, — с красными флагами и с множеством инструментов. Точное число жертв установить трудно. По данным корреспондента «Новой Рейнской газеты», рабочими было потеряно 30 убитыми и 300 ранеными, а защитниками порядка — всего 1 убитым и 56 ранеными².

Министерство воспользовалось августовскими днями для того, чтобы провести ряд реакционных мероприятий. 24 августа был издан следующий приказ, по которому: 1) вся национальная гвардия и все городские учреждения отныне должны были подчиняться исключительно министру внутренних дел; 2) всякое сопротивление национальной гвардии наказывалось со всей строгостью уголовного законодательства; 3) на всех рабочих пунктах, где происходили беспорядки, прекращались работы, а рабочие, желавшие вновь поступить на общественные работы, должны были представить свидетельства о своем прежнем поведении, а также о том, что Вена является их постоянным местожительством.

Однако правящие круги и буржуазия не ограничились этим указом. После событий 23 августа политическая ситуация в стране представляла собой картину острой классовой борьбы. Ярко выступал страх буржуазии перед новыми рабочими выступлениями. Это заставляло держать в полной боевой готовности буржуазную гвардию, способную по первому призыву выступить для подавления рабочего движения.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 20, 31 August.

² Там же, № 88—89, 30 August. № 10, 31 August, № 93 September. Wien 28 August.

Все распоряжения национальной гвардии в ближайшие после выступления рабочих дни наполнены все теми же распоряжениями о необходимости охранять районы, через которые проходила демонстрация, а также те районы, в которых производились общественные работы.

26 августа происходили похороны рабочих, павших 23 августа. Огромная демонстрация, доходившая до 10 тысяч человек, проводила жертвы рабочего движения. Общественное спокойствие охранялось национальной гвардией и Академическим легионом. Различные партии по-разному отнеслись к происходящим событиям. Статья «Der Radikale», давшая описание этих похорон, заканчивается следующей фразой: «Человечество поставит им золотой памятник»¹.

«Так рассеялся псевдо-парижский июньский призрак», — заканчивает свой рассказ о событиях представитель реакционной венской буржуазии и автор мемуаров о 1848 году в Вене Унтеррейтер².

События 23 августа обсуждались в рейхстаге, происходила борьба и в венской прессе по вопросу о том, чем было это движение и каково его значение.

VI

Военщина и реакционная часть венской буржуазии одержала победу, за которую она получила благодарность и признание даже от самого императора³. Победа реакции оказала свое влияние на судьбу тех организаций, которые были созданы революцией, — Комитета общественной безопасности, национальной гвардии и др.

Буржуазией снова овладело старое недоверие «к анархическому» рабочему классу. Реакционные бюргеры объединились с военной и феодалами против рабочих, демократов, студентов. Это объединение нашло даже поэтическое выражение.

В стане контрреволюции оказался Отто Прехтль, восторженный певец мартовской революции; после событий 23 августа он резко повернул вправо. Прехтль написал стихотворение «И ты, Брут, ты», посвященное по своему содержанию. В этом стихотворении он оплакивает свою любимую Вену, единственное убежище для изгнанной из Германии «безобидной, чистой, глубокой чувствительности», и своих венцев, «осквернивших свободу».

Доверились гнусным бандитам они,
Позоря тем Марта священные дни...

Поэт Грильпарцер написал стихотворение «Ruhe und Ordnung», воспевающее австрийскую армию, борющуюся в Италии. В нем

¹ «Der Radikale» № 67, 17.VIII.48.

² Unterreiter D. Revolution in Wien von März bis Oktober, B. I, S. 81.

³ Император передал через Добльгофа свою благодарность национальной гвардии за спасение Австрии от «анархии». Liber Freiher von Doblhoff 25 августа 1848 г. Коллекция ИМЭЛ.

Поэт желал этой армии всяческого успеха, победы в Италии и благополучного возвращения в Вену. Возвращение австрийской армии в Вену Грильпарцер рассматривает как торжество дисциплины, как восстановление в столице «порядка и спокойствия».

Движение 23 августа оказало влияние на мелкобуржуазных демократов. Комитет общественной безопасности, рожденный на баррикадах майских дней, пользовавшийся у рабочих доверием в момент выступления рабочих, в августе 1848 года обнаружил полную свою беспомощность, предоставив возможность военщине расправиться с безоружной демонстрацией рабочих.

— После тяжелого итога августовских дней Комитет распустил сам себя, не дожидаясь постановления правительства об его роспуске.

Ликвидация Комитета не вызвала какого-либо серьезного протеста со стороны демократических масс.

Переход реакции в наступление выразился также в том, что в августе непосредственно после подавления рабочих были организованы политические процессы, связанные с преступлениями по делам печати. Неожиданно всплыло дело по обвинению двух авторов, Фальке и Бухгейма, поместивших свои статьи в газете «Политический курьер студентов».

Это дело, возбужденное еще в июле, было подвергнуто разбору 24 августа. Вина двух авторов была в том, что оба в своих статьях употребили слово «республика». Статья Бухгейма «Республиканец альсерского предместья» заканчивалась призывом: «Не смешивайте республику с анархией. Только республиканская конституция дарует народу благо и счастье».

Вторая инкриминируемая статья «Республика в Вене», принадлежащая Фальке, выражает восхищение быстрым ростом политического сознания у венского населения и укреплением республиканских воззрений. Эти «преступления» были достаточны для того, чтобы начать процесс. В итоге оба обвиняемых были оправданы¹.

Этот небольшой эпизод показателен как попытка правительства нанести удар не только рабочему движению, но и оппозиционной демократической прессе.

Между тем вопрос о выступлении рабочих обсуждался в рейхстаге. Собрание представителей, заседавшее в Вене, не могло пройти мимо происшедших событий. 24 августа как со стороны правых рейхстага, так и со стороны левых последовали запросы по поводу причин происшедших событий. Со стороны министерства выступили Добльгоф, Шварцер. Шварцер со свойственной ему развязностью говорил о заслугах министерства, которое с исключительной силой и энергией дало отпор анархическому выступлению рабочих и обеспечило спокойствие и порядок.

С оценкой только что происшедших событий выступил Бах, речь последнего выявила ту эволюцию, которую пережила часть

¹ «Der Radikale». Extra-Beilage zu № 59, 24.VIII.48, S. 243.

венской буржуазии. Бах, который в марте держался оппозиционных по отношению к правительству позиций, в настоящий момент выступил в рейхстаге с погромной речью по адресу рабочих. «Выступление рабочих Вены,—говорил Бах,—знаменует торжество принципов анархии и республики. Правительство всегда будет решительно выступать против этих зловредных действий». Добльгоф произнес «многословную речь» о «зловредных действиях», в результате которых произошло кровопролитие¹.

Позицию левой партии рейхстага выражает демократ Виолан. «Выступление рабочих достигло небывалой силы, и спокойствие не может быть восстановлено, ибо население озлоблено»,—говорил Виолан. «Почему Комитет общественной безопасности распущен, а Общинный совет продолжает существовать?»—говорил депутат. Далее Виолан направляет по адресу министерства ряд запросов. Известно ли министерству, что вчера национальная гвардия и «сгража безопасности» стреляла в толпу женщин и детей, не щадила ни в чем неповинных людей и т. д. Какие меры приняты министерством, чтобы оградить личную свободу от узурпации исполнительной власти. Добльгоф пробормотал что-то в ответ по поводу необходимости создать дееспособную исполнительную власть и дал обещание расследовать действия национальной гвардии и «стражи безопасности»².

Речи Добльгофа особенно сочувственно принимались центром той буржуазией, которая вне парламента принимала активное участие в организации побища; с удовлетворением выслушал центр известие о ликвидации Комитета общественной безопасности, сочувственно было встречено заявление министра о необходимости создать твердую исполнительную власть.

Иное отношение было к выступлению левых, их позиция не встречала сочувствия большинства рейхстага. На следующий день произошло бурное заседание рейхстага в связи с выступлением члена левой Умлауфта³. Он говорил об антиконституционной политике исполнительной власти, о стремлении министерства восстановить спокойствие «смерти», о преступлениях национальной гвардии, которая не щадила женщин и детей, а расстреливала убегающих, арестовывала за выражение сочувствия рабочим. Умлауфт обращался с запросами к министерству, кто дал приказ рубить и стрелять, и принимает ли министерство на себя ответственность за происшедшее. Он требовал создания народной власти, чтобы министерство руководствовалось принципами, положенными в основу деятельности Академического легиона, органа, имеющего заслуги перед народом и являющегося самой надежной опорой для свобо-

ды¹. Добльгоф, выступивший после Умлауфта, пытался снять с себя обвинение в организации расправы. По словам министра, национальной гвардии никто не давал приказа стрелять и рубить. Национальная гвардия не нападала, она только защищалась². Когда на следующий день Умлауфт просил вторично слова, то в зале началось беспокойство: «К порядку дня. К порядку дня!»—кричали депутаты³.

Союз реакционной части буржуазии и двора был закреплен расправой над рабочими массами в августе 1848 года. Большинство членов рейхстага меняло свою ориентацию, и перед опасностью «анархии» и «республики» начинало проявлять свои верноподданические чувства. Этот процесс происходил с чрезвычайной быстротой и находил свое выражение в прениях, происходивших в рейхстаге. Правда, среди левых находились такие смельчаки, которые шли против официальной точки зрения, но они оставались одиночками.

VII

На события 23 августа откликнулась также и радикальная пресса; газета «Die Konstitution» и газета «Der Radikale» посвятили этому движению подробные статьи, характеризующие выступление рабочих и политику министерства. Демократическая печать отразила свою точку зрения на рабочий вопрос в Австрии в целом. Необходимо в связи с этим остановиться на той оценке происшедших в августе событий, которая была дана видными представителями политической прессы Фрейгер фон Штифтом и Германом Еллинеком. Штифт и Еллинек не были активными участниками движения. После того как рабочая кровь залила улицы Вены и предместий, они написали ряд статей, в которых выявилось их отношение к рабочим выступлениям. Газета «Радикал» заняла весьма умеренную позицию. В статьях, помещенных в этой газете, очень много революционной фразеологии, вместе с тем содержание их показывает непонимание их авторами классово-сущности движения. И Штифта, и Еллинека, и большинство демократов той эпохи объединяет боязнь коммунизма, боязнь дальнейшего революционизирования рабочих.

В одной из статей «Радикала» сотрудник Рейниш скорбит по поводу того, что события в августе месяце разрушили единение между рабочими массами и Комитетом безопасности и рейхстагом. «Достаточно перелистать несколько страниц истории, и мы увидим, что основной смысл событий 13, 14 и 15 марта, а также 15 и 26 мая не что иное, как создание народного министерства и свободного конституционного рейхстага. Ничего другого не хотела Вена, как только укрепить свободу. Как все это изменилось, пока-

¹ Обсуждение событий 23 августа мы передаем на основании специальной газеты, издаваемой рейхстагом «Wiener Reichstage Blatt», которая stenografisch передает все содержание дебатов. См. № 43, 26—VIII 1848 г. Sitzung 24. VIII.

² «Wiener Reichstage Blatt». 26.VIII.1848. Sitzung 24.VIII.

³ Там же, 25.VIII. 1848.

¹ «Wiener Reichstage Blatt», 25.VIII.1848.

² Там же.

³ «Der Radikale» № 57, 23.VIII.1848. Der 21 August 1848.

зывают события 21 августа». В этом повинен в первую очередь рейхстаг. Бесконечное количество ухищрений пускается в ход для того, чтобы сохранить кошельки банкиров за счет народного благосостояния. Рейхстаг с легкостью увеличивает налоги, чтобы сохранить миллионное состояние монастырей. В этом виновато министерство, которое в лице министра общественных работ Шварцера и министра внутренних дел не знает другого средства экономии, как снижение заработной платы рабочих¹.

После этих реплик по адресу министерства и рейхстага автор выдвигает весьма умеренную политическую программу: рейхстаг должен признать свои ошибки, а министерство общественных работ должно найти лучший выход из положения.

Статью «Горе побежденным» пишет Штифт. Он рассматривает все события с точки зрения этических начал—борьбы добра и зла. Он всецело на стороне страдающей части человечества—рабочих. Его статья полна гнева, направленного против действий министерства. Однако в этих статьях совершенно нет политической оценки движения. «После событий 23 августа невозможно взяться за перо без того, чтобы перед глазами не встали тотчас же трупы,—пишет Штифт.—Мы не думаем защищать рабочих или оспаривать тот факт, что национальная гвардия принуждена была защищаться, когда на нее нападали. Однако хорошо известно, что она сделала больше,—она открыла пагубную гражданскую войну»². Статья заканчивается гневными словами по адресу министра Шварцера. Эта статья чрезвычайно характерна для мирозерцания Штифта. Гражданская война—это не результат столкновения классов, а борьба злого и доброго начала. Рабочие не ведут политической борьбы,—их выступление—бунт голодного страдающего класса. Министерство—носитель злого начала, оно из мести за свое недавнее поражение проливает человеческую кровь. Все общественные отношения рассматриваются с точки зрения этики, борьбы индивидуальных волей и т. д. В следующей статье Штифт поднимает общие вопросы относительно характера рабочего движения в Австрии, подчеркивает своеобразие общественных отношений. Статья «Рабочее движение в Австрии»—это целая программа. Штифт отрицает в Австрии наличие классовой борьбы и движения, которые носили бы политический характер. «Все, что происходит у нас в Вене, принимает обычно своеобразный характер.. Природе австрийского рабочего свойственно воспринимать всякого рода социальные явления спокойно, не возбуждаясь.. Война пролетариата против института собственности, самая неумолимая из всех войн, война социальная ведется у нас обеими сторонами с таким нескрываемым добродушием, что наблюдателю сразу становится ясно, как неощутима и неглубока пропасть, создавшаяся в течение веков и лежащая между рабочими и собственниками.

На рабочего все набрасываются, как на выбежавшую из клетки гнечу, между тем рабочий подходит к делу очень просто. Господин министр труда видит во всех событиях последнего времени экономическую напасть, консерваторы чувствуют коммунизм и ищут смутьянов-республиканцев за кулисами движения. Но сам рабочий имел в виду лишь крепко, по-мастерски, потолковать со своим хозяином. Ему и в голову не приходило, что этот самый работодатель полыхнет в него огнем из своих буржуазных арсеналов»¹.

В этой статье поставлен уже более общий вопрос, более широкий, чем оценка выступления рабочих 23 августа. Автор касается вопросов общественного развития и характера австрийского рабочего движения. С его точки зрения, Австрии не свойственны те общественные отношения, которые вызывают классовую борьбу и рабочее движение. Общественное развитие Австрии идет своеобразными путями, не похожими на развитие других стран Европы; Австрии не свойственны те политические столкновения, которые имеются в других странах. Слабость австрийского рабочего движения, недостаточная оформленность его трактуются Штифтом в смысле отсутствия классовой борьбы и рабочего движения.

Выступление рабочих, которое только что произошло перед его глазами, он склонен рассматривать как конфликт, вызванный с одной стороны, нуждой рабочих, а с другой—злостью министерства. Это принижение рабочего движения, недооценка его характерны для демократов той эпохи. Эти взгляды проводит в своих статьях Штифт, свойственны они и другому видному венскому демократу Герману Еллинеку.

Еллинек проводит идею, проходящую красной нитью через все его статьи, о необходимости добиться гармонии интересов между бедными и богатыми, между собственниками и пролетариями. По его мнению, этой общности особенно легко добиться в Австрии, стоящей далеко от коммунизма и от острых классовых столкновений. Эта гармония может быть достигнута при помощи организации труда. Само государство должно поставить себе задачу уничтожить безработицу посредством широкой организации общественных работ, дарового кредита для пролетариев, создания дешевого правительства и демократической республики.

Выражая свое сочувствие рабочим, Еллинек тем не менее ошибочно расценивает движение в августе 1848 года. Он не считает это движение проявлением классового антагонизма. По его мнению, у рабочего движения в Австрии особая судьба и особые пути, резко отличные от происходящего во Франции. «Частной собственности в Вене,—пишет Еллинек,—не угрожает никакая опасность. Наш рабочий не посягает на священную частную собственность. В этом отношении он совершенно не похож на французского рабочего, с его коммунистическими принципами»². Министерство, по

¹ «Der Radikale» № 57, 23 VIII 1848. Der 21 August 1848.

² Там же, № 60. 26.VIII. 1848.

¹ «Der Radikale» № 63, 30 VIII De Arbeiterbewegung in Wien.

² Там же, № 62, 29 VIII.1848. 23 August und Reichstag.

мнению Еллинека, сделало большую ошибку. Раз уже государство гарантирует рабочему работу, оно не должно путем каких-то иезуитских уловок снижать заработную плату и, тем самым, принуждать рабочего искать работу в другом месте. Поэтому политика Шварцера стремилась к тому, чтобы сделать рабочих жертвой конкуренции и, таким образом, поставить их в зависимость от милости богатых собственников. Возможно, что министерство Шварцера хотело заручиться симпатиями Общинного совета. Такая политика не говорит о том, чтобы Шварцер сделал что-либо серьезное в отношении к рабочим.

Все высказывания Еллинека: критика политики министерства и его суждения по вопросу о характере рабочего движения в Вене — родственны идеям Штифта. Статьи Еллинека типичны для представителя мелкой буржуазии. Еллинек следующим образом определяет то влияние, которое может оказать выступление 23 августа на собственнические классы, на настроение депутатов рейхстага. По словам Еллинека, в рейхстаге сидят люди, которые в течение нескольких недель обсуждают вопрос о выкупе крестьянских повинностей, вдруг видят перед собой толпу рабочих, которые пришли с оружием в руках драться не на жизнь, а на смерть из-за пяти крейцеров. «Разве это не на руку реакции, — спрашивает Еллинек. — Разве страх перед коммунистическими кознями не накладывает на рейхстаг печати умеренности, которая так опасна в настоящее время?»¹.

Необходимо подвести некоторые итоги по поводу позиции демократической прессы и наиболее популярных мелкобуржуазных лидеров. Движение 23 августа оказало влияние и на мелкобуржуазную демократию. Совершенно была разрушена иллюзия возможности создания единого фронта для борьбы против феодализма. Мелкобуржуазная демократия оказалась в известной степени «без руля и без ветрил». Слова Энгельса, относящиеся к октябрю, могут быть отнесены и к изучаемому нами периоду революции «Смута царил в общественном мнении, смута царил в руководящих кругах»². Демократическая пресса отражала эту смуту. Ее позиция правящим классам весьма умеренна, она осуждает министерство за его политику, указывает роль реакции в создании побоища рабочих, оплакивает судьбу рабочих, погибших в эти дни. Однако она неспособна понять характер отчуждения между двумя классами. Таково отношение газеты «Der Radikale» к событиям. Наиболее видные представители буржуазной демократии не только не понимали смысла этого отчуждения, но и не могли осознать пути и задачи рабочего движения; Штифт и Еллинек недооценивали рабочее движение. Движение, по их мнению, не имело политического характера. В Австрии нет, по их мнению, коммунизма, нет клас-

совой борьбы и политического движения рабочих. По их мнению, ближайшие цели движения ограничиваются экономическими задачами борьбы, обеспечением работой, кредитом рабочим и частичным переустройством государственного строя. Штифт и Еллинек были соглашателями и предателями рабочего класса. Это направление встретило острую критику со стороны «Новой Рейнской газеты», а также со стороны Маркса, когда он прибыл в Вену.

VIII

Маркс прибыл в Вену сразу же после августовских выступлений рабочих, а именно 28 августа 1848 года, и пробыл там до сентября. Вместе с ним приехал Фребель — немецкий радикальный публицист, представитель левой части франкфуртского парламента. В Вене Маркс провел большую работу по установлению связи между рабочим и демократическим движением, выступал в рабочем и демократическом обществах; тогда же Маркс познакомился с Мюллер-Теллерингом¹.

Уже 28 августа Маркс принимает участие в заседании Демократического общества, где происходит обсуждение последних событий в Вене. Маркс и Фребель присутствовали на заседании в качестве гостей и принимали активное участие в дебатах. Вопрос о том, какую позицию займет Демократический союз по отношению к Шварцеру и ко всему министерству Добльгофа. Все единодушно признавали, что оно должно быть свергнуто. Но каким путем? Этому вопросу и было посвящено заседание, о котором мы узнаем из протокольных заметок демократических газет. Первым говорил демократ Штифт, бывший соратник и друг Шварцера; он изобличал последнего в том, что министр изменил демократии и либерализму. «Der Radikale» описывает выступление Штифта в восторженных тонах. Штифт, якобы, проявил себя, как человек мужественный и искренний. После Штифта выступил Лебенштейн и заявил о необходимости направить к императору делегацию, чтобы просить о смещении Шварцера. К этому присоединился и Фребель, заявивший, что он не считает обращение к императору сколько-нибудь противоречащим принципам демократизма². Маркс решительно выступил против мелкобуржуазных демократов. Маркс считал, — пишет «Der Radikale», — безразличным, кто будет министром, так как здесь происходит, так же как и в Париже, борьба между пролетариатом и буржуазией. Выступление Маркса, по определению «Der Radikale», было «воодушевленным, острым, поучительным»³. В «Новой Рейнской газете» появилась

¹ Подробное изложение всех фактов, связанных с пребыванием Маркса в Вене, см. мою статью «Маркс и октябрьское восстание в Вене». «Историк-марксист», 1933 г., № 3.

² «Der Radikale» 31 August, Wien 30 August.

³ Подробное изложение выступления Маркса мы имеем в газете «Der Radikale»; «Neue Rheinische Zeitung» ограничивается кратким замечанием: «Маркс утверждал, что было бы демократичнее обратиться в рейхстаг. «Neue Rheinische Zeitung» № 94—95. September, Wien 29 August).

¹ «Der Radikale» № 62. 29 VIII 1848 «23 August und Reichstag»

² Маркс и Энгельс, Соч., М.—Л. 1930 г., том VI — «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 71.

корреспондентская заметка, несомненно, инспирированная Марксом. Передавая краткое содержание прений, «Новая Рейнская газета» писала: «...Никто не был здесь удивлен тем, что берлинские теоретики-демократы в своей практической деятельности идут на союз с князьями»¹. Выступление Маркса на собрании Демократического союза встретило отпор. Марксу возражал Еллинек и указывая, что выступление рабочих в Вене ни в коей мере нельзя сравнивать с движением французских рабочих, что в выступлении венских рабочих нельзя усматривать явлений классовой борьбы². Заседание закрылось вынесением резолюции о том, чтобы предоставить министерству идти по пути его неизбежной гибели, не считая нужным прибегать к петиции для его удаления.

Выступая в Демократическом союзе, Маркс с исключительной яркостью подчеркнул классовый характер движения 23 августа как восстания венских рабочих против буржуазии, как предвестника грядущих классовых боев пролетариата. Важно также то, что здесь был дан решительный отпор реакционной позиции как берлинских, так и венских демократов. Маркс издевался над близорукостью демократов, которые представляли все дело не как стремление пролетариата отстоять революционные завоевания и углубить революцию, а как протест против снижения заработной платы на 5 крейцеров. Дальнейшие выступления Маркса шли в этом же направлении.

30 августа и 2 сентября Маркс выступал в Первом всеобщем рабочем союзе Вены, организации, стремящейся мирным путем добиться демократизации политического строя, «рабочего министерства», пропагандировавшего среди рабочих идеи самопомощи, просвещения.

На заседании рабочего союза 30 августа Маркс прочел доклад о социальных взаимоотношениях в Западной Европе, ставший нам известным по краткой отрывочной записи газеты «Die Konstitution». «Д-р Маркс говорил о рабочих, о национальных мастерских и о последней рабочей революции в Париже. Он говорил о том, что немецкие рабочие должны быть горды тем, что значительное число сосланных (после июньских дней. — Р. А.) являются рабочими немцами. [Он говорил] о чартистах в Англии, о последних движениях чартистов, об Англии и окончательном освобождении рабочих, о Бельгии³. После Маркса говорили Штифт и Еллинек о социальном вопросе, а также о будущем рабочих. Еллинек выступил со специальной целью ослабить впечатление от выступления Маркса. 2 сентября Маркс читал доклад «Заработная плата и капитал». Об этом докладе сохранилась чрезвычайно отрывочная запись газеты «Die Konstitution»: «Утверждения, что интересы капиталистов и рабочих едины, — говорил Маркс, — являются ложными.

развитием разделения труда растет конкуренция между рабочими. Она понижает заработную плату, еще более понижает заработную плату появление машин... Цивилизация не увеличивает благосостояния рабочих, а, наоборот, действует в противоположном направлении...» «Оратор говорит о различных средствах помощи, которые являются паллиативами (как, например, средства Мальтуса в связи с его теорией народонаселения, о рабочих домах в Англии), о поднятии технического уровня рабочих, об уничтожении запретительных пошлин и налогов»¹.

Подводя итоги чрезвычайно отрывочным сведениям, сохранившимся о кратком пребывании Маркса в Вене, можно утверждать, что все выступления Маркса против буржуазных демократов и либералов сводились в основном к настойчивому разъяснению Марксом главных задач того движения, которое только что разыгралось в Вене, к указанию на классовый смысл августовских боев и на связь их с движением европейского пролетариата.

Выступление рабочих в августе 1848 года определяется резким обострением классовых противоречий, стремлением демократии к проведению революции, к сохранению революционных завоеваний и к противодействию наступлению министерства и солидаризовавшихся с ним реакционных кругов крупной буржуазии.

Это выступление произошло в тот момент, когда реакция одерживала ряд побед в европейских странах — во Франции, в Германии и в самой Австрии.

В этой обстановке преследования рабочих, покушения министерства на заработную плату вызывали периодические выступления рабочих, из которых наиболее значительным было движение 23 августа. Начавшееся, как демонстрация, движение превратилось в широкое политическое выступление рабочих в качестве протеста против надвигающейся контрреволюции.

23 августа обнаружило слабость рабочего движения в Австрии, в известной степени соответствовало относительной слабости развития австрийского капитализма. Те организации, которые были созданы революцией, вели политику, послужившую причиной их полной гибели. Национальная гвардия пала жертвой своих реакционных настроений, будучи уничтоженной феодальной контрреволюцией. Комитет общественного спасения, не оказав никакой помощи рабочим, после подавления движения сделался жертвой террора. Демократические лидеры проявили себя весьма слабыми руководителями и погибли после поражения Вены в октябре. Выступление рабочих сыграло большую роль в ходе революционного движения. Оно выявило новое соотношение классовых сил. Феодальной контрреволюцией объединились крупные предпри-

¹ О выступлении Маркса с докладом имеется в «Neue Rheinische Zeitung» 97 от 8 сентября краткая заметка такого содержания: «В сегодняшнем заседании Первого венского рабочего союза выступил Маркс по социально-экономическому положению». Доклад «Заработная плата и капитал» написан в январе — феврале 1848 г.; в 1849 г. работа напечатана в «Neue Rheinische Zeitung» № 264, 267, 269.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 94, 5 September. Wien 29 August.

² «Der Radikale» 31 August.

³ «Die Konstitution», № 133, 1848.

ниматели, которых отбросила в лагерь реакции боязнь рабочих масс, и венские хозяйчики — носители самых реакционных идей и тенденций, враждебных рабочим, в которых они видели носителей анархии. Последнее обстоятельство определило позицию Общинного совета, игравшего в этот период реакционную роль.

Движение 23 августа оказало влияние и на рейхстаг. Феодално-буржуазное большинство, под давлением событий, в страхе перед анархией, полностью солидаризируется с министерством.

В этот период революции происходило поправление демократических элементов. Все четче выявлялось их предательство по отношению к рабочим массам, их политика соглашения с буржуазией, недооценка рабочего движения, переоценка роли реформы, которая якобы могла уничтожить классовый антагонизм и безработицу.

Объединение крупной буржуазии с феодальной контрреволюцией и недостаточная активность и соглашательская политика демократии определили то превосходство контрреволюционных сил, которое сыграло решающую роль в подавлении октябрьского восстания и в поражении революции.

И. А. БЕНДРИКОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Февральская революция возникла в результате глубокого экономического и политического кризиса в стране. Против июльской монархии объединились все прогрессивные элементы французского общества. Большое значение в дофевральский период имела партия мелкобуржуазных демократов «Реформа», которая представляла в то время рабочий класс на политической арене, в парламенте, прессе, на банкетах¹. Вожди демократов Ледрю-Роллен, Флокен, Луи Блан группировались вокруг газеты «La Réforme». Энгельс высоко оценивал ее программу: «Из всех парижских еженедельных газет только одна не желает удовлетвориться ничем другим, кроме всеобщего избирательного права, и под словом «республика» понимает не просто политические реформы, в результате которых положение рабочего класса останется таким же бедственным, как сейчас, а и социальные реформы, и притом очень определенные, — это газета «Реформа»². Выступая против правящих классов совместно с пролетариатом, «социалистические демократы» уделяли большое внимание рабочему вопросу. В их газете красноречиво, в ярких образах, часто с цифровыми данными, рисуется тяжелое и бесправное положение пролетариата. Рабочие с благодарностью относились к «Реформе» за ее заступничество и стремились оказать ей материальную поддержку, так как газета часто подвергалась штрафам со стороны правительства. Замечательным свидетельством высокой оценки деятельности «Реформы» являются коллективные письма рабочих, присланные в редакцию в связи с репрессиями против нее. «Вы, — обращаются рабочие-портные к сотрудникам газеты, — боролись шаг за шагом против реакционных и репрессивных законов по отношению к рабочим, против рабочих книжек, против объединений капитала»³. Портные писали, что они собира-

¹ Энгельс. Рабочий класс Франции и президентские выборы. Журн. «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 15.

² Энгельс. Движение за реформу во Франции. Журн. «Пролетарская революция», 1940, № 4, стр. 134.

³ «La Réforme» 9.X.1847.